
ОГОНЁК
№ 35 АВГУСТ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
БРОСОК В СИБИРЬ
Хараламб Зинкэ. МОЯ УЗБЕКСКАЯ РОДНЯ
Новые стихи Сергея Смирнова
ТАЙНЫ КЕРЧЕНСКИХ КАТАКОМБ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 35 (1784)

27 АВГУСТА 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Шофер Л. Григорьев готовится в очередной рейс.

Бригадир В. Елисеев и управляющий отделением К. Садвакасов.

Библиотекарь М. Бондаренко: «Книги, журналы, газеты! Торопитесь: еду дальше!»

ЗОЛОТОЙ П

Агроном М. Ященок (слева): «Зерно в этом году отменное!»

Учетчица Я. Наруш: «Хорошо сегодня комбайнеры поработали!»

ОТОК

Фото А. Узляна.

Хлеб пошел! И сразу для людей, его растивших, все другое отступило на второй план. Одна забота, одна дума — собрать плод долгих трудов, собрать все до зернышка в закрома...

Если спросить у любого рабочего совхоза «Урюпинский», кто на уборке самый важный, самый нужный человек, ответ будет один: все нужны. В страдную пору уборки богатого урожая никто не может стоять в стороне, каждому найдется дело. Без комбайнера, конечно, не обойдешься, без шофера тоже. И без повара, и без учетчицы, и без книгоноши. Нет праздных рук на целинной земле, когда пошел большой хлеб!

Над полями, над дорогами, над всем огромным краем витает вкусный, сытный пшеничный дух. Звенящим потоком идет зерно на ссыпные пункты, на элеваторы. И в этом потоке хлеб, взращенный трудом рабочих совхоза «Урюпинский», что в Калининском районе, Целинного края...

«Есть чему поучиться...»

«Соседям-государствам надо дружить» — эти слова первого заместителя Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояна, посетившего Японию в связи с открытием в Токио Советской торгово-промышленной выставки, отвечают интересам всего японского народа.

Простые люди Японии оказали посланцу Советского Союза теплый прием. Красные флаги, приветственные лозунги встречали А. И. Микояна в аэропорту Ханэда, в Токио, в Осака.

15 августа товарищ А. И. Микоян объявил Советскую торгово-промышленную выставку открытой. Каждый день многолюдно в ее залах. Представленные здесь экспонаты — яркий рассказ о жизни СССР — страны, строящей коммунизм.

Японская газета «Токио таймс» отмечала, что жители столицы не могли сдержать восхищения, увидев «безграничную мощь Советского Союза, воплощенную в искусственных спутниках Земли, атомном ледоколе, станках и т. д.». Газета пишет, что «студенты и трудящаяся молодежь с восхищением смотрят на портрет Никиты Сергеевича Хрущева, выступающего с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН с предложениями о разоружении, и огромную карту строительства Советского Союза по 7-летнему плану».

«У Советского Союза есть много очень хороших машин, стоящих по своим качествам на первом месте в мире»,— писала влиятельная буржуазная газета «Майнити».

«Здесь есть что посмотреть специалистам»,— заявил президент строительной компании «Такано кэнсэцу» Такано. «Эти товары,— сказал он,— выше мирового уровня. Здесь есть чему поучиться».

Находясь в Японии, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян нанес визит премьер-министру Хаято Икэда.

Особенно много посетителей в разделе советских достижений в космосе.

Фото ЮПИ и Джапан Пресс.

НЕУТОМИМЫЙ БОРЕЦ ЗА МИР

Рамешвари Неру... Имя этой индийской женщины, мудрой и мужественной, хорошо знают на всех континентах. Выдающийся борец за мир и социальную справедливость, против проклятия нашего века — колониализма, г-жа Рамешвари Неру, несмотря на преклонный возраст, продолжает свою благородную деятельность. Она является одним из инициаторов движения солидарности народов Азии и Африки. Ее видят в Копенгагене и Конакри, ее выступления, проникнутые глубоким гуманизмом, верой в человека, в его право жить в мире, свободном от оружия и войн, надолго запоминаются всем, кто их слышал. Большая дружба связывает г-жу Рамешвари Неру с советскими людьми.

22 августа в Свердловском зале Московского Кремля замечательной общественной деятельнице Индии г-же Рамешвари Неру была вручена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

На снимке: московские пионеры поздравляют г-жу Рамешвари Неру с высокой наградой.

Фото Г. Гуркова.

Ю. ГАГАРИН В ВЕНГРИИ

Как родного сына принимала братская Венгрия первого советского космонавта Юрия Гагарина. Венгерское правительство наградило Ю. А. Гагарина орденом Знамени ВНР первой степени с алмазами.

На снимке: Ю. А. Гагарин отвечает на приветствия будапештцев.

Фото Интерфото МТИ (снимок принят по фототелеграфу)

Концерт для рабочих. В центре — Г. С. Титов.

Летчики на заводском собрании. Г. С. Титов — первый справа.

Летчики на заводе «Красный пекарь». Второй слева — Г. С. Титов.

Коль уж приехали в гости на аэродром, надо сфотографироваться на память у самолета. У самолета справа — Г. С. Титов.

КРЕНДЕЛЬ

Когда отважный космонавт Герман Титов делал виток за витком вокруг планеты, на ленинградском хлебозаводе «Красный пекарь» шли поиски. Искали старые фотографии. Какие? Снимки Космонавта-Два.

Оказывается, на «Красном пекаре» Г. С. Титова знают многие, потому что над частью, в которой он служил, завод шефствовал.

Хорошая дружба эта — летчиков и пекарей — со стажем. Еще во время фашистской блокады Ленинграда пекари однажды приехали в часть, защищавшую город, с бесценным по тому голодному времени подарком — кренделем. Потом крендель — подарок части от пекарей — стал традицией, и в 1958 году его принимал из рук шефов лейтенант Титов. Тогда вечером летчики дали в честь гостей концерт самодеятельности. Герман Титов вел в тот раз программу, читал, пел. Концерт прошел с успехом.

Делегации летчиков также приезжали на завод, ходили по цехам, знакомились с производством, бывали на собраниях рабочих. Заводской фотокорреспондент электромонтер Борис Колесников, разумеется, и не подозревал, что среди гостей, которых он фотографировал, был человек, чье имя через несколько лет будет с восхищением повторять человечество.

Ставшие историческими снимки были найдены, а в это время заводской мастер Павел Иванович Иванов готовил подарок космонавту — огромный шоколадный торт метровой высоты. На нем не забыли изобразить и крендель — символ старой дружбы пекарей и летчиков.

К. ЧЕРЕВКОВ

Обзор писем читателей

Человек шагает во Вселенную

Толстая пачка писем. Это отклики на статью А. Дмитриева «Мечты о звездах», напечатанную в № 20 «Огонька».

Рабочие, студенты, инженеры, научные работники и домашние хозяйки задают вопросы, предлагают свои собственные решения тех или иных проблем, связанных с путешествиями к далеким мирам. В дни, когда весь земной шар рукоплещет первым советским космонавтам Юрию Гагарину и Герману Титову, для миллионов людей мечты о полетах к звездам обрели если не реальность, то, во всяком случае, стали не такими несбыточными.

Всех написавших письма мы приглашаем сегодня к нам в гости «побеседовать, подумать, поспорить» о межзвездных путешествиях. Расстояния для такой дружеской беседы не помеха. Беседу ведет автор статьи «Мечты о звездах» А. Дмитриев.

— Слово имеет работница швейной фабрики из Кировограда С. С. Савельева.

— Меня очень взволновала статья «Мечты о звездах». Особенно понятно и убедительно доказывается в ней, почему человек, мчащийся в межзвездном корабле, может «обогнать время». Ну, а как человек будет мыслить во время космического путешествия? Ведь с замедлением всей жизнедеятельности человека замедлится и его мышление. В таком случае как же он сможет решать неотложные задачи, для которых даже «земная быстрота» мышления слишком мала?

— Ответ очень прост, товарищ Савельева. Жизнедеятельность организма и «скорость» мышления у человека, летящего в звездолете, замедляются только с точки зрения наблюдателей с Земли. Что же касается ощущений самого космонавта, то он никакого замедления не почувствует, так как в соответствии с темпом течения времени в его корабле сердце путешественника совершит точно такое же количество ударов в минуту (по часам звездолета), как и в тот период, когда он находился на Земле. В соответствии с этим и скорость мышления космонавта не претерпит никаких изменений, если в качестве критерия он возьмет часы, находящиеся в его кабине. Короче говоря, мозг его будет работать точно так же, как на Земле.

С. А. Недовесова из Ленинграда интересует другой во-

БЕРЕЗНИКИ

Новосел

Березники называют городом химиков. Недавно семья березниковских заводов пополнилась еще одним: дал первую продукцию ново-содовый завод. Березниковский новосел обосновался на солидной территории — 90 гектаров. Свыше пятидесяти предприятий страны по праву могут считать себя родителями этого завода: они приготовили современную технику, сложные автоматические устройства.

Коллектив рабочих и инженеров ново-содового завода обязался к открытию XXII съезда КПСС досрочно освоить проектную мощность.

А. ГРИГОРЬЕВ

На снимке: в одном из цехов Березниковского ново-содового завода.

Фото Е. Загуляева.

И. Ф. Петрожицкий.
Фото К. Якубовича.

МИНСК

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ ДОБРЫХ ДЕЛ

«На своем рабочем месте я внедрил несколько рационализаторских предложений, повысивших производительность моего труда. В связи с этим прошу вас увеличить мне нормы выработки». Это заявление написал токарь Минского тракторного завода Иван Францевич Петрожицкий. В честь XXII съезда КПСС он решил еще снизить трудоемкость обработки деталей не менее чем на 10 процентов и сдавать их только с отличной оценкой.

Прошло совсем немного времени, а почин Ивана Петрожицкого уже подхватили товарищи по цеху, рабочие соседних цехов тракторного завода. Пример токаря-новатора нашел отклик и на других предприятиях белорусской столицы, на фабриках и заводах Гомеля, Витебска, Орши, Бобруйска, Могилева...

Замечательное начинание Ивана Петрожицкого вызвало цепную реакцию добрых дел в подарок съезду родной партии.

В. БОРУШКО

ТУЛА

На днях на Новотульском металлургическом заводе был большой праздник: выдала первую плавку реконструированная домна № 1.

По существу, в строй вступила совершенно новая печь.

Реконструкция значительно увеличила полезный объем домны.

Рисунок
В. Пастухова.

ГРОЗНЫЙ

Грозненская нефть идет потоком. Подземный ремонт нефтяных скважин производит бригада коммунистического труда Александра Разумного.

Фото Л. Бородулина.

ТРУДОВЫЕ УСПЕХИ—ТЕБЕ, ПАРТИЯ!

прос: можно ли распространять теорию относительности, которая справедлива, как ему известно, для рассмотрения различного рода физических полей, на явления, происходящие с физическими телами, такими, как звездолет?

— Безусловно, можно, Семен Алексеевич. Теория относительности справедлива для любых явлений природы, в частности и для явлений, происходящих в кабине звездолета.

Выступает А. Емельянов из города Краснодара. Для межзвездных полетов он предлагает проект фотонного двигателя, который забирает вещество из межзвездной среды, наподобие того, как это должен делать современный прямоточный реактивный двигатель.

— Ваше предположение совершенно правильно, товарищ Емельянов. Такой двигатель вполне можно себе представить. Не знаю, огорчу ли я вас или, наоборот, обрадую, но подобная же мысль уже неоднократно высказывалась в литературе о фотонных двигателях. В частности, о ней говорил такой видный исследователь механики фотонной ракеты, как немецкий физик Зенгер...

Но все-таки следует заметить, что возможность забора потенциального «горючего» для фотонной ракеты из межзвездной среды не приведет, к сожалению, к существенному уменьшению стартовой массы корабля, как вы думаете. Дело в том, что вещество в межзвездной среде столь разрежено, что для того, чтобы забрать из нее всего лишь один грамм, корабль должен пролететь расстояние во многие световые годы (с точки зрения наблюдателя с Земли). Припомните цифры, приводившиеся в моей статье о необходимых запасах энергии, забираемой звездолетом с Земли, и вы согласитесь, что энергия, которую можно извлечь из одного грамма забортного «топлива», представляется совершенно ничтожной. Тем не менее сама мысль о прямоточном фотонном двигателе небесполезна...

Совсем уж неожиданную и весьма оригинальную попытку решения проблемы сокращения стартовой массы межзвездного корабля предлагает ассистент кафедры зоологии позвоночных Киевского университета Виталий Алексеевич Межжерин.

— Человечество со временем научится использовать огромную энергию, выделяемую живыми организмами, и создаст аппараты, в которых в качестве «топлива» будут использоваться не сами живые организмы, а энергия, образующаяся в процессе их жизнедеятельности. Это позволит существенно сократить размеры межзвездных кораблей.

— Если вы, Виталий Алексеевич, предлагаете запасать энергию, необходимую для разгона корабля, в биологической форме, то это не принесет никакого сокращения стартовой массы корабля, так как, согласно теории относительности, энергия совершенно любого вида и массы связана законом эквивалентности: чем больше запасается энергии в каком-либо теле, тем большей массой оно обладает, и наоборот. Если же вы предлагаете (что вероятнее всего) использовать «излишек» биологической энергии организмов, вырабатываемый в процессе их жизнедеятельности, то пока, мне кажется, еще нет оснований считать, что этот «излишек» будет значительным.

Задает вопрос дипломант Одесского института инженеров морского флота Г. И. Пикус.

— В статье «Мечты о звездах» написано: «аннигиляционное топливо более всего подходит для наших целей — достижения межзвездным кораблем наибольшей скорости...»

Не слишком ли сильно сказано? Утверждать так можно лишь в том случае, если известны все или по крайней мере все основные свойства материи. Но материя неисчерпаема.

— Мысль, безусловно, правильная, Георгий Иванович, если под ней понимать тот простой факт, что перед нами еще целый океан неизведанного, неоткрытого и что поэтому нельзя давать каких-либо окончательных рецептов для решения проблемы межзвездных полетов. Именно эта мысль неоднократно подчеркивалась и в моей статье.

Но человеческое мышление устроено так, что уже сегодня с позиций современного уровня знаний хочется знать, как человек полетит к звездам. Если бы статья уповала только на грядущие, еще неизвестные пока открытия, то она была бы, мне кажется, не научно-фантастической, а беспочвенно-фантастической.

...На все вопросы, которые интересуют сегодня наших читателей, ответить просто невозможно. Поэтому А. Дмитриев заканчивает беседу, отвечая на вопросы, заданные рабочим треста «Шахстрой», Ростовской области, В. М. Корниенко. Из всех читателей журнала, присутствующих на сегодняшней встрече, лишь он один категорически отрицает теорию относительности. Ему кажется, что она противоречит здравому смыслу и ведет нас к идеализму.

— Уважаемый Вадим Михайлович! Если разобраться в вашем взволнованном письме, можно легко обнаружить основную причину вашего непонимания. Дело в том, что часто мы без достаточных на то оснований абсолютизируем понятия, выработавшиеся у нас при восприятии явлений, непосредственно нас окружающих. Часто представления, кажущиеся нам «очевидными», «понятными» с точки зрения «здравого смысла», оказываются с течением времени не только неверными, но зачастую попросту лишенными какого бы то ни было смысла. Вспомните эволюцию человеческих представлений о строении Земли. Если бы много сотен лет тому назад кто-нибудь выступил с заявлением о том, что Земля шарообразна, то можно представить себе, какой град насмешек, издевательств, не говоря уже о преследовании со стороны церкви, обрушился бы на смельчака. В самом деле, ведь он посмел выступить против «здравого смысла»: всем хорошо известно, что предметы падают сверху вниз... А как же будут держаться люди, строения, животные на противоположной стороне Земли?..

Можно ли упрекать людей того времени в заблуждении, которого они придерживались? Наверное, нет. Ведь они опирались на современный для них уровень знаний. А сейчас даже школьник может объяснить их ошибку. Такие ясные людям того времени понятия, как «верх» и «низ», оказались относительными.

А другой пример? Разве «здравый смысл» людей того времени не подсказывал им, что Солнце вращается вокруг Земли? Но вернемся к теории относительности. Она нашла уже практическое подтверждение, и мы, физики, часто сталкиваемся с ней в своих исследованиях. Она не противоречит познанию мира, а, наоборот, дает в руки ученых-материалистов новое мощное орудие познания Вселенной.

ДВЕ ПРО

Л. СТЕПАНОВ, В. ВОИНОВ

«Коммунизм выполняет историческую миссию избавления всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны и утверждает на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство и Счастье всех народов».

Эти вдохновенные слова в проекте новой Программы КПСС определяют основные цели и принципы коммунизма, которые в силу самых естественных причин, по самой человеческой природе дороги и священны огромному большинству населения нашей планеты.

Даже среди апологетов капитала мало найдется теоретиков и пропагандистов, которые рискнут отрицать, что цели, поставленные в проекте Программы КПСС, понятны и притягательны для миллионов людей любой страны мира. Более того, новые исторические условия, сложившиеся во второй половине нашего века, вынуждают самих защитников капиталистического строя использовать в своих теоретических трудах и пропагандистских выступлениях такие термины, как «свобода», «демократия», «мир», «равенство». Но одно дело — словесные упражнения, другое дело — реальная действительность. Давайте посмотрим, что кроется за теми же понятиями «мир», «труд», «свобода», «равенство» и «счастье» в крупнейшей стране капиталистического мира— Соединенных Штатах Америки. Посмотрим и сравним.

МИР

Провозгласив одним из принципов будущего общества Мир, Коммунистическая партия Советского Союза ставит в своей программе конкретную задачу: «Использовать вместе с другими социалистическими странами, миролюбивыми государствами и народами все средства для предотвращения мировой войны и создания условий, которые дадут возможность полностью исключить войну из жизни общества».

Каждому, кто следит за событиями в мире, хорошо известно, какие огромные усилия направляет Советский Союз для обеспечения мира. Советское правительство считает сохранение и укрепление мира своей первоочередной задачей.

Какие же шаги предпринимает правительство США для того, чтобы обеспечить мир? Что считают своей первоочередной задачей американские государственные деятели, которые охотно и часто рядятся в тогу миротворцев?

Всем памятно, как во время предвыборной кампании кандидат в президенты США Кеннеди критиковал программу своего предшественника Эйзенхауэра. Деятельность правительства Эйзенхауэра была характерна гонкой вооружения, созданием военных баз на чужих территориях, обострением отношений со странами лагеря социализма. Чем отличается программа нового правительства США от раскритикованной Кеннеди программы Эйзенхауэра? Только еще бо́льшим усилением военных приготовлений!

В одном из своих обращений к населению США 25 июля президент Кеннеди заявил: «Первая задача состоит в том, чтобы ускорить прогресс на пути к достижению военных целей, которые поставили перед собой североатлантические союзники».

Вскоре правительство Кеннеди запросило у конгресса значительного увеличения военных ассигнований. Полученные недавно 3,5 миллиарда долларов, оно, по свидетельству американской буржуазной прессы, считает всего лишь «первым шагом». Военный бюджет США самый большой, который когда-либо принимался в мирное время, он составляет гигантскую сумму—почти 50 миллиардов долларов. Тем не менее президент Кеннеди намерен, «если потребуется», выступить за дальнейшее увеличение военных расходов.

«В государственном департаменте и Пентагоне, — пишет «Нью-Йорк геральд трибюн»,— допоздна не гаснет свет. Адмиральские и генеральские фуражки снова сгрудились на столах около комнат, куда строжайше закрыт доступ посторонним».

Кто заинтересован в таком милитаристском курсе, в атмосфере военного психоза, в обострении международной обстановки?

Представитель крупной американской фирмы «Шисон, Хэммит энд Компани» Уолтер Мэйнард заявил на днях: «Балансирование господина Кеннеди на грани (войны!— **Авторы**), несомненно, встретит одобрение на рынке ценных бумаг».

ТРУД

«В отличие от капитализма, — записано в проекте Программы КПСС, — плановая социалистическая система хозяйства сочетает ускорение технического прогресса с полной занятостью всего трудоспособного населения... Развитие новой техники будет использовано для коренного улучшения и облегчения условий труда советского человека, сокращения рабочего дня и благоустройства быта, ликвидации тяжелого физического труда, а затем и всякого неквалифицированного труда».

Что же стоит за понятием «труд» в Соединенных Штатах Америки?

«Уровень безработицы, — отмечала недавно «Нью-Йорк пост»,— остается общенациональной катастрофой». Число зарегистрированных безработных в США в июле месяце составляло 5 140 000. И это несмотря на разгар сезонных работ в сельском хозяйстве и в строительной промышленности. В прошлом году в США насчитывалось 37 «районов бедствия» — населенных пунктов, где число безработных составляет 6 и больше процентов рабочей силы. В этом году таких районов насчитывается 88.

Во время предвыборной кампании партия Кеннеди обещала избирателям облегчить судьбу безработных. Действительно, новое правительство поручило специальным комитетам и комиссиям разработать мероприятия по стабилизации экономики, по увеличению числа занятых в производстве и т. д.

Каковы же конкретные результаты?

Президент Американской экономической ассоциации профессор Поль Сэмюэлсон, возглавляющий специальную группу при президенте США, заявил: «Не следует питать никаких иллюзий относительно масштабов предложенных мер. Даже если допустить, что к середине года наметится подъем (увы, он не наметился! — **Авторы**), то и тогда не будет больших оснований полагать, что к концу года безработица станет намного меньше, чем сейчас».

Безработица в США — хроническое заболевание экономики, один из самых тяжких недугов, неизбежно приближающий гибель империализма.

СВОБОДА

«Переход к коммунизму означает всемерное развитие свободы личности и прав советских граждан». Так записано в проекте новой Программы КПСС. Одновременно отмечается, что социализм в Советском Союзе «предоставил и гарантировал трудящимся самые широкие права и свободы».

А что стоит за словами «свобода» и «демократия» в Соединенных Штатах?

Страшная действительность за фа

На одной из ракетных баз НАТО.

Нью-йоркские безработные около ночлежки на Бауэри-стрит.

Он чувствует всю тяжесть американской «демократии».

ГРАММЫ

Нередко приходится слышать, что демократия в США — это «демократия миллионеров», свободой в Америке пользуются только богачи. Однако, как говорят факты, в Америке даже миллионер не может чувствовать себя достаточно свободным, если его деятельность отклоняется от курса военных монополий и реакционных правящих кругов.

В конце мая крупный промышленник, миллионер Сайрус Итон возвратился на родину из Болгарии и узнал, что сенатская комиссия по вопросам внутренней безопасности Додда обвиняет его в «поддержке коммунизма». Защищая естественное право человека содействовать установлению мирных и дружеских отношений между народами, Сайрус Итон охарактеризовал США как «полицейское государство». «Народ, — сказал он, по свидетельству Ассошиэйтед Пресс, — в основном не знает, что имеется 75 федеральных агентств, следящих за Америкой, инспектирующих и контролирующих промышленную, банковскую и почти всю остальную деятельность. В этих агентствах работает, вероятно, до 500 тысяч человек. Мы были возмущены Гитлером и его гестапо. Но в этом учреждении вряд ли работало более 75 тысяч человек...»

Если «полицейское государство» объявило крамольником миллионера, то вряд ли нужно говорить о скромных американских тружениках, выступающих за мир, свободу и демократию.

Средства, которыми агрессивные круги США пытаются навязать или сохранить антидемократические порядки в других странах, вполне соответствуют намеченным целям — размещение военных баз и оккупационных войск, политическое давление на слабые страны, экономическое закабаление под маркой «помощи». В последнее время правящие круги США усиленно готовят новое оружие экспансии, так называемые «силы особого назначения», — специальные войска, предназначенные для подавления национально-освободительного движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Какими бы изощренными ни были средства американских империалистов, народы все яснее понимают, что Соединенные Штаты выступают на мировой арене в роли главного эксплуататора и душителя свободы.

РАВЕНСТВО

Проект Программы КПСС закрепляет и торжественно провозглашает на будущее социальное равенство всех граждан и равенство всех национальностей. «...Все нации равноправны, — записано в проекте, — их жизнь строится на единой социалистической основе и в равной мере удовлетворяются материальные и духовные запросы каждого народа, все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели — коммунизму».

О социальном равенстве в Соединенных Штатах, в стране, где хозяйничают богатейшие в мире монополии и существует постоянная армия безработных, равная по своей численности населению целой европейской страны, можно подробно не высказываться. Многие американские семьи живут на доход, который ниже официального прожиточного минимума. В то же время в США имеется полторы сотни предпринимателей с годовым доходом свыше миллиона долларов, а достояние Рокфеллеров, Меллонов, Дюпонов и Фордов измеряется миллиардами.

О национальном равенстве исчерпывающим образом высказался сам президент США Кеннеди в своем послании к конгрессу от 30 января: «Лишение некоторых наших американских сограждан их конституционных прав из-за расового происхождения — при использовании избирательного права и в других областях — тревожит совесть страны и вызывает со стороны мирового общественного мнения обвинение по нашему адресу в том, что наша демократия не оправдала великих надежд, связанных с нашим национальным наследием».

Сказано не вполне точно и очень, очень сдержанно. Куда более эмоциональным языком говорят факты о самосудах куклуксклановцев, о фашистских погромах, об издевательствах над участниками «рейса свободы», об избитых первоклассниках Литтл-Рока, о темнокожих гражданах США, сожженных на деревянном кресте и электрическом стуле...

СЧАСТЬЕ

«Коммунизм — это строй, где расцветают и полностью раскрываются способности и таланты, лучшие нравственные качества свободного человека».

Понятие «счастье» очень сложное. Очень трудно рассмотреть все аспекты жизни американских граждан. Но главное — о подавленном настроении многих из них, о их неуверенности в своем будущем — можно узнать даже из высказываний самих американских государственных деятелей и авторитетов в вопросах социологии.

«Густая мгла опустилась на наши руководящие органы, и гниль, берущая свое начало в Вашингтоне, просачивается во все уголки Америки в виде склонности к жульническим махинациям, расточительства, путаницы между тем, что законно и что правильно. Слишком многие американцы сбились с пути и потеряли чувство исторической перспективы». Так заявил, выступая в Лос-Анжелосе, Кеннеди после его выдвижения на пост президента. С тех пор прошло несколько месяцев, он стал президентом, но в США все осталось без перемен.

Вот несколько высказываний Эдлая Стивенсона, одного из ближайших сподвижников Кеннеди: «Противоречие между личной роскошью и общественной нищетой в нашем обществе слишком очевидно, чтобы его можно было отрицать».

«В период всеобщих социальных перемен наше собственное общество представляется нам потерявшим свое социальное значение. У нас царит атмосфера уныния и равнодушия... Ничто — ни события в окружающем мире, ни пустота и тупость нашей внутренней жизни — не толкают нас на более энергичные действия. Мы спокойно и сонно плывем по течению среди шторма в век великих преобразований».

Клинтон Роситер, профессор социологии, консультант бывшего президента Эйзенхауэра, высказался следующим образом: «У нас нет своего Маркса, нет учителя, которого мы почитали бы как глашатая истины... Нам не хватает широкого всенародного уважения к образованию, к произведениям искусства и к их творцам, а рост первоклассных артистов и деятелей культуры у нас слишком невелик. Больше того, ни один народ в истории еще не был окружен такой вульгарностью, безвкусицей и пошлостью, как наш».

В каком контрасте находятся эти пессимистические и горькие признания с заключительными словами проекта Программы КПСС!

«Под руководством партии, под знаменем марксизма-ленинизма советский народ построит коммунистическое общество.

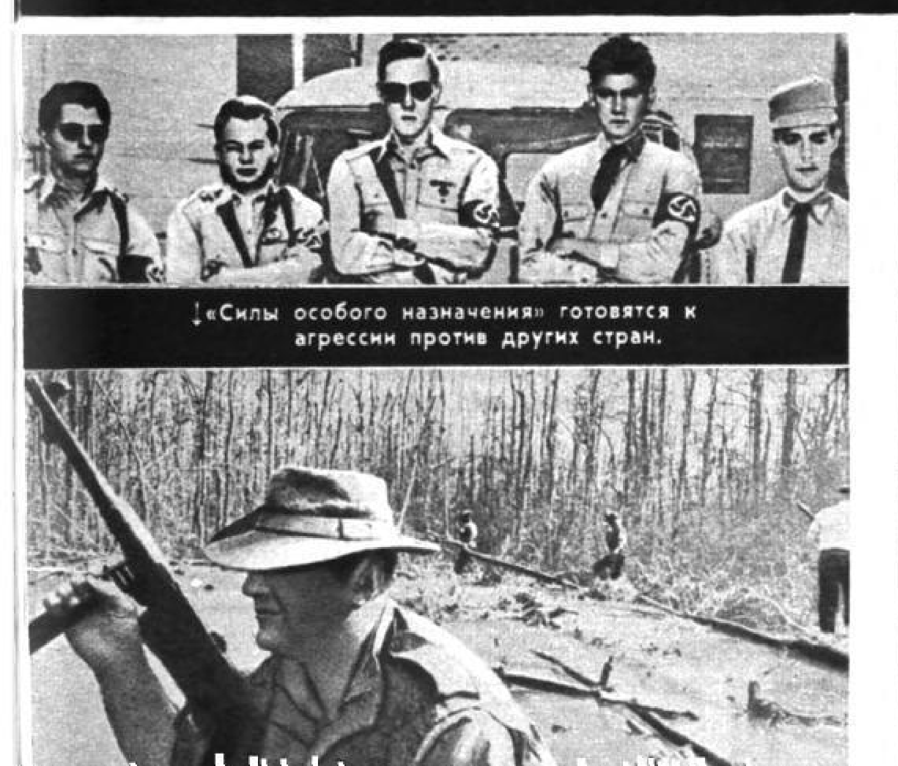
Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

садом «благополучия» и «миролюбия»

Американские фашисты — погромщики «рейса свободы».

Ку-клукс-клановский фюрер призывает к расправе над неграми.

На девятилетнюю Глорию Лавернфлойд накинули лассо и волокли ее за машиной.

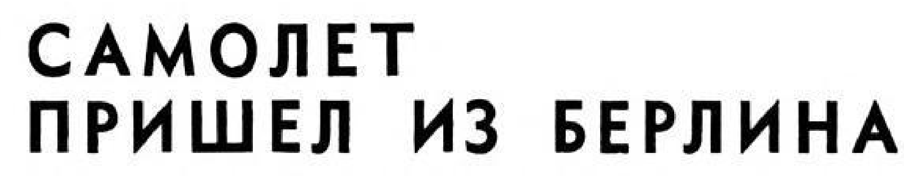
↓«Силы особого назначения» готовятся к агрессии против других стран.

Шесть интервью на Шереметьевском аэродроме

САМОЛЕТ ПРИШЕЛ ИЗ БЕРЛИНА

Г. ГУРКОВ

Фото автора.

«Произвел посадку самолет немецкой авиакомпании «Дейче люфтганза», прибывший шестисотым рейсом из Берлина»,— разнесли репродукторы голос диктора.

Мои соседи по залу ожидания поднялись с мест и потянулись к дверям, за которыми, залитое солнцем и окруженное караулом березок, раскинулось бетонное поле аэродрома. Несколько минут — и мы увидели серебристый четырехмоторный красавец, выруливающий к зданию аэровокзала. На фюзеляже машины — ринувшаяся в смелый полет диковинная птица. На хвостовом оперении — изображение флага Германской Демократической Республики, черно-красно-золотого, с гордым гербом — молотом и циркулем в обрамлении колосьев.

Молот, циркуль, колосья... Как это непохоже на зловещего черного орла, растопырившего крылья на боннских эмблемах и регалиях! Так же непохоже, как жизнь в демократической Германии, жизнь, наполненная радостным творческим трудом, непохожа на мрачные будни вотчины милитаристов и реваншистов, в которую превратилось западногерманское государство. Оттуда, с берегов Рейна, через «фронтовой город» Западный Берлин пробиралась в ГДР всякого рода шпионская нечисть. Оттуда дирижировали злобным хором лживой пропаганды против социалистических стран. Оттуда планировали жульнические валютные операции, направленные на подрыв экономики первого в истории Германии государства рабочих и крестьян. А сейчас, когда правительство ГДР по предложению правительств стран — участниц Варшавского договора положило конец разнузданным действиям провокаторов, установив на границах Западного Берлина надежный контроль, из Бонна прозвучали на весь мир панические вопли.

Реваншисты скорбят. Скорбят и... затевают новую клеветническую кампанию. Пополз по страницам западной прессы злобный слушок о «недовольстве» в Германской Демократической Республике.

Что думают по этому поводу пассажиры самолета «ДМ — СТА», только что приземлившегося на московской земле?

1

— Это у нас-то «недовольство»? — смеется Вилли Мойцнер, рабочий Дрезденского мясокомбината.— Нет, господа перепутали адрес. Это у них недовольство, больше того, отчаяние в связи с новым шагом нашего правительства. Еще бы! Шпионам и провокаторам дали по рукам. Дали крепко, по-рабочему. Вот их покровители и беснуются. Только что толку? Нервы у нас достаточно крепкие.

2

— Скажите, пожалуйста, как население Германской Демократической Республики оценивает решение правительства от 13 августа? — с этим вопросом я обратился к пожилой седоволосой женщине.

— Абсолютное большинство приветствует это решение. Многие, и я в том числе, спрашивают: не следовало ли сделать это уже раньше?

— Могу я записать вашу фамилию?

— Конечно! Грета Кунхоф, вице-президент Немецкого совета мира.

3

Человек с аккуратно постриженными усиками, читающий план туристских маршрутов по Советскому Союзу, оказался владельцем небольшого частного предприятия, которое поставляет государственной торговой организации ГДР копченую рыбу. Он коренной берлинец.

— Меня зовут Брандт, Густав Брандт. Да, что поделаешь, однофамилец...— Мой собеседник выразительно разводит руками.— В Западном Берлине,— продолжает он,— сейчас устраивают спектакли возле границы, кричат, угрожают. Бесполезно. В нашей столице, в демократическом Берлине, жизнь идет своим чередом. Все нормально, спокойно. Истерика, которая началась на Западе, нас не волнует. Берлинцы, как и все граждане ГДР, поддерживают свое правительство.

4

Следующее интервью у меня не получилось. Удалось только выяснить, что пассажира, прибывшего из Берлина и устроившегося с комфортом на месте водителя московского такси, зовут Томас, что ему два года и что он летит с папой и мамой.

5

— Мос-ква,— читает по складам женщина с широкой доброй улыбкой.— Неужели правда Москва?!

Да, правда. Завод комбайнов в Веймаре направил одну из своих лучших работниц, сварщицу Эрику Хелльмих, отдыхать в Сочи. И вот она здесь, на Шереметьевском аэродроме.

— Вы долго были в Берлине?

— Целый день.

— Какое там настроение?

— Отличное! Полный порядок на улицах, городской транспорт работает безукоризненно, берлинцы, как всегда, веселы и жизнерадостны.

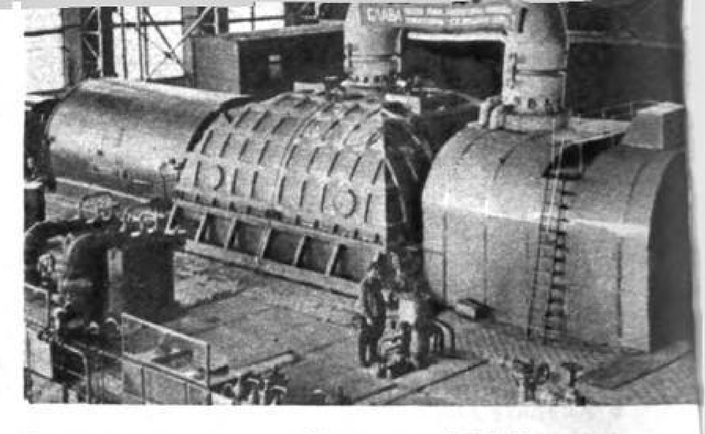
6

Я подхожу брать последнее интервью к командиру корабля «ДМ — СТА» Курту Вагнеру.

— В демократическом Берлине все хорошо,— говорит он.— Так и напишите. Люди работают с энтузиазмом. Каждый сумеет выполнить свой долг. Мы надеемся, что на Западе поймут: мирный договор будет заключен, нравится это реваншистам или нет.

...Над аэродромом слышатся слова диктора: «Заканчивается посадка в самолет немецкой авиакомпании «Дейче люфтганза», вылетающий рейсом шестьсот первым...»

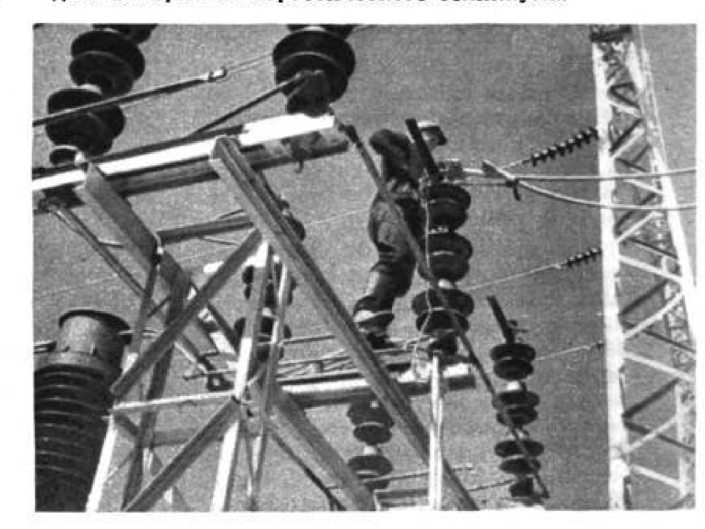
Ревут моторы. Серебристый гигант разбегается и уходит в небо. Его путь лежит на западную границу великого социалистического содружества. В Германскую Демократическую Республику. В ее столицу — Берлин.

Когда попадаешь в зал Назаровской ГРЭС и видишь турбину мощностью в 200 тысяч киловатт, к ней проникаешься невольным уважением.

Двадцать лет бригадирствует Файзула Валитов, коммунист, искусный монтажник, ветеран многих строек. Под стать ему электросварщик Евгений Еремеев. Евгений не только строит, он студент вечернего энергетического техникума.

Завершается монтаж открытой подстанции.

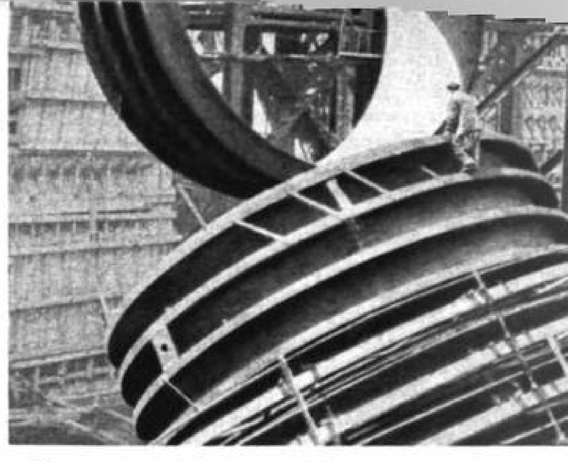
Цели и свершения

БР

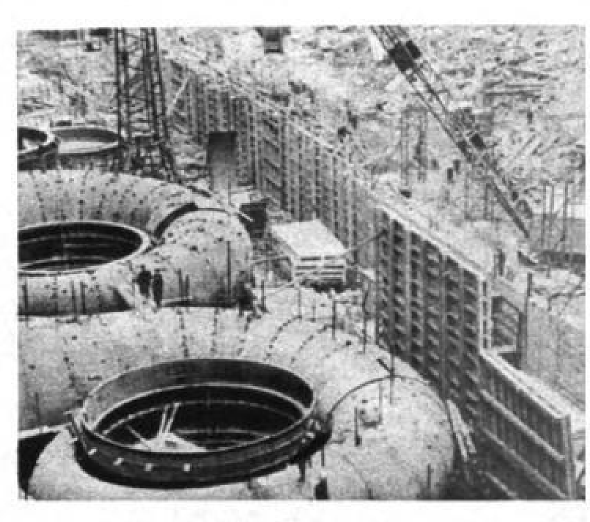
«Как главное и основное, определяющее собой всю хозяйственную политику Советской власти, поставить всемерное повышение производительных сил страны».

Программа, принятая на VIII съезде партии.

Фигура человека теряется среди этих грандиозных сооружений.

Ушла тайга, уйдут и домики — времянки строителей. Останутся у Падуна высокая плотина и крупнейшая в мире ГЭС. Сейчас еще можно заглянуть в ее «душу».

Братская ГЭС. В котловане.

Комсомолка Нина Фоменок — оператор бетонного завода.

ОСОК В СИБИРЬ

И. Б. КРАСНОВ,
начальник отдела электрификации Госплана РСФСР

Фото **А. ГОРЯЧЕВА.**

22 декабря 1920 года на трибуну VIII Всероссийского съезда Советов поднялся Владимир Ильич Ленин для отчетного доклада о деятельности СНК. Говоря о хозяйственном строительстве, Ильич показал книгу — план ГОЭЛРО:

— Я думаю, что мне не трудно будет убедить вас в особенном значении этого томика. На мой взгляд, это — наша вторая программа партии...

Вторая программа партии... Надо было так развить производительные силы страны, чтобы они служили основой социалистической перестройки промышленности, ликвидации противоположности между умственным трудом и физическим и улучшения благосостояния трудящихся. Первое слово в развитии производительных сил было дано электрификации — дано Лениным.

Электричество — мост к коммунистическому труду. Помните ленинское «...**плюс электрификация всей страны**»? Электрифицировать всю страну — значит дать обществу могучую энергию, ускорить развитие производительных сил.

Особенно это важно сделать в районах малонаселенных, необжитых, но богатых промышленным сырьем. Таким районом в нашей стране является Сибирь. Неисчерпаемы ее энергетические ресурсы! Крупнейшие реки пересекают этот таежный край, к которому давно уже люди обращали свои взоры. Прекрасные земли, богатейшие недра, здоровый климат — все это издавна манило сюда переселенцев. Но только в последние годы началось подлинное освоение Сибири.

И первыми сюда пришли гидростроители. Это о них Никита Сергеевич Хрущев сказал:

— То, что создают гидростроители, образно говоря, похоже на первый вздох новорожденного. Новорожденный появился на свет, он живет, дышит и набирает силы. Так и строители-энергетики. Они как бы вкладывают душу в свое детище. И оно начинает дышать, появляются энергия, свет, шумят моторы, стучат машины, и начинается кипучая жизнь — иногда даже там, где ее не было, где раньше не ступала нога человека.

Начинается жизнь на Иртыше и на Оби, на Ангаре и Енисее — всюду, куда первыми приходят строители электростанций!

За семилетие в стране будет создано несколько энергетических

систем. Одна из них — единая энергетическая система Центральной Сибири (от Новосибирска до Иркутска). Здесь, в местах когда-то глухих, непроходимых и безлюдных, родились и работают на коммунизм Новосибирская ГЭС на Оби мощностью 400 тысяч киловатт, Бухтарминская ГЭС на Иртыше, Иркутская ГЭС на Ангаре мощностью 660 тысяч киловатт. Успешно строится Братская ГЭС мощностью 4 миллиона 500 тысяч киловатт. Развернуто строительство Красноярской ГЭС мощностью 5 миллионов киловатт, на которой будут установлены гигантские гидротурбины мощностью 500 тысяч киловатт каждая. Это только на реках. Но строятся и крупнейшие тепловые электростанции. Они требуют значительно меньших капитальных вложений, и в этом их преимущество перед ГЭС. Такой является Назаровская ГРЭС в Красноярском крае.

Строители преобразуют Сибирь — один из новых районов размещения все возрастающих производительных сил нашей страны. То, о чем мечтал Ленин, что он планировал, сейчас наш народ, партия успешно претворяют в жизнь. «Он твердо верил в силы народа, — говорил Н. С. Хрущев на Всесоюзном совещании по энергетическому строительству в ноябре 1959 года, — он верил, что зажжется электрический свет там, где была дикость и варварство, и принесет народу радость и счастье».

Электростанции Сибири в 1965 году выработают примерно в 50 раз больше электроэнергии, нежели выработали все электростанции России в 1913 году.

Строители на Ангаре обещают в дни работы XXII съезда КПСС пустить два первых агрегата Братской ГЭС. Забьется сердце величайшего в мире гидроузла! И вольются новые силы в могучие мускулы страны, поставившей перед собой поистине грандиозную задачу, записанную в проекте Программы КПСС: «Во втором десятилетии электрификация всей страны будет в основном завершена».

Гигантский размах энергостроительства Сибири поставит на службу народу несметные богатства, заложенные в недрах земли. Здесь будут созданы крупнейшие предприятия цветной металлургии, химической, лесной, деревообрабатывающей и других отраслей промышленности.

На крепком фундаменте поднимаются ввысь производительные силы страны, строящей коммунизм.

«Электрификация, являющаяся стержнем строительства экономики коммунистического общества, играет ведущую роль в развитии всех отраслей народного хозяйства, в обеспечении всего современного технического прогресса».

(Из проекта Программы КПСС).

Бетонщицы... Им сегодня на Мамаканской ГЭС первое слово!

С ХОЛСТОВ, ПРОНИЗАННЫХ ТЕПЛОМ...

На скалистом перевале стоят, как солдаты, три кедра-богатыря. Ветви искривлены бурями, растрепаны кроны. Но чем сильнее хлещут ветры и замяти, тем глубже уходят горные великаны своими цепкими, жилистыми, узловатыми корнями в скалы, в твердую каменистую почву. И, кажется, нет такой силы, которая оторвала бы их от родной матери-земли...

Насквозь исхлестанные
ветром,
Косыми прутьями дождя,
Стоят величественно кедры,
Корнями в скалы уходя.

Стоят на горном перевале,
Стоят всем вьюгам вопреки,
Стоят — и их ничто
не свалит,
На то они сибиряки!

Это картина Тойво Ряннеля «Горные кедры».

Тойво Ряннель — поэт в живописи. Почти в каждой его работе видна проникновенная поэтическая мысль.

Художник находится сейчас в расцвете сил. Ему около сорока лет. И сколько же работ создано за эти годы мастером сибирского пейзажа! Полно движения и внутренней силы «Рождение Енисея». С интересом смотрятся «Красные ягоды», «Кипрей», «Осенние дали»...

Можно было бы назвать многие и многие работы одаренного художника, в которых свежо, лирично и с большой силой передано суровое и прекрасное лицо Сибири.

Мне в творчестве этого художника, помимо всего прочего, близка и дорога неутомимая страсть следопыта. Скажу без всякого преувеличения: Тойво Ряннель всегда в пути.

Пешком, верхом, на грузовой машине либо в утлой рыбацкой лодчонке он исходил, изъездил, исплавал весь неоглядный и такой неповторимый в своей красоте Красноярский край.

Глядя на пенные волны Большого порога, самого страшного порога Енисея, с таким мастерством изображенного художником, или на снежные вершины Саян, я вспоминаю свою молодость. Художник словно возвратил ее мне.

Есть еще одна драгоценная черта в картинах Ряннеля. Дело в том, что до сих пор существуют еще кое-где обывательские представления о Сибири как о крае сумрачном, лишенном цветов и красок. Вольно или невольно, но некоторые наши сибирские художники сами дали повод для таких досужих вымыслов и неверных представлений: пейзаж Сибири в их работах возникал каким-то серым, иногда чересчур суровым и даже мрачным. А поэтому, конечно, обедненным.

Ряннель своими работами опровергает эти неверные представления. Сибирь в его пейзажах, на его полотнах — это Зеленый Шум весны и многоцветное сияние осени. Это праздник красок. Это — цветение.

Достаточно взглянуть хотя бы на те же «Красные ягоды», на те же «Осенние дали».

Взгляните —
И в одно мгновенье
С холстов, пронизанных
теплом,
Наш край встает — в лучах,
в цветенье,
Как лучшее опроверженье
Досужих вымыслов о нем!

Казимир ЛИСОВСКИЙ

Т. Ряннель. ГОРНЫЕ КЕДРЫ.

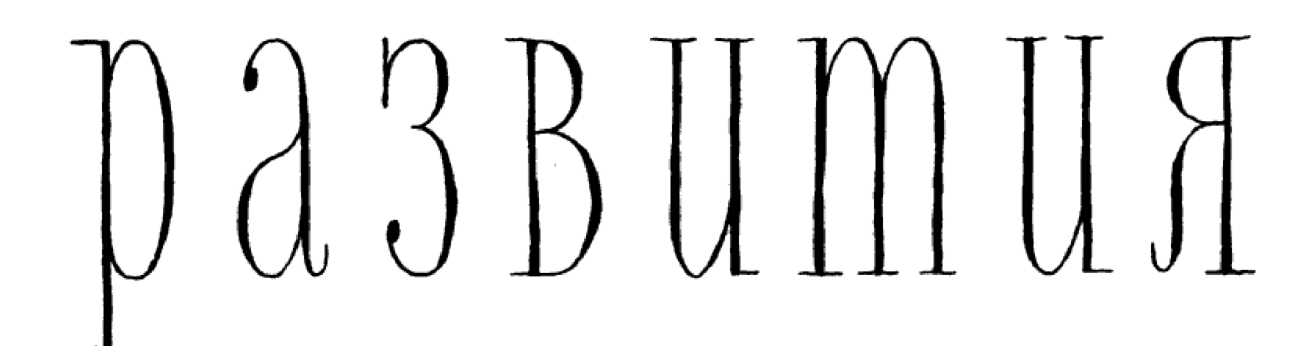

Т. Ряннель. РОЖДЕНИЕ ЕНИСЕЯ.

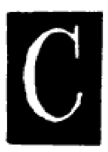
Рассказ

Борис АНАШЕНКОВ

Закон

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

С утра городок наводняли жители окрестных деревень. Они стучались и звонили в квартиры, предлагали лук, картошку, морковь. Тихон Андреевич и брата принял за одного из этих коробейников, как он их называл.

— Не надо, ничего не надо! — с досадой бросил он в сумрак коридора, ибо это был уже четвертый звонок.— Сами можем предложить и картошку и морковь.

И хотел захлопнуть дверь. Невысокий, в коротком потертом пальтеце мужичок с фанерным баулом в руке быстро поставил между дверью и порогом ногу в сапоге. Тихон Андреевич пригляделся и ахнул:

— Павел!

— То-то же,— сказал Павел, входя в переднюю.

Братья обнялись.

— Дай, дай я на тебя погляжу, братишечка! — растроганно повторял Тихон Андреевич, отстраняясь от брата.

Павел хмурился, пытаясь придать лицу суровость и сдержанность, подобающие старшему брату в присутствии младшего, но у него ничего не получалось. Он улыбался как человек, который вообще-то шуток не уважает, но этой доволен.

Наталья Борисовна бурно приветствовала его. Павел медленно раздевался, прищуренными, пристально-насмешливыми глазами оглядывал невестку.

— Совсем барыня стала,— сказал он наконец, и Наталья Борисовна зарделась, точно ее похвалили.

— Как же это ты надумал-то? — изумлялся Тихон Андреевич.— Всю жизнь сиднем просидел и вдруг собрался. И не предупредил. Мы бы встретили тебя. Телеграмму-то хоть можно от вас послать?

Прошли в столовую. Наталья Борисовна хлопотала на кухне, то и дело подбегала к дверям.

— А Скурихины-то живы? — спрашивала она, улыбаясь.— А клуб новый, значит? Дом культуры!.. Это по-новому уже. У нас-то все больше избы-читальни были. С лампами керосиновыми сидели...

Она была из той же деревни, что и братья. Среднего роста, в меру полная, с живым, подвижным лицом, она походила сейчас на ребенка, которому вдруг навезли массу всяких подарков.

И Павел светлел лицом и тоже улыбался ей.

— Ты шуруй там, шуруй,— хмурился Тихон Андреевич. Проводив жену взглядом, вздыхал: — Та-ак, приехал, значит?.. Как надумал-то?

— Надумал,— посмеивался Павел.— Надумал.

На нем был длинный пиджак, застегнутый на все пуговицы, мешковатые брюки, заправленные в толстые, домашней вязки шерстяные носки, ворот серой рубахи туго стягивал коричневую морщинистую шею.

Заложив руки за спину, сильно сутулясь, Павел не спеша передвигался по столовой, осматривался. Помял ногами ковер, послушал, как тонко, нежно вызванивает в серванте посуда, щелкнул ногтем пианино.

Закончив осмотр, ткнул кулаком в тахту, осторожно присел.

— Приехал, значит?

— Приехал.

— Ну, ну! — Тихон Андреевич беспокойно заерзал, оглядываясь на дверь. Ему не терпелось показать брату свое хозяйство. Он очень гордился тем, что, несмотря на долгие годы ответственной службы, не утратил в себе того, что мысленно называл «крестьянством»: любое дело спорилось в его руках.

Смастерив буфет для кухни, переоборудовав в который раз уже кладовку, выточив ключ для замка, наладив мясорубку, которую жена собиралась выбрасывать, он с нетерпением ждал минуты, когда можно будет показать кому-нибудь свои труды. Его охотно и много хвалили, им восхищались, и Тихон Андреевич думал, что человек он все же не совсем обыкновенный.

И, конечно же, ему страстно хотелось, чтобы старший брат, сам мастер на все руки — и кузнец, и плотник, и слесарь, и каменщик,— оценил и одобрил его «крестьянство».

Будь Наталья Борисовна жена как жена, он бы и секунды не колебался. Но он знал, стоит ему подняться, как она вмешается и отравит эти дорогие для него минуты.

Павел сам помог ему.

— Показал бы, что ли, хозяйство свое,— сказал он весело.— А то все пишешь: хозяйство, хозяйство,— а мы никак в толк не возьмем, что за хозяйство, откуда ему у тебя взяться?

— Думаешь, сложа руки сидит здесь Тихон? — Тихон Андреевич вскочил, засуетился.— Пойдем, увидишь. Времени даром не трачу.

В передней он старался не шуметь, даже свет не зажег, но Наталья Борисовна все-таки услышала их сборы.

— Вы куда? Не пущу! — закричала она именно тем голосом, от которого у Тихона Андреевича начиналось сердцебиение. И включила внезапно свет.— Отец, что это ты выдумал? Человек только что с дороги, ванна греется, на стол сейчас накрываю...

— Ну, ты вот что,— сказал Тихон Андреевич, опуская глаза, в которых жена могла увидеть слишком много.— Ты шуруй там, шуруй, у нас свои дела, мужские...

Некоторое время братья шли молча. Тихон Андреевич переживал стычку с женой, у которой не было ни выдержки, ни такта; Павел осматривал городок: несколько десятков стандартных трехэтажных домов, составленных в прямые, будто разлинованные улицы.

Недавно сошел снег, и все кругом — дымившаяся на солнце земля, тонкие деревца, рассаженные тоже как будто по линейке, множество детей во двориках и даже самый запах отдохнувшей земли — все дышало свежестью и молодостью.

Осмотр хозяйства начали с гаража. Тихон Андреевич давно собирался купить машину, копил деньги, вел сложные переговоры с райпотребсоюзом, с очередниками, с какими-то бойкими, развязного вида людьми, но дело пока не подвигалось, и гараж использовался под мастерскую.

Тихон Андреевич бил каблуком в дощатый пол, выстукивал кулаками стены, открывал и закрывал массивные створки дверей, включил свет, хотя гараж был залит солнцем, а под конец спустился в люк и снизу победно посмотрел на брата.

— Видал? Не гараж, а дом хороший. Хоть зимой здесь живи. Вот она, наша порода! На все руки.

Многое из инструмента, развешенного над верстаком,— долотца, стамески, набор отверток, коловорот — Тихон Андреевич сделал сам. А деревянные насадки выкрасил морилкой и покрыл лаком. «Хоть на выставку»,— повторял он, демонстрируя брату остроту, твердость инструментов, удобство в обращении. Павел трогал гнутым, стертым до блеска ногтем отточенные концы, кивал. Тихон Андреевич, избалованный шумными восторгами своих интеллигентных зятьев и дочерей, видел в этой сдержанности высшее одобрение и чувствовал себя все более уверенно.

Он ударил еще раз кулаком по стене, проверил водопроводный кран, огляделся и удовлетворенно сказал:

— Ну, теперь на огород.

Вышли на дорогу. Справа стоял хвойный лес, по левую сторону строились дома.

Тихон Андреевич указывал на валявшиеся по обочине бревна, доски, трубы, мотки проволоки, говорил с сарказмом:

— Хозяева хорошие, видал? На рупь построят — на тыщу потеряют. А у меня все в дело идет. Гараж, думаешь, из чего построен? Из этого вот мусора. У меня все пригодится, все.

И он вытащил из лужи доску, которую, очевидно, подкладывали под буксовавшую машину, бросил в кусты на другой стороне дороги.

— Посмотришь, какой я буфет из этих досок отгрохал. А стеллаж какой! Хоть на выставку.

На огороде смотреть, собственно, было нечего — участок только запахали, земля липла к сапогам, но Тихон Андреевич провел брата вокруг огорода и подробно объяснил, где что он посадит, сообщил, что в прошлом году взял пятнадцать мешков картошки.

— Лучше моей картошки ни у кого во всем городке не было. Пришлось зятькам попотеть, пока выкопали. Косточки-то не нашей породы, тонкие, интеллигентские.

— Продаешь картошку-то? — спросил вдруг Павел.

Тихон Андреевич строго посмотрел на него.

— Я не колхозник, не фермер. За прилавком мне не с руки сидеть в нарукавничках синих.

— Я к тому, что многовато для вас с Натальей пятнадцать-то мешков,— пояснил Павел. Он смотрел в землю, лицо у него было озабоченное, казалось, он производил в уме сложные подсчеты.— А за прилавок не обязательно тебе садиться, жену бы послал. Беды нет, свое продашь, не краденое.

«Взыграла крестьянская жилка»,— подумал Тихон Андреевич, а вслух сказал:

— Конечно, много. Сами едим, дочерей снабжаем, все равно остается. Выбрасывать за здорово-живешь жалко, вот и сажаешь каждый раз побольше. В прошлом году мешка три на свалку вывезли... Зазорного, конечно, в том нет, чтобы продать: свой труд, — но... смотрят у нас косо на это. Да и знают меня все.

— Давай я продам,— предложил неожиданно Павел и посмотрел на брата.

— Да ты что?!

— А что? Дело привычное. В мешке заметно, в баул можно насыпать. Чего добру пропадать?

— Да неловко как-то,— протянул раздумчиво Тихон Андреевич.— Приехал в гости...

— Ты на ловкости эти плюнь,— деловито посоветовал Павел.— Если бы чужой кто был, а то брат. Особенного тут ничего нет, я колхозник.

Павел снял картуз, пригладил коричневой ладонью седоватые короткие волосы. Лицо у него было узкое, темное, с глубокими складками вокруг рта.

— Коровой, кабанчиком не обзавелся?

— Куда там! — махнул рукой Тихон Андреевич, все еще думая о странном предложении брата.— Наталью разве заставишь теперь за кабаном ходить? — Тихон Андреевич всмотрелся в лицо брата и рассмеялся: — Уж не думаешь ли ты, что мы нуждаемся? Пенсия, знаешь, у меня какая?

Павел поднял голову.

— Какая?

Тихон Андреевич сказал:

— С такой деньгой можно и без огорода обойтись, но тянет меня земля, Паш. Ох, тянет! Полкартошины бросил — десять целых получил. Вот она, высшая математика.

— Математика,— протянул Павел.— Сад бы насадил, он бы вернее, счет-то, был.

— Это так. Только жизнь-то у нас какая? Сегодня — здесь, завтра — там. Хотим вот на Москву меняться. Сад с собой туда не повезешь.

— Тут оставишь?! — строго спросил Павел.— Не пропадет. Всю страну, небось, объездил, оставил бы везде по яблоньке, вот тебе и памятник, лучше не придумаешь.

Тихон Андреевич искоса взглянул на брата.

— А ты поэт прямо.

Павел опустил голову.

— Коммунизм ведь строим.

Тихон Андреевич снова вздохнул.

— Я сад-то выращу, оставлю дяде, а он возьмет да яблочки мои на базар и свезет. «Волгу» на них купит. Это как?

Павел словно бы в восторге хлопнул себя по бедрам ладонями, закричал:

— Ох, Тишка, голыми руками за тебя не берись! Гони, значит, картоху до самого коммунизма! А откуда же садам-то взяться? С неба?

Тихон Андреевич надул щеки.

— Я свое отсадил. Пусть молодежь теперь сажает.

Помолчали.

— В деревне-то колхоз какой? — вдруг поинтересовался Павел, кивая на деревеньку, лепившуюся по косогору на другой стороне ручья.

— Был колхоз, перевели, говорят, на совхоз.

— Ну, и народ как, не обижается?

— Не бывал там,— сухо ответил Тихон Андреевич.

— Зря,— сказал Павел.

Тихон Андреевич с любопытством взглянул на брата. Павел смутился, посмотрел на небо и надел картуз.

— На выставке мы были. Поспорили малость. Мужики домой поехали, а мне говорят: «К брату заверни, потолкуй. Он там высокую политику делает, не нам чета».

— Помнят?

— А как же! Ты у нас так высоко залетел.

Тихону Андреевичу было крайне лестно, что в деревне помнят о нем, что односельчане как бы прислали к нему своего ходока. За умом, за советом.

Он шел своим прямым, крупным шагом и громким голосом говорил, что колхоз — это коллективная форма собственности, а совхоз — общегосударственная; антагонистического противоречия между ними нет, на известном этапе происходит их сближение и слияние...

Павел семенил впереди, вобрав голову в плечи, так что большой картуз почти лежал у него на спине, он все прибавлял и прибавлял шаг, и казалось, вот-вот побежит. И только вновь спросил, бывал ли Тихон Андреевич в соседней деревне.

Тихон Андреевич, досадуя на забывчивость брата, вновь ответил, что в деревне не был, да это ведь и не обязательно увидеть, чтобы иметь свое суждение: главное в политике — знать общие законы развития.

И снова большой картуз лег на узкие, сутулые плечи брата.

Прежде чем войти в квартиру, спустились в кладовку, которая размещалась в подвале. В первом отделении хранились дрова и груда досок для столярных поделок, другое все было загромождено сундуками, опутанными, как паутиной, белыми ростками картофеля, бутылями, кадками; на полках выстроились батареи бутылок и банок.

Тихон Андреевич, забыв на время о брате, ругнул Наталью Борисовну, которая неизвестно о чем думает, стал ожесточенно обрывать с картофеля длинные белые нити.

Вытирая лоб, отошел к дверям, сказал:

— Через два месяца новый будет, а этого, видишь, сколько остается.

— Верных пять сот вывезешь,— сказал Павел.— А то и поболе. Насыпай с вечера баул, поеду завтра. Чего деньгами швыряться!

«А что в самом деле? — подумал Тихон Андреевич.— Чем выбрасывать, лучше продать. На деньги эти пиджак Павлу можно купить».

Он подумал, что такое решение устроит и Наталью, и повеселел.

— Ну, смотри. Вольному, как говорится, воля. Ты старшой. Конечно, обидно, что пропадает добро. Ишь, целый лес вымахал. Говорят, что радиоактивным излучением сейчас ростки убивают. Опыты пока только.

Тихон Андреевич обошел кладовую.

— Разбаловалась Наталья у меня. Не лежит душа у нее к хозяйству. Доски преют, картофель прорастает, банки в паутине... И дочери в нее пошли. Беззаботные. Не ценят... Это я опята замариновал. Осенью их богато было, земли не видно. Что, думаю, добру пропадать! Семьдесят пять банок. Свой консервный завод. А это синенькие, огурчики, перчик. Винцо тоже свое, вишневое. Завод!

— Грибков-то многовато,— заметил Павел.— Положи мне несколько баночек в баул. Товар ходкий.

Тихон Андреевич рассмеялся.

— Что? Разгорелась душа? Бери, не жалко.

Наталья Борисовна уже накрывала стол. Укоризненно взглянув на мужа, повела гостя в ванную.

Павел раздевался медленно. Стянул рубаху, посидел в одной майке, снял носки и опять посидел, разглядывая ступни, шевеля пальцами босых ног. А Тихон Андреевич, сильно толкая дверь, врывался в комнату то с одной, то с другой вещью, громко говорил:

— Видишь? Работка-то... Порода-а... А ты, небось, думал, сложа руки сидит Тишка? Нет, брат, мне сидеть не приходится.

Из двух старых шапок, которые Наталья Борисовна хотела выбрасывать, он смастерил одну, причем сам был и за скорняка. Дав Павлу подержать шапку, нахлобучил ее на голову, вышел и через минуту принес брюки, которые он перелицевал сам, и тужурку, переделанную из старого кителя.

Павел в одном исподнем стоял в ванной, когда Тихон Андреевич вошел к нему с весами в руках.

— Вот. Весы! — сказал он с гордостью.— Сам сделал, все сам. Над балансиром две ночи бился. Видишь, чашечки, как ни наклоняй, в горизонтальном положении остаются. Две ночи просидел над этой штукой.— Оглянулся на брата, переступавшего на каменном полу босыми ногами, подхватил весы под мышку.

— Ну, мойся, мойся.

Павел закрылся в ванной, а Тихон Андреевич, так и не сняв шапки, ходил из комнаты в комнату, трогал сделанные им вещи, взволнованно переводил дыхание.

В ванной зашумело и стихло. Павел позвал брата.

— Ну-ка, наладь кранты свои,— попросил он,— замучился совсем. То ледяная, то кипяток.

Тихон Андреевич объяснил про «кранты», смущаясь наготы брата, хлопнул Павла по спине.

— Как, покидаемся? Помнишь, как щелкал Тишку?

Хохотнул довольно и пустил душ на полную мощность.

— Много, много, куда? — запротестовал Павел.

— Лей, не жалей! — закричал Тихон Андреевич и, выйдя на кухню, велел жене подбросить еще дров.

Он стал скуповат под старость, не давала покоя мысль, что, получая все время большие деньги, не сумел скопить приличной суммы. Захотелось теперь машину — и приходится экономить. Себя он упрекать в чем-либо не привык, винил в бесхозяйственности жену, но легче от этого не становилось.

Сейчас ему было приятно не жалеть дров для брата.

Он прошел в столовую, удовлетворенно осмотрел стол.

— Шапку-то сними, отец,— сказала Наталья Борисовна.

Тихон Андреевич снял шапку, повернулся было и остановился, словно только сейчас вспомнил.

— Павел — чудак,— сказал он немного заискивающе,— пристал: дай, говорит, картошку вам продам. Чего добру пропадать!

Наталья Борисовна рассмеялась.

— Чего веселишься? — нахмурился Тихон Андреевич.— Я так и этак его отговаривал, он ни в какую. Узнал, что в позапрошлом году три мешка пропало, с лица переменился. Крестьянин! Сама из деревни, знаешь, каково на сердце, когда добро переводится зря. Для него это вроде удовольствия. Пусть попробует. Не здесь, конечно, в райгороде. А на деньги эти купим ему что-нибудь... Пиджак...

— Да ты что, отец? — Наталья Борисовна, казалось, теперь только поняла, о чем речь.— Что он, спятил?

Удивительный человек Наталья! Как к ней ни подходи, она обязательно найдет способ испортить настроение.

Павел внезапно вошел в столовую.

— Вот и я,— сказал он весело, с непонятной своей усмешкой в сторону.— Двадцать лет сбросил.

Тихон Андреевич покраснел. Ему показалось, что брат слышал его слова. Он смотрел на жену, но лицо ее расплывалось в улыбке. Конечно, она не чувствовала за собой никакой вины. Удивительный человек!

Сели за стол. Выпили. Братья помалкивали. Говорила одна Наталья Борисовна. На нее водка подействовала сразу, она раскраснелась, оживилась, глаза ее мечтательно блистали.

— Скурихины там, значит? — спрашивала она.— И бабка Катя жива? Ну, эта, с нашего краю, концом света которая всех пугала. Жива? Ты скажи на милость! Вот те и конец света.

Наталья Борисовна была одной из первых комсомолок на селе, работала секретарем сельсовета, организовала первую в районе избу-читальню. Она вспоминала, как ездила в город, на завод, за книгами, как бабка Катя не пускала ее в избу, называя книги сатанинской отрыжкой; сыну и дочери она предсказывала умопомрачение в том случае, если они будут читать книги.

— Ох, и попортила мне крови эта бабка! — качала головой Наталья Борисовна.— Сколько книг порвала! Бывало, улицу перехожу, она за мной идет, в след мой плюет и заклятия бормочет.

Наталья Борисовна смеялась, взмахивала руками, и в раскрасневшемся лице ее, в прическе, туго оттянутой назад, в аккуратном платьице с отложным воротничком проглядывало что-то прежнее, боевое, задорное, комсомольское.

— Да-а, сошла ты с пути, Наталка, сошла,— тянул Павел, задумчиво поглядывая на нее.— Тебе бы с характером твоим в Кремле сидеть сейчас. Огонь-девка была...

Наталья Борисовна сощурила, будто от внезапной боли, глаза, низко нагнула голову, повела ладошкой по скатерти.

— Так получилось... Не судьба... Дети... Тишу с места на место перебрасывали, я за ним... В институт поступила, на агронома хотела. Год проучилась, отца снова перевели — бараки, поле голое. Где уж там учиться...

— Вроде багажа, значит, ты за ним путешествовала? Так получается?

— Да, так...

Тихону Андреевичу не нравилось, что Павел так много внимания уделяет жене, да и весь разговор не нравился: в нем он различал что-то похожее на упрек себе.

— Так помнят, говоришь, меня? — спросил он, наливая себе водки.— За высокой политикой послали тебя мужички?.. Да-а...

— Помнят, послали.

То ли после ванны, то ли от водки, хотя пил он немного, может быть, и от усталости Павел погрузнел, постарел, резче обозначились морщины вокруг узкого жесткого рта, чаще кривились губы.

Наталья Борисовна пробормотала что-то насчет пирога и вышла, пряча лицо от проницательных глаз Павла.

— Зря ты разговоры эти затеял,— сказал Тихон Андреевич.— Она ведь всерьез все принимает. Пойдет теперь переживать,— он усмехнулся.— Все виновных ищет.

Павел промолчал. Пил он немного, к еде тоже почти не прикасался: сослался на больной желудок.

— Клин клином вышибать надо! — закричал Тихон Андреевич, снова наливая себе водки.— Я пока служил, каких только болезней у меня не находили! Месяцами на исследованиях разных... В отставку вышел — все как рукой сняло.

Павел снова промолчал. Лицо у него было такое же, как и на огороде, казалось, он производил в уме сложные подсчеты и никак не мог свести концы с концами.

Тихон Андреевич подкладывал себе холодца, заливной рыбы, огурчиков, пил, закусывал, снова пил, улыбался.

— Так помнят, значит, Тишку?

— Помнят, помнят...

Павел вдруг встал.

— Прилягу я, Тихон. Нехорошо мне что-то.

— Вот те раз! — зашумел Тихон Андреевич, тоже вставая. Лицо его блестело от пота, короткие влажные пряди липли на выпуклый крепкий лоб, он размахивал зажатой в руке вилкой, кричал: — Подводишь, Павел, нашу породу, подводишь! А я уж думал, стол сдвинем да и померяемся силенкой-то, а? Как бывало! Сдаешь, брат, сдаешь... А еще с картошкой собрался ехать.

— На картошку силенок хватит,— сказал Павел.— Силенка есть. От соленого меня, наверно, замутило.

Братья перешли в кабинет, где гостю постелили на диване. Горела одна настольная лампа, стены тонули в полумраке. Наталья Борисовна мыла на кухне посуду.

Павел, одетый, сидел в постели, потирал грудь, смотрел в одну точку.

— Вспомнили, значит? — Тихон Андреевич растроганно поморгал.— Конечно, в деревне, там высокой политики не увидишь, уперся носом в свой забор — и дальше ни тпру, ни ну. Главное тут — общие законы развития. Знай их — и дело как по маслу пойдет. Эх, мне бы к вам председателем!

Павел поднял голову.

— Чего же не приехал! Вот в Белоруссии один отставник как колхоз поднял... Инвалид войны. Москву бросил, квартиру, на разор поехал. А теперь на всю страну гремит, люди к нему со всего света за умом едут.

— Устал я, Паша,— негромко пожаловался Тихон Андреевич.

— Тебе пятьдесят шесть, ты устал, а мне шестьдесят... По двенадцать часов из кузни не вылезаю. И войну прошел, в шахте семь лет отработал, в колхозе какие только работы не перепробовал.

— У меня ответственность была, Паша,— мягко сказал Тихон Андреевич.— Штука тяжелая, не каждому по плечу. Думаешь, за что нам такие деньги платит государство? За красивые глаза? Только радости от них мало. Вышел на покой, только бы и пожить, глядишь — трах! — и нет человека. Как мухи мрут. И все ответственность, Паша. Все соки из тебя берет.

— А у меня разве ответственности нет? — сощурился Павел.— Не подготовлю инвентарь, сев сорвется, без хлеба останешься ты, Тишка. И тоже не одними руками, головой поработать нужно.

— Не то, Паша, не то...

Наталья Борисовна, в переднике, с полотенцем в руках, стала в дверях, улыбнулась. «Сейчас брякнет что-нибудь»,— подумал Тихон Андреевич.

— Ты чтой-то, Павел,— наконец сказала Наталья Борисовна, заговорщически поглядывая на мужа,— картошкой, говорят, торговать собрался?

— А что?! — Павел выпрямился и тоже как будто повеселел.— Дело правое. Грех куском бросаться, верно, Тихон? Утратила ты, Наталка,

Сергей СМИРНОВ

Матушка-Русь

Моим друзьям

* * *

Есть еще сговорчивые души,
Склонные забраться иногда
В те края,
которые поглуше,
Где ничем не порчена вода;
Где свисают корни, словно чалки,
С берегов, раздвинутых водой;
Где, возможно, водятся
русалки —
Экземпляры древности седой;
Где кричит из зарослей соседних
Невидимка птаха:
«Спать пора!»;
Где костер, как лучший
собеседник,
Колобродит чуть не до утра;
Где блестит роса лугов поемных;
Где сельчане
спать давно легли;
Где карманный радиоприемник
Говорит о жизни
всей земли...

СОЛОВЬИ

Я живу в деревне соловьиной,
Где обрел рабочий кабинет.
Рядом Русь граничит с Украиной,
А границы, собственно, и нет.

Есть поля да белый цвет черемух,
Есть леса да реченьки свои,
Где в сплошных ракитовых
хоромах
Набирают силу соловьи.

Как займутся посвистом бедовым,
Поведут —
замри и не дыши!
Соловьи седым солдатским
вдовам
Возвращают молодость души.

Соловьи,
врожденные солисты,
Сила вашей власти такова,
Что искусство Гришки-гармониста
Перед вами никнет, как трава.

И бегут от сердца к сердцу нити,
Что-то сокровенное тая.
Соловьи-кудесники,
взгляните:
Не у вас ли
Молодость моя?

Не она ли в старой плащ-палатке,
В рядовой пилотке набекрень
От меня
шагает без оглядки
По одной из этих деревень?

Соловьи неистовствуют пуще,
Всех невест
хотят свести с ума,
От реки, в бессмертие текущей,
Словно гром, врываются в дома.

А бобры, нарезав прутьев грубых,
Стелют их
у влажных нор и ям,
И сидят в своих боярских шубах,
И вовсю внимают соловьям.

Соловьи — в лирической разведке,
Соловьи — у каждой колеи,
Соловьи — почти на каждой
ветке,
И на сердце
тоже соловьи.

УТРО

По моим неполным примечаньям,
Утро начинает разворот
Гоготом,
кудахтаньем,
мычаньем,
Хлопаньем калиток и ворот,

Звоном ведер около колодца,
Криками подпаска-огольца
И почти священной позолотцей
В окнах, возле каждого крыльца.

Все хозяйки затопляют печи,
Затевают новое меню.
И блестят их согнутые плечи,
Как заре,
открытые огню.

Все в движенье.
Все полно делами.
Ритуал
извечно стар и нов.
И царит березовое пламя
Посреди ведерных чугунов.

И тебя пленяют
запах пищи,
И рожденье утренней зари,
И святыня русского жилища
С полукруглым пламенем внутри.

крестьянство, утратила. Избаловал тебя Тихон. Ишь, лес какой развела в подвале! За косы бы ее, Тихон, за косы.

Он с неожиданной легкостью и даже веселостью вскочил с дивана.

— Пойдем, Тиша, наберем мешочек, чтобы завтра не возиться. Первый автобус когда в город идет? В шесть? Ну и ладно. Может, два раза еще обернусь.

Спустились в подвал. Павел остановился у входа, а Тихон Андреевич, повязав старый женин передник, стал насыпать. «Охота пуще неволи,— бормотал он.— Ходить, конечно, не придется, первый сорт картошечка, с руками оторвут, а все-таки...» Ему было неудобно держать мешок и насыпать, но позвать на помощь Павла он не решался. Жена снова вклинилась между ними, отравила все своим дурацким смехом, вопросами. «Удивительный человек! Ну, если бы я навязывал Павлу эту торговлю, тогда понятно, а то ведь он сам предложил. Для него это — удовольствие. После этого он просто увереннее будет себя чувствовать в доме... Э, да разве она поймет!»

Покраснев от натуги, он поволок мешок к лестнице. Павел молча посторонился. И снова Тихон Андреевич ощутил неловкость, досаду, снова не решился попросить Павла помочь ему поднять мешок.

Никогда еще он не испытывал такой острой неприязни, прямо-таки ненависти к жене. Ведь дура, явная дура, за всю жизнь рубля своим горбом не заработала, на всем готовом всегда прохлаждалась, птичьего молока только не имела, а лезет, лезет...

В прихожей Тихон Андреевич с грохотом бросил мешок на пол, вытер рукой лоб.

— Многовато принес...

Павел вдруг позвал Наталью Борисовну. Она появилась не сразу, искоса, осуждающе взглянула на одного, на другого.

— Наталка, а ведь он и впрямь готов меня с картошкой на базар отправить,— сказал Павел, с задумчивым, жалеющим интересом глядя на брата.

У Тихона Андреевича часто-часто застучало в виски, ставшие непрочными, тонкими, как бумага.

— Кто хочет?.. Ты же сам... Ты что, Павел? — забормотал он, не слыша и не понимая своих слов.

Много-много лет назад, еще до войны, Тихон Андреевич получил выговор по службе, а до выговора его дело долго разбирали всевозможные комиссии. Все обошлось лучше, чем он мог ожидать. С тех пор служба его текла мирно, но страх перед возможностью нового разноса не покидал его. Уходя в отставку, Тихон прежде всего подумал, что теперь не нужно будет бояться, хотя первые месяцы, пока он привыкал к новому положению, страх нет-нет да и давал о себе знать. Сейчас же ему вдруг показалось, что ничего не обошлось, разнос все-таки настиг его. И самый строгий, какой только мог быть. Никакого снисхождения! Никакой жалости!

И Павел, лицо которого расплывалось в глазах, отступало и никак не могло отступить, был уже не Павел, а высокий начальник. Как удары молота, падали из его рта слова.

— Вбок живешь, Тишка! — кричал Павел.— Мы в деревне участки свои обрезаем, чтобы силу не распылять, колхозное производство поднять, а ты с эдакой-то вышины и вон куда скатился! Сукин ты сын, Тишка!

Павел вдруг сморщился, взмахнул тугим, жилистым кулаком.

Наталья Борисовна перехватила его руку, обняла, повторяя:

— Не надо, Павлуша, не надо. Что ты?

Губы ее дергались, но слезы, мелкие и частые, так и сыпались из ее глаз.

Павел опустился устало на старенький диван в углу прихожей, уронил между плеч голову.

— Закон развития,— бормотал он, вздрагивая всей спиной.— Закон развития... Нет, не выбрали бы тебя у нас председателем. Я бы первый руку против поднял.

Наталья Борисовна сидела рядом с ним, не плакала и молчала. Вид у нее был такой, какой бывает у людей, решившихся после долгих колебаний на что-то твердое и определенное.

Тихон Андреевич снял с вешалки старый плащ и вышел.

На улице было темно, свежо. Боль, стучавшая в виски, на воздухе усилилась, голова раскалывалась от нее.

Тихон Андреевич быстро шел мимо темных, сливавшихся в сплошную стену сосен, мимо стройки с редкими, неяркими огнями и думал, что добром эта история для него не кончится, придется, очевидно, слечь в постель, и надолго.

РОССИЙСКАЯ ГАРМОНЬ

Дутой эрудицией фасоня
Под высоким небом наших дней,
Недоброжелатели гармони
Часто разглагольствуют о ней:

Мол, давно лады ее завяли
И певучий дар полузабыт:
Диктатура
скрипки и рояля
Покорила
Новый сельский быт...

Не хочу приевшегося спора
И стою, как прежде, на своем.
Нет!
Гармонь уйдет
не так-то скоро,
Мы ее в обиду не даем.

Бескорыстно, шумно и резонно
По деревне шествует она.
Широта ее диапазона
Широте отечества равна.

Кто разносит вздорные мыслишки,
Что гармонь —
явленье старины,
Тот Россию знает понаслышке
И на жизнь глядит со стороны.

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Галине.

Я не лобызаю дамских ручек,
Как медведь, пожму —
и был таков.
Но природа вежливости учит
Даже нас, типичных мужиков.

Накопал червей,
Наладил донки,
Прихватил подобие весла
И плыву на лодке-плоскодонке
По реке, где щукам нет числа.

Для меня посвистывают птицы
И тепло струится по земле.
Так и тянет
низко поклониться
Низко наклонившейся ветле.

Так и хочешь подозвать березку,
Расспросить:
откуда ты и чья?
Подарить ей модную расческу
И достать кувшинку из ручья.

Впереди бобровая запруда,
А над нею —
яблоня в цвету.
С добрым утром, маленькое
чудо!
Где взяла ты эту чистоту?

Обернулась яблоня-дикарка,
Отразилась в медленной волне
И, дороже всякого подарка,
Потянулась веткою ко мне.

Видимо, ее не пригибали,
Ну, а я
дерзнул не по летам
И приник шершавыми губами
К молодым, нетронутым цветам.

И поплыл с веселостью нахала,
А она без лишней суеты
Мне прелестной ручкой помахала,
Облаченной
в белые цветы.

СЕЛЬСКОЕ СОЛНЦЕ

Озарило мирное селенье,
Стало подниматься в вышину,
Довело до белого каленья
Петухов, затеявших войну,

Обогрело общие гектары,
Обласкало женщин и мужчин,
Молодым подсыпало загара,
Пожилым добавило морщин,

Погостило в обществе растений,
У зверей, у всевозможных птах,
А под вечер
удлинило тени,
Улеглось в ракитовых кустах,

И вздохнуло, как это ни странно,
От избытка собственной жары,
И укрылось пологом тумана,
Чтобы не мешали комары.

КРАСОТА

Я слыхал критические мненья,
Будто созерцательность вредна,
А ко мне,
как тайное волненье,
Привязалась именно она.

О немая жажда созерцанья,
Что, скажи, ты делаешь со мной?
Погляжу на звездное мерцанье
И грущу о трассе неземной.

Выйду с лесником беловолосым,
Осмотрю поля и темный лес —
И к земным
сегодняшним вопросам
Возрастает жгучий интерес.

Хлынет ливень вперемежку с
громом,
Протяну им сразу две руки
И, как будто избранным
знакомым,
Говорю:
— Спасибо, земляки!

Говорю хозяйственно и лично,
С грозными явленьями на «ты»:
— Молния,
веди себя прилично,
Не губи окрестной красоты!

Красота
красуется неброско
В тишине, царящей тут и там,
И в улыбке девочки-подростка,
Посвященной собственным
летам,

И в снегу черемуховой кисти,
И в резной рябиновой тени,
И верхом на реактивном свисте
Мчит она сигнальные огни,

И летит
до звездных многоточий,
И доносит топот табуна,
И желает мне спокойной ночи
На скамейке около окна.

Рисунки В. Орлова.

Он дошел до шоссе, постоял и решительно повернул назад.

Мысль о том, что Павел сидит сейчас с Натальей Борисовной, говорит о нем, была невыносима. Он решил поначалу, что брат разыгрывает ее, а она по глупости принимает его слова за чистую монету. Теперь он чувствовал, что сам оказался в дураках. Он вспомнил ее смех, ее голос и все прибавлял шаг. Конечно, с Павлом она нашла общий язык. Что ж, он не возражает: отправляйтесь, Наталья Борисовна, в деревню, живите там, работайте в колхозе.

Вступив на территорию городка, Тихон Андреевич вдруг увидел впереди себя, под шапкой фонаря, темную невысокую фигуру. Не успев ни о чем подумать, отступил под сосны. Виски снова напряглись, сердце подкатилось к горлу. Показалось или нет?

Человек на дороге миновал светлый круг, в темноте слышалось только шарканье ног, кашель, бормотание.

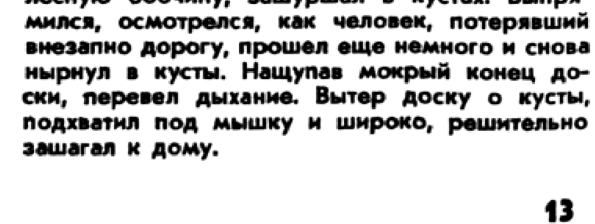
«Показалось или нет? Показалось или нет?» — стучало в голове.

Шаги послышались совсем рядом. Тихон Андреевич прижался к сосне, затаил дыхание. Человек прошел мимо. Фанерный баул глухо бился о его колени. В нескольких шагах от Тихона Андреевича человек остановился, огляделся.

— Закон развития,— вдруг услышал Тихон Андреевич явственно,— закон развития...

Тихон Андреевич перевел дыхание. «Ну и ладно, оно и к лучшему»,— подумал он, выходя на дорогу.

Пройдя несколько шагов, остановился, подумал, повернул назад. С дороги сошел на лесную обочину, зашуршал в кустах. Выпрямился, осмотрелся, как человек, потерявший внезапно дорогу, прошел еще немного и снова нырнул в кусты. Нащупав мокрый конец доски, перевел дыхание. Вытер доску о кусты, подхватил под мышку и широко, решительно зашагал к дому.

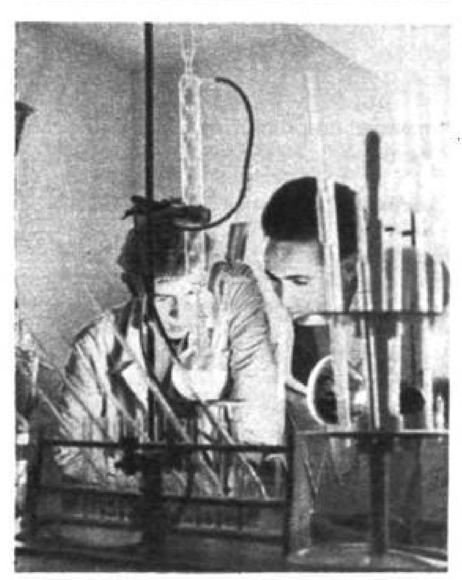
Богатые урожаи кукурузы собирает кооператив «1 Мая» в Галацкой области. На снимке — переработка кукурузы на силос.

По пути счастья

«В нашей стране трудящиеся, идя по пути, открытому Великой Октябрьской социалистической революцией, вдохновенно и самоотверженно трудятся во имя построения социализма на своей родине», — так говорил товарищ Георге Георгиу-Деж, первый секретарь ЦК Румынской рабочей партии, во время недавнего пребывания в Советском Союзе.

Мы печатаем фотографии, полученные из Румынии, которые рассказывают об этом самоотверженном труде.

Металлургический завод «Республика» в Бухаресте. Его продукция — вклад в фундамент экономики республики.

Народному хозяйству РНР, которое непрерывно развивается, нужно много специалистов. Будущие инженеры в лаборатории Института нефти и газа в Бухаресте.

Фото агентства печати «Новости» и Аджерпрес.

Дневник одной бригады

Дневник подростка, который ведется только для себя, не может быть искреннее того, что лежит передо мной. В этой толстой тетради заключены заботы и радости двенадцати взрослых рабочих людей. Охотнее всего я переписала бы каждую строчку их дневника, потому что, хотя в них говорится и о мелочах, о повседневной работе и развлечениях, они являются не чем иным, как кредо социалистического характера.

На обложке стоит: «Дневник бригады имени 1 Мая Будапештского электростанкостроительного и кабельного завода». И лозунг бригады: «Живи, работай и учись по-социалистически!».

Первая запись старая, более чем двухлетней давности. Это протокол. Шесть рабочих организовали бригаду и вступили в соревнование за звание коллектива социалистического труда. Они обязались выполнить план на столько-то и столько-то процентов, повысить качество, не допускать брака. В этом нет ничего особенного. В наши дни сотни тысяч венгерских рабочих ставят перед собой такие же цели. Но после перечисления процентов я читаю и о других принятых решениях: «Помогать друг другу во всем, бороться со своими недостатками, изжить эгоизм».

Бригадир Иштван Кемшеи беседует с Золтаном Хедоцки, учеником слесаря, будущим членом бригады.

Напыщенные фразы? Они были бы таковыми, если бы за ними не следовали дела.

Следующие записи — уже не просто обещания и обеты...

В конце 1959 года в тетради записано: «Большинство обязательств, которые мы приняли, вступая в соревнование за звание бригады социалистического труда, выполнено». В феврале 1960 года бригада завоевала это почетное звание.

Члены бригады скромны, они неохотно говорят о своих успехах. Но один семнадцатилетний юноша, ученик из цеха, где работает бригада имени 1 Мая, рассказал мне:

— Когда я попал сюда, мне было страшно: чужие взрослые люди. Что я тут буду делать среди незнакомых станков, кранов, инструментов? Но все пошло очень хорошо. Прежде всего помог дядюшка Карчи Конта. Он старый рабочий, весь завод назубок знает. Уже в первый день спросил, нравится ли мне работа, показал, как держать отвертку. К нему всегда можно обратиться, он все объяснит. Дядюшка Кемшеи построже, от него мне часто достается. Но это не потому, что он злой. Он тоже славный. А всех лучше тетушка Ица. Она расспрашивает о всех моих делах, пришивает мне пуговицы...

На заводе трое ребят, которых опекает государство. Один из них попал в больницу. И вот тетушка Ица откладывает готовку, стирку, другие домашние дела и идет к мальчишке в больницу. Никогда она не приходит с пустыми руками. Приносит то апельсины, то шоколад.

Именины, дни рождения и другие праздники бригада проводит всем составом. Иногда такие коллективные торжества тянутся до поздней ночи, потому что всегда есть о чем поговорить: то об общем изобретении, то о проекте дома для одного из членов бригады. Летом прошлого года во время отпуска вся бригада несколько дней провела на Балатоне, в заводском парусном клубе. Сколько впечатлений, приятных воспоминаний!

Не так давно на завод приезжал один из руководителей профсоюзов ГДР. Он познакомился с бригадой и пригласил пятерых ее членов к себе на родину. В ГДР побывали Иштван Кемшеи, Карой Пустаи, Иштван Циммер, Бела Мюллер и Янош Седер. Об этом свидетельствует множество открыток с видами, вклеенных в дневник.

Лозунг, который стоит на обложке дневника бригады, осуществляется. Бригада живет, работает и учится по-социалистически.

Жужа ГАЛ

Будапешт.

Моя

Хараламб ЗИНКЭ, румынский писатель

Самолет летит в Ташкент. Узбекистан! Это слово будит во мне одно воспоминание за другим. Сколько лет прошло с тех пор?

...Октябрь, 1941-й. По всей линии фронта идут тяжелые бои. В эти трудные дни у станции Зирабулак остановился поезд. Я вышел из вагона — румынский парнишка с берегов Дымбовицы, убежавший от фашистских захватчиков.

Небо, глубокое и чистое, без единого облачка, как и у нас в Бэрэгане летом. Не считаясь со временем года, яркое солнце жгло немилосердно. Медленно, покачиваясь, проходил караван верблюдов, нагруженных тюками хлопка. В голове каравана ехал проводник верхом на муле, напевая песню, таинственные слова которой будто подгоняли вереницу верблюдов.

Я продолжал путь. Все встречавшееся изумляло и пленяло меня: узкие и высокие повозки на двух огромных колесах; бородатые узбеки в цветастых ватных халатах, с чалмами на головах; чайные, представлявшие собой нечто вроде покрытых коврами подмостков, на которых сидящие по-турецки люди отпивали маленькими глотками горячий чай под лучами раскаленного солнца.

Ни на миг я не задумывался о том, как буду жить дальше на этой залитой солнечными лучами земле. А подумать об этом не мешало бы. Я ведь тогда не знал ни русского, ни узбекского языков.

Меня направили в колхоз имени Ленина, в село Тоткент. За мной приехал молодой, симпатичный колхозник на двуколке. Он говорил очень быстро и все время дружелюбно улыбался. По его знаку я взобрался в двуколку. Путешествие в неизвестное продолжалось. Из-за необычайного богатства впечатлений я чувствовал себя на седьмом небе. Меня охватила такая радость, как будто я был первооткрывателем Узбекистана.

Далеко-далеко на горизонте дикой степи вырисовывалась цепь серых гор. Не в состоянии сдержать своего восторга, я воскликнул по-румынски:

— Посмотри, товарищ, горы!

— Бильмайман [1], — ответил узбек.

«Что это за непонятное слово?» — спрашивал я себя, огорченный неудавшейся попыткой завязать беседу.

Степь осталась позади, повозка ехала по узкой и извилистой дорожке, по обе стороны которой стали появляться первые поселки

[1] Не понимаю.

узбекская родня

с домиками из твердой, как камень, глины. Повсюду виднелись пышные деревья с незнакомыми в наших краях листьями и плодами. За ними потянулись хлопковые поля, густо усеянные белыми цветами, словно застывшими под лучами заходящего солнца.

Было уже поздно, когда мы въехали в Тоткент. Повозка остановилась перед чистенькими, выбеленными домиками, расположенными прямоугольником, посреди которого я увидел небольшой искусственный пруд, обрамленный старыми ветвистыми деревьями. Оттуда тянуло приятной прохладой. Вокруг нас сразу собрались любопытные. Мой проводник не успевал отвечать на сыпавшиеся со всех сторон вопросы. Подошел к нам и председатель колхоза товарищ Муратов. Он обратился ко мне по-узбекски, но, видя, что я не понимаю, взял меня за руку и повел к берегу пруда. Там, под деревьями, стояла большая, высокая деревянная кровать, покрытая ковром. Председатель сел на нее, скрестив ноги, и знаком пригласил меня последовать его примеру. Нам сейчас же принесли чай, изюм и теплые, соблазнительные лепешки. Проголодавшись в дороге, я сразу принялся за дело: зеленый чай показался мне поразительно вкусным, прохлаждающим, изюм я нашел очень сладким и душистым, а лепешки — о них и говорить не приходится — просто таяли во рту. Любопытные густо стояли вокруг нас с председателем. Председатель говорил со мной знаками. Язык знаков одинаково забавлял нас обоих, а еще больше — собравшихся вокруг.

Главное я понял: будет сделано все возможное, чтобы румынский юноша чувствовал себя в колхозе, как в своей семье.

Спустя несколько дней меня послали работать на ферму. Там я познакомился с заведующим Абдурасом Джураевым. Это был здоровый, плотный мужчина с оливковым лицом, обрамленным короткой черной бородой. Его лицо особенно красили яркие и живые глаза. Он любил петь, и при поездке из бригады в бригаду всегда его сопровождала песня. У него была большая семья: три дочери и сын. Сарипу, старшему из детей, исполнилось шестнадцать лет.

Работа сблизила меня с этой семьей. Между нами завязалась прочная дружба. Я начал учиться узбекскому языку. А когда я овладел им довольно сносно, я рассказал Абдурасу о моем безрадостном детстве.

Подростком я работал на хозяина по четырнадцать — шестнадцать часов в день. Хозяин бил меня, топтал ногами, грозил убить. Осенью 1940 года вместе с другими молодыми бухарестцами мне удалось убежать от террора Антонеску в Советскую Молдавию.

— А родители? — озабоченно спросил меня Джураев.

— Остались там, в Бухаресте.

— Они знали, что ты...

— Да, они мне дали свое благословение...

— И тебе не страшно было пускаться одному в такой путь?

Страшно? Я много знал о Советском Союзе, стране рабочих и крестьян. Я слышал о ней от моего отца, читал в незабываемой книге Александру Сахия «СССР сегодня».

В Стране Советов сбылась моя заветная мечта: меня послали учиться в школу.

Как-то Абдурас Джураев отозвал меня в сторону и сказал:

— Послушай, парнишка, с этого момента я буду тебе отцом, а ты мне сыном... Моя семья будет твоей семьей. Хорошо?

Я понял его. Взволнованно кивнул головой и ответил:

— Катта рахмат![1].

С этого дня я стал называть его Абдурас-ота — отец Абдурас. Так я нашел в Узбекистане тепло семейного очага. Вскоре мои новые родители подарили мне халат, цветной пояс и тюбетейку. В тот же день я побрил голову у сельского парикмахера. Теперь я стал настоящим узбеком, только рыжим и веснушчатым.

Абдурас-ота относился ко мне, как настоящий отец. И я горячо любил и глубоко уважал его. Он ухаживал за мной, когда меня свалила безжалостная малярия, и подбадривал каждый раз, когда меня охватывала тоска по родине. Он же вместе с Сарипом, ставшим мне братом, осенью 1944 года провожал меня в Советскую Армию, в которую я пошел добровольцем. Кто воевал, тот знает, как это нужно, чтобы на фронт тебя проводили близкие. Не раз на фронте мысли мои возвращались к приемным родителям. Я писал им из окопов Белоруссии и Литвы, а затем из госпиталя на Кавказе. Им я послал весточку, что рана на ноге зажила и я снова возвращаюсь на фронт. Потом наша часть перешла с боями на территорию гитлеровской Германии...

С тех пор прошло почти семнадцать лет.

Самолет подлетал к Ташкенту. Наш путь с аэродрома — в колхоз имени Ленина.

Кругом, сколько охватывает глаз, белые цветы хлопка.

Из мчащейся машины гляжу на бесконечный ковер белых, как вата, цветов. На полях, хотя час уже не ранний, не вижу ни одного сборщика. На мой недоуменный вопрос мне отвечают, смеясь:

— Вы, товарищ Зинкэ, забываете, что годики идут... Большая часть хлопка убирается теперь комбайнами.

Комбайны! Как здорово! Мне вспоминается, как я был первый раз послан на уборку хлопка. Норма — 40 килограммов. «Ерунда,— решил я.— Соберу и вдвое больше. Знай, мол, наших». Я смело приступил к работе. Мне казалось, что за мной уже выросли горы хлопка. Вечером весы вернули меня к действительности. Их стрелка со всей бессердечностью показала, что я едва собрал 5 килограммов. С тех пор я хорошо знаю, что хлопок очень легок и что его очень тяжело собирать.

Шоссе новое, широкое, асфальтированное. Исчезла пыль, которая раньше летом лежала слоем чуть не в двадцать сантиметров. Исчезли и караваны. Груженные тюками хлопка, по шоссе движутся грузовые машины. Не встречаются узбеки верхом на ослах. Мимо нас проносятся автобусы и велосипедисты. Все это придает давно знакомому пейзажу новую прелесть.

Въезжаем в какой-то город. Спрашиваю:

— Где мы находимся?

— В Зирабулаке.

— Где?!!

Отказываюсь верить, что мы в Зирабулаке. Оглядываюсь вокруг. Не узнаю ничего. Новые дома, новые улицы, масса зелени. Только солнце осталось тем же: жжет немилосердно. А я ведь думал, что узнаю каждый уголок.

Мостовые и тротуары асфальтированы. В центре города разбит большой парк, в котором полно цветов. Строится прекрасный новый клуб.

Из колхоза за мной приехал нарочный. И вот мы в колхозе. Машина остановилась там же, где и повозка, на которой я приехал в село Тоткент в 1941 году. Я смотрел во все глаза и не находил здания правления колхоза, прудика, около которого я выпил первую чашку зеленого чая. Вдруг я увидел спешащего ко мне старика. Я сразу узнал Абдураса-ота и бросился к нему. Долго мы стояли, обнявшись, посреди дороги. У обоих в глазах были слезы. Он постарел, поседел. Борода, прежде черная, как вороново крыло, побелела. Глубокие морщины прорезали лицо. По-юному блестели только глаза.

— Пойдем домой, сынок! — ласково сказал он наконец.

Пройдя несколько шагов, Абдурас остановился и спросил:

— Скажи-ка, сынок, а тогда, в сорок пятом, когда ты вернулся на родину, нашел родителей в живых?

Я ответил утвердительно. Его глаза засветились радостью:

— Якши!

По дороге я встретился с братом Сарипом. Наша встреча превратилась в настоящий праздник.

Прежде чем войти в дом, я по обычаю вымыл руки и снял обувь. Абдурас-ота протянул мне подарок — необыкновенно красивый халат всех цветов радуги. Надев его, я переступил порог дома.

— Сынок,— обратился ко мне старик,— в честь твоего приезда я зарезал самую жирную овцу.

Началось празднование с пилавом, шурпой, с виноградом, почти не уступавшим по размерам сливам, с арбузами и дынями. Мы выпили за встречу, за дружбу. Опять я почувствовал теплое гостеприимство узбекского народа.

Позднее Абдурас попросил меня рассказать, как произошла моя встреча с родителями.

С глубокой радостью я поведал ему о том, что нашел своих живыми и здоровыми. Теперь моя страна живет новой, свободной жизнью. Мои родители и я члены Румынской рабочей партии.

Моим друзьям и родным тоже было что рассказать. Я узнал, что девятнадцать местных узбекских колхозов слились в одно мощное богатое хозяйство. Укрупнение открыло широкий путь к механизации полевых работ. Колхоз имеет теперь 80 тракторов, 30 грузовых автомобилей, 7 хлопкоуборочных комбайнов.

Неузнаваемо изменилась и жизнь людей. Сегодня дом Абдураса, как и других колхозников, освещается «лампочкой Ильича». Радио знакомит его со всем, что происходит в мире. В колхозе одиннадцать школ — одна средняя и десять начальных. В бригадах — ясли и детские сады. Работают четыре диспансера. Малярия — в прошлом проклятие этих мест — исчезла бесследно.

Помимо обычных магазинов, здесь есть и лавки на колесах. Они ежедневно объезжают дома колхозников и привозят им все, что нужно.

Мой брат Сарип занял теперь место отца. Он заведующий животноводческой фермой, специалист высокой квалификации, вооруженный научными знаниями.

Все, что увидел я на своей второй родине, произвело на меня глубочайшее впечатление. Это еще одно свидетельство мудрости ленинской партии, построившей новую жизнь.

Абдурас-ота и Хараламб Зинкэ.

[1] Большое спасибо!

Рука друга

Агам **ВИСПИ**

В заснеженную мглу бежит, звеня,
трамвай,
Здесь серая земля и лица не
похожи
На те, что я встречал в моем
краю зеленом.
Здесь только ель зеленая,
Как пагода, одна
Безмолвно ждет весну.

В заснеженную мглу бежит, звеня,
трамвай.
А на углу мне человек
протягивает руку
И говорит: «Откуда прибыл,
парень?
Из Африки?
Китай?
А может быть, Вьетнам?»
И отвечает сам: «К чему
вопросы?
Ведь ты и я — мы от людей
рабочих».
Запали в душу мне спокойные
слова.
Действительно, к чему вопросы!

Я из страны трех тысяч
островов.
Там жемчуг в глубине морской
таится.
Здесь ель зеленая безмолвно
ждет весну.
Но главное,
Ведь я и ты — мы от людей
рабочих.

В заснеженную даль бегут, звеня,
трамваи.
Я говорю: «Хотите сигарету?»
«Нет, не хочу!»
«Огня?» «О нет, не нужен!»
«Что-нибудь в подарок?»
«Благодарю, не нужно ничего!»

А человек
Стряхнул с усов, как пену пива,
снег
И засмеялся тихо.
Прост, как пожатье рук, и крепок
был ответ:
«Хочу лишь мира!»

Он сел в трамвай.
И черная рука шахтера
Протерла белое окно трамвая,
И я увидел добрую улыбку —
Она как солнце раннею весною.

Трамвай исчез. Свернул за угол
звон.
А я все видел взмах руки шахтера,
Он, словно мир, приветствовал
меня
Рукой рабочей, крепкой, как
кремень,
Который обожжен и дарит пламя.

Я славлю пламя в сердце
человека
И силу рук мозолистых, рабочих,
Я славлю три коротких слова:
«Хочу лишь мира!»

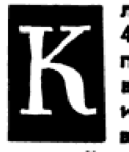
Перевел с индонезийского
С. СЕМИВОЛОС.

Агам Виспи (родился в 1930 году) — известный молодой индонезийский поэт и общественный деятель.

Шахтерская слава лежит глубоко

Дм. **ПРИКОРДОННЫЙ**

Фото Н. **КОЗЛОВСКОГО**.

Клеть остановилась на 493-м метре. Сильный подземный ветер надувает спецовки. Шахтеры идут гуськом, поблескивают лампочки. Кажется, каждый несет свою маленькую звезду. Бригада Ивана Стрельченко долго петляет по сложным лабиринтам и наконец достигает лавы. Добрый уголек здесь, чистый, без породы! Мощность пласта — метр десять — метр двадцать сантиметров. В лаве порядок. Работа идет ровно, размеренно. Изредка кто-то скажет слово-другое. Много здесь не поговоришь. И каждый думает о своем. О своем — это значит о том, чем живет сейчас бригада. А бригада решает сложную задачу:

ко Дню шахтера дать 4 тысячи тонн угля сверх плана,

к XXII съезду партии — 5 тысяч тонн,

к 44-й годовщине Октября — 6 тысяч тонн,

к концу года — 8 тысяч тонн...

Это, может быть, легко сказать тому, кто не знает, сколько труда требует добыча каждой тонны угля. А таких тонн нужно добыть 17 с лишним на человека за смену. Это по плану. Да еще полтонны сверх плана по обязательству! Вот и получается 17,5 тонны на брата ежедневно.

Хлопцы из бригады Ивана Стрельченко каждый день добывают больше. Это дается умением, сноровкой, дружной работой. Вот заболел машинист комбайна Леня Гордиенко. И тогда к машине становится сам бригадир, и она так же послушна его рукам, как и рукам машиниста. Взаимозаменяемость тут полная: каждый шахтер владеет двумя-тремя смежными специальностями.

А утром, когда стало известно, что Ивана Стрельченко приглашают на пленум Центрального Комитета комсомола Украины, пришлось заменять и самого бригадира. Прежде всего Иван Иванович побежал к машинисту комбайна Свистуну. Тот с сыном Виталием мыл «Волгу», собирались ехать в Сталино.

— Сокращай, дядя Петя, свой отпуск, догуляешь потом, еду в Киев...

«Дядя Петя» — самый старший в бригаде: ему за сорок. Самый старший и самый опытный. Только на этой шахте проработал шестнадцать лет. Начинал с лампового, ученика слесаря, был слесарем, горным мастером, теперь — машинист комбайна. Восстанавливал шахтное хозяйство после войны, был под взрывом... Знает он шахтерское дело до тонкостей, знает, что ребятам трудно придется без Стрельченко, когда тот уедет, и поэтому сразу согласился спуститься в лаву.

В Сталино, в обкоме комсомола, помогли Стрельченко подготовить речь. Напечатали ее на машинке. Речь как речь, все там на своем месте: и обязательства бригады, и о выполнении норм сказано, и о высокой трудовой дисциплине, об учебе, и об участии в общественной жизни... Не забыто и то, что вся бригада входит в состав добровольной народной дружины...

Все правильно, но Ивану Стрельченко этого кажется мало, до слез мало. Вот рассказать бы о товарищах, о каждом пофамильно: от самого молодого в бригаде — Димы Глазкина — до самого старшего — «дяди» Свистуна. Мог бы Иван Стрельченко кое-что рассказать и о себе.

...Уже где-то далеко — не по расстоянию, по времени — осталось родное Рыбальче в Херсонских степях. Было там короткое беззаботное детство. Было там и первое страшное горе: погиб отец, военный моряк-черноморец, при защите Севастополя. Осталось у матери на руках четверо мал мала меньше...

Закончил Ваня ФЗО, стал столяром. Строил людям дома, потом корабли. На кораблях же и служить пришлось, тоже на Черном море, как отцу, в школе младших командиров. После школы сам стал учить молодых матросов сложному и трудному делу. Пришло время — демобилизовался и с восемью братками-черноморцами приехал в Донбасс на эту шахту.

Опять учеба, но недолгая — десять суток. И в забой. Там в работе доучивался. В поселке встретил Лиду, они поженились. Получил квартиру.

Но были у Ивана не только подъемы. Разве мало ему пришлось бороться с самим собою, с собственными пережитками, с недостатками других, чтобы прийти в бригаду коммунистического труда с чистой совестью?.. Разве мало пережил молодой бригадир в ту смену, когда новая лава давала осадку, когда могучий пласт трещал вдоль и поперек и опускался вниз? Сколько воли пришлось проявить, чтобы устоять на посту и удержать ребят, чтобы исправить и усилить крепление!..

Всякое бывало. И срывы тоже были. Вот хотя бы та злополучная премия, которую так обильно «обмывали»... Учинили такой сабантуй, самому страшно вспомнить!

Или взять случай с Петром Рябоконем. Дали наряд — взять среднюю нишу для зарубки комбайна. Взять — это значит отбурить, отпалить и выгрузить уголь. Какая муха укусила Петра — до сих пор неизвестно, но наряд он не выполнил, работу сделал Геннадий Балуков. А на второй день поведение Рябоконя обсуждалось на бригадном собрании. Очень остро выступал горный мастер Зыков. Начальник шахты Константин Станиславович Младецкий до чего уж терпеливый человек, но и он принял решение — исключить Рябоконя из бригады. «Чтобы коррозия недисциплинированности не разъедала здоровый коллектив»,— сказал он. Признал Петро свою вину, дал слово. И заступились за него товарищи, попросили начальника оставить его в бригаде: воспитаем. Начальник согласился. Теперь Рябоконь стал отличным работником.

Ездил Иван Стрельченко с делегацией к братьям-шахтерам Чехословакии. Делился своим рабочим опытом, изучал опыт друзей. Незабываемы дни в Остраве, в Праге, в Карловых Варах, в Брно. Теперь много приходится ездить бригадиру.

...На пленуме Стрельченко слушали внимательно.

Работу бригады поставили в пример другим соревнующимся за достойную встречу XXII съезда партии. А Стрельченко был не совсем доволен, ходил со мною по городу и бурчал: «Хоть и говорят, что сила горняка не в словах, а в тоннах, однако цифра цифрой, а каждый человек — это человек, и его шахтерская слава лежит глубоко».

Мы сели в метро, и его, привыкшего к земным недрам, поразила грандиозность этого сооружения.

— Вот это да! — коротко сказал Иван Иванович.— Тоже вложено силы и ума немало...

Потом бродили мы с ним по Ботаническому саду. Буйная листва сомкнулась над нашими головами, и казалось, что мы идем по зеленому штреку...

→ Горный мастер участка отдела капитальных работ Дмитрий Иванович Валдуев.

Шахта 5-бис «Трудовская». →

Ш 5 БИС

Пока бригадир получает наряд, «забойщики» действуют...

На свежем воздухе у пруда.

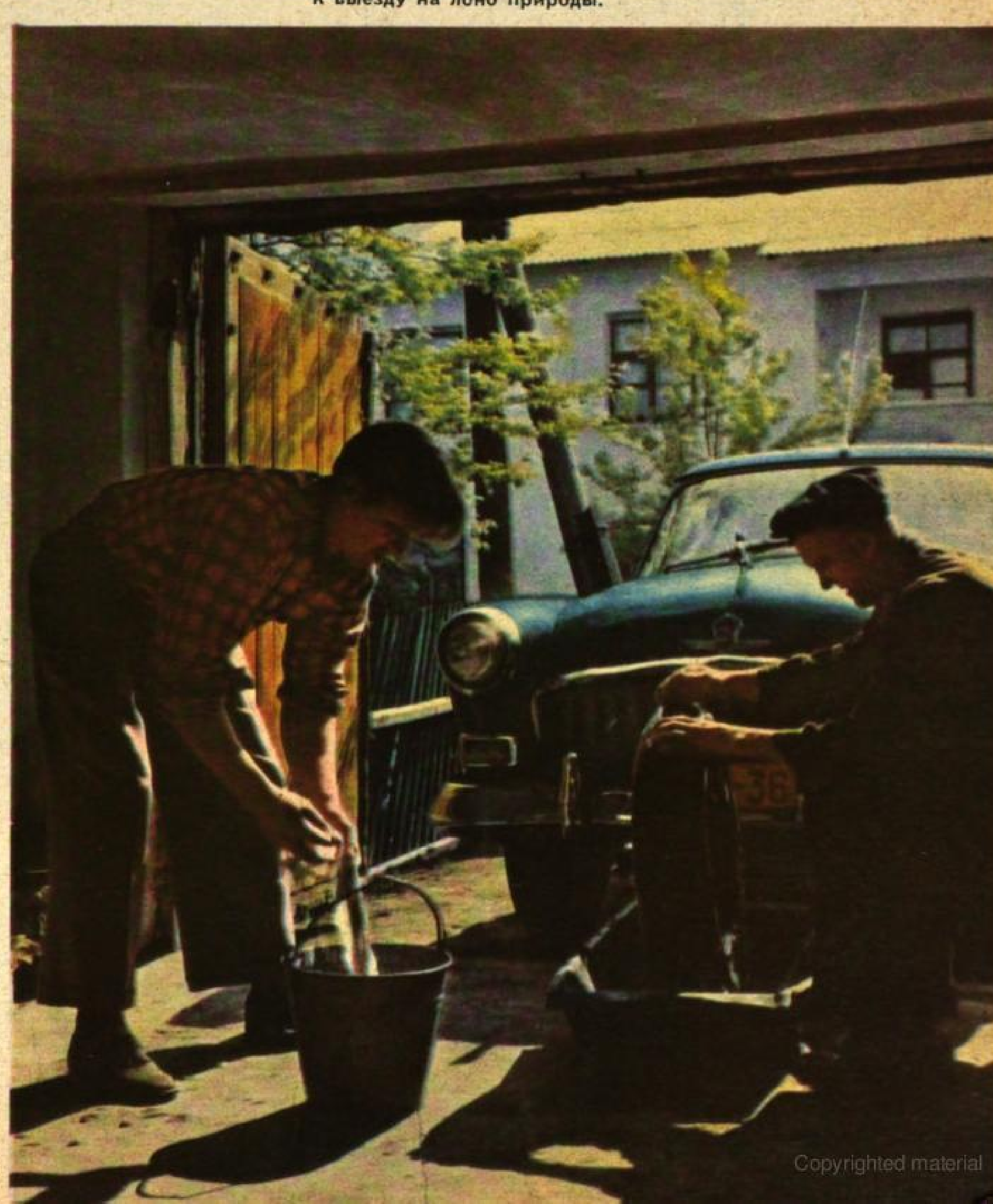

СМЕНА ИДЕТ...

Сегодня встречаются команды класса «А» — «Ранец» и класса «Б» — «Карандаш».

Завтра выходной. Машинист комбайна Петр Свистун с сыном Виталием готовятся к выезду на лоно природы.

Кто всхлипывает тут?
Слеза мужская
Здесь может прозвучать
кощунством: встать!
Страна велит нам почести
воздать
Великим мертвецам
Аджимушкая.

И. Сельвинский.

БЕССМЕРТНАЯ ИСТОРИЯ АДЖИМУШКАЯ

В. БИРШЕРТ

Плавно покачиваясь в такт шагам, идет девушка с ведрами. Словно два маленьких солнца несет она в руках — так задорно играет, искрится вода. Иногда она переплескивается через край ведра, и крупные капли падают на землю. Девушка не знает цены этим каплям. Колодец рядом, сто шагов от дома, — и черпай холодную прозрачную воду сколько угодно.

Она очень молода, эта девушка. Наверное, ей нет и девятнадцати. Откуда ей знать, что происходило на этом самом месте и в каменоломнях, до которых рукой подать, девятнадцать лет назад!

А было вот что.

«...Всю ночь вели усиленную перестрелку. Воду брали с трудом. Метрах в двухстах от колодца находится минометная батарея противника. Фашисты ведут огонь по колодцу. Положение гражданского населения в каменоломнях тяжелое: хлеба нет, воды нет, дети плачут, бедные матери с трудом успокаивают детишек...

Время приближалось к полудню. Нужно было спешить. Мне предстояло вести людей в бой, чтобы отбить колодец. К атаке все уже подготовлено... В ожидании сигнала вылезаю наверх, просматриваю местность. В ста метрах от колодца стоят два фашистских танка. Приказываю противотанковому расчету уничтожить их. Грянули выстрелы — один танк загорелся, другой повернул вспять. Слышу голос комбата: сигнал к общей атаке. Крепче сжимаю автомат, встаю во весь рост, кричу:

— За мной, товарищи! За Родину, в атаку!

Еще сильнее загремели выстрелы, все кругом покрылось дымом. Из-за памятника два вражеских автоматчика ведут огонь по нашим бойцам. Падаю на землю, даю две очереди. Свалились!.. Слева в лощинке снова показался фашистский танк. С испугу, видимо, забыл, что у него пулеметы, режет прямой наводкой из пушки по одиночным целям. Приказываю уничтожить танк. Он, видимо, разгадав мой замысел, удрал за церковь.

Оставив боевое охранение в захваченных домиках, велел остальным вернуться в каменоломни. Убито около пятидесяти фашистов, несколько десятков ранено... Итак, сегодня вода есть. Все в порядке! В катакомбах играет патефон, поют бойцы, на радостях даже решили показать картину «Свинарка и пастух»...».

...Итак, это было девятнадцать лет назад в Крыму, неподалеку от Керчи. Фашисты рвались к переправам, пытались окружить наши части. В один из майских дней на переправу в районе поселка Жуковка прискакал с эскадроном казаков командир казачьей дивизии генерал-майор Книга. Привстав на стременах, он вскинул вверх руку с зажатой в ней папахой и крикнул:

— Братцы! Кто не желает хлебать воду Азовского моря, кто не хочет идти рабами к фашистским захватчикам, в ком жива кровь наших доблестных предков — за мной! В Аджимушкайских каменоломнях есть наши! Мы еще покажем гитлеровским гадам! За мной!

Сотни воинов бросились навстречу врагу. Многие сумели пробиться в каменоломни. Это и был тот день, когда началась оборона подземной крепости, когда рука политрука Александра Серикова занесла в дневник первые записи.

Под землей

В ноябре 1943 года части Отдельной Приморской армии форсировали Керченский пролив и высадили десант в районе Жуковки, там, где повел бойцов в атаку генерал Книга. Десантные части через несколько дней освободили поселок Аджимушкай. В каменоломни спустились бойцы и командиры. Молча шли они по подземным штольням, и с каждым шагом во всем своем трагизме и величии раскрывался коллективный подвиг защитников подземной крепости Аджимушкая.

У закопченных стен, среди многотонных каменных завалов лежали останки погибших, но не сдавшихся врагу героев. Нашли полевую сумку. В ней тетрадка. Дневник политрука Александра Серикова. Волнующая летопись обороны.

16 мая.

«Наши солдаты с боем прорвались в каменоломни, но фашисты окружили нас. В церкви у них огневая точка. Селение почти полностью занято противником. Почти в каждом доме автоматчики, трудно пробиться за водой, но жизнь идет своим чередом. В катакомбах говор сливается в сплошной гул. Кажется, что под землей настоящий город. Я решил пройти вглубь и лучше рассмотреть расположение ходов. В штольнях укрылись мирные жители. Я завязал разговор с одной семьей. Спрашиваю:

— Откуда вы?

Женщина лет тридцати пяти, светловолосая, в ватном пиджаке, ответила, что она служила на заводе имени Войкова, муж в Красной Армии, у нее трое детей, старшему одиннадцатый год. Запасов никаких нет, поэтому сидят голодные. Девочка четырех лет протянула ручонку к матери, попросила воды.

— Нету, детка! Скоро принесут. Я достал кусок хлеба из кармана, разделил между детьми».

А дальше идет запись, приведенная вначале. Датирована она 18 мая 1942 года. Этот день является днем начала обороны подземной крепости, гарнизон которой сразу же вступил в долгий, жестокий бой с гитлеровцами.

Началась подземная жизнь. Сырые, мрачные штольни подземелий приняли тысячи бойцов. Наверху свет, солнце, весна, жизнь, а под землей не было даже самого необходимого — воды, продуктов. Никто не ждал здесь прихода людей, никто не готовил для них запасов. И все же они жили, боролись!

Перед входами в каменоломни фашисты установили громкоговорители. Каркающие голоса, доносившиеся под землю, сулили жизнь, пищу, воду... Каменоломни молчали, никто не выходил, но, когда гитлеровцы пытались сунуться внутрь, их встречали огнем.

Тогда фашисты вызвали специальную саперную часть и начали методически взрывать каменоломни. Сотни людей погибли под каменными завалами. Не успевал дым от взрыва рассеяться, как все тот же каркающий голос начинал долбить:

— ...Мы обещаем вам жизнь, питание, воду...

Напиток самый дорогой

Вода! Она стала главной заботой, главной ценностью.

Люди сосали камни. Известковая вода разъедала кожу, кровоточили губы. И все же это была вода. Драгоценные капли собирали в котелки, чтобы напоить тех, кто лежал в подземном госпитале, кто охранял входы в подземелье.

Недавно в каменоломнях была найдена записная книжка одного из защитников Аджимушкая. Восемнадцать лет пролежала она в подземелье, но довольно хорошо сохранилась. Почти все странички чисты, но вот на одной чуть видны написанные карандашом строчки. Это стихи. Вглядываемся в расплывчатые буквы, и вдруг далеким, знакомым пахнуло от первых же угаданных слов:

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди...

Много лет прошло с тех пор, как было написано это стихотворение, которое, как оружие, носили при себе воины.

На одной страничке какой-то список, в конце фамилия — Соловьев Виктор Алексеевич, младший лейтенант. Тут же фамилия женщины — Соловьева Александра. Кто она: мать, сестра, жена? Ясно одно: это ее верности присягал Виктор Соловьев, это к ней обращены строки:

Жди меня, и я вернусь...

Вновь вглядываемся в странички записной книжки. На последней — почти стертые временем записи: ОК/11442, слово «Новороссийск», фамилия Куличев или Лукичев, совсем неразборчиво — название улицы. Под словом «Новороссийск» угадывается другое: «сестра». Что означает ОК/11442, кто он, Лукичев из Новороссийска?

...Густо исписаны два листа. Очень трудно разобрать слова. От сырости химический карандаш расплылся, первые несколько строчек зачеркнуты. Но вот неясные очертания букв складываются в слова, в строчки. Опять стихи, но не симоновские, а другие, незнакомые. С трудом восстанавливаем первую строфу:

Не знал, не ведал паренек
Отсюда вдалеке,
Что лучше нет армейских щей
В походном котелке...

НА СНИМКАХ:
Они перешли во второй класс.
Молодой шахтер Костя Клевцов мечтает поступить в политехнический институт и упорно готовится к этому.

Чьи это строки? А может быть, сам хозяин записной книжки — автор стихов? Вторая строфа закрепляет предположение. Это та же самая строфа, но в нее внесены поправки:

Не знал, не ведал паренек
Отсюда вдалеке,
Что нет вкусней армейских щей
В походном котелке...

Значит, это не просто запись понравившихся стихов, это творчество, стихи, рожденные во мраке подземелья. Следующая строфа дает основание утверждать это с еще большей уверенностью:

Не знал он истины такой,
Что в жизни иногда
Напиток самый дорогой —
Из лужицы вода...

Да, только тут, в каменоломнях, где люди часами сосали влажные стены, погибали от жажды, только тут могли возникнуть эти скупые строчки. За каждым словом стоят долгие дни во мраке, смерть товарищей, пытавшихся пробиться к колодцу. Поэт продолжает:

Не испытал он до поры,
Чудак из чудаков,
Что нет вкусней простой махры
На свете табаков.
Не знал таких простых вещей,
Что лучшая постель —
Шинель под низ, шинель
под бок,
Под голову шинель.

Сейчас мы уже кое-что знаем о самом Викторе Соловьеве. На родину офицера послали запрос. В ответ пришло письмо. Писала Вера Алексеевна Соловьева — сестра Виктора.

«Живем мы в деревне Ступино — в колхозе имени Мичурина. Отец Виктора Алексей Васильевич с самого начала организации колхоза работал конюхом. В 1942 году пошел на фронт, в 1944 году вернулся домой по ранению, а через год умер. Спустя еще год умерла мать Виктора, чей адрес записан в его книжке. До последних дней она работала на птицеферме. Виктор наш родился в 1922 году. Он был очень способный мальчик и со школьной скамьи писал стихи. Они печатались в районной газете.

В 1937 году он закончил курсы радистов, но еще с детства его тянуло к самолетам. Он поступил в Ивановский аэроклуб, а когда закончил его, началась война. В июле Виктор ушел в армию добровольцем, служил в городе Кизиле, Калинине, на Урале, учился в военном училище. В 1942 году прислал открытку, что находится в Москве при Народном комиссариате обороны, ждет назначения. Обещал прислать открытку с дороги и замолчал. Больше ничего мы от него не получали...»

Вот и все, что мы узнали о Викторе Соловьеве, об одном из защитников каменоломен. Как он жил в каменоломнях, как он сражался и погиб, как жили его товарищи,— об этом молчала записная книжка. Но продолжал свой рассказ дневник политрука Серикова.

Человечество земного шара!..

Воины гибли от жажды, под завалами, но не сдавались. И тогда фашисты решились на самое страшное.

«24 мая. ...Послышались крики. Мы побежали на шум. Каменоломни полны газа. За дымом нельзя ничего разобрать. Мы с Филипповым без противогазов. Вытаскиваю двоих детишек к выходу, но поздно: они мертвы. Чувствую, что задыхаюсь, теряю сознание, падаю. Кто-то поднял, потащил к выходу. Пришел в себя. Подали противогаз. Надо помогать женщинам, старикам, детям. Белокурая девушка лет двадцати четырех лежит на полу. Это Шура, медсестра подземного госпиталя. Она, не приходя в сознание, скончалась на моих руках».

Еще одна запись 24 мая:

«Прошло шесть часов, а нас все душат и душат. По всем ходам много трупов. Смерть так близка, что ее чувствует каждый...

Человечество земного шара! Люди всех национальностей! Видели ли вы когда-нибудь подобное зверской расправе, какую свершает гитлеровский фашизм?! Изверги дошли до крайности. Они начали душить людей газами. Каменоломни полны газового дыма... Родина! Не забудь этого!

Посмотрите на умирающих, они не просят пощады, не становятся на колени, предпочитая смерть рабству!»

Это был страшный день, 24 мая. Гитлеровцы хотели сломить защитников подземелья. Но там, внизу, рука полузадохнувшегося от газа радиста старшего лейтенанта Казначеева передала в эфир радиограмму, написанную полковником Ягуновым, командиром одного из отрядов защитников каменоломен:

«Всем народам Советского Союза! Мы, защитники обороны города Керчи, задыхаемся от газа, умираем, но не сдаемся!»

Сотни людей погибли в этот день. Одни — от удушья, другие — от пуль фашистов, когда выскакивали на поверхность, чтобы хлебнуть спасительного воздуха. Многие были взяты в плен. Вечером наступила передышка. В штабе собрались оставшиеся в живых. Всего около полутора тысяч человек — это из тринадцати тысяч! Приняли два решения. Первое — для защиты каменоломен от газов устроить в центре газоубежище. Второе — вырыть колодцы.

Закипела работа. За короткую майскую ночь глубоко под землей было сложено большое газоубежище. Со всех сторон путь газам преградили стены из камня, переложенные матрацами, шинелями, плащ-палатками, обмундированием. У входов засели группы боевого охранения в противогазах. Утром вновь закаркали громкоговорители. Каменоломни молчали. Фашисты, решив, что все защитники подземной крепости погибли, попытались сунуться внутрь. Но, как и прежде, их встретил огонь. Каменоломни жили, каменоломни сражались!

Пей, Сериков, это уже наша вода!

Продолжалась и борьба за воду. Каждый вечер бой, каждый вечер новые жертвы, а воду удавалось приносить не всегда. Пусть снова говорит дневник Серикова.

«1 июня... Сегодня радостное событие. Разведчики с боем достали сорок ведер воды. Она разошлась по госпиталю, но часть все же попала на кухню. Ждем каши. Роем подземный коридор к колодцу. Работа идет и день и ночь. Уже прорыт ход метров десять».

«10 июня... Фашисты узнали, что мы роем подземный коридор. Забросали колодец крупными камнями и песком, взорвали наш подземный ход. Убито несколько саперов, контужен Трибунин».

«11 июня... Итак, первая надежда получить воду подземным способом кончилась неудачей. И все же коммунисты не хнычут. Жизнь свою так просто не отдают. Коммунисты могут отдать жизнь только на поле битвы, и то очень дорогой ценой. Мы здесь тоже должны высоко ценить свою жизнь и быть готовыми в любую минуту по приказу выйти на поверхность».

Давит тяжелый мрак, теряется счет дням, ощущение времени суток, нередко овладевает отчаяние, хочется выйти и дать смертный бой на земле, но приказ все тот же: ждать! Ждать — это не значит отсиживаться, это значит бить врага из каждой щели, сковывать его в страхе. В каменоломнях знали: немцы держат наверху полк, целый боеспособный полк, а это значит, что он не будет брошен под Севастополь, который держится, сражается. Но человек остается человеком...

«Вот и лето в разгаре. На дворе, наверное, тепло, светит солнце. Хочется взглянуть хоть одним глазом на летнее утро и подышать чистым воздухом.

Но вокруг все тот же мрак, спертый, отравленный копотью воздух подземелья. Тают силы защитников, но дух все так же силен».

«Чувствуется упадок сил. Стал сильно кашлять. Температура до сорока. Противник продолжает применять газы. Воды нет... Уснул на камне, приснилась жена. Стоит поодаль, улыбается, глядит на меня затуманенным взглядом. Проснулся. По-прежнему холод, сырость. Но это — только первое ощущение предательски ослабевшего тела. Тотчас рождается мысль. Она, как электрический ток, напрягает меня всего: «Выстоять!» Вспомнил слова Островского: «Болезнь научила меня искусству сопротивления. Ничто не может сломить волю большевика. Не могу, не имею права сдаться. Мое поведение — не мое личное дело!» Так, кажется, говорил он. Моя жизнь тоже не принадлежит мне. Она нужна Родине, партии. Стараюсь больше ходить, чтобы не слечь в госпиталь».

«5 июля... Оказывается, Трибунин, слегка оправившись от контузии, взялся дорыть заброшенный ход к колодцу и достать воду. Вновь застучали кирки, лопаты, хотя надежды уже нет, что вода будет».

«7 июля... Что получилось с колодцем? Фашисты его сначала забросали досками, колесами от повозок, большими камнями и песком, но в глубине он был свободен. Трибунин на этом и построил весь расчет. Уверенно дойдя до

Реплика журналу «Пари-матч»

ГРЯЗНЫЕ СЛЕЗЫ

В трудное положение попали нынче французские правящие круги. Увязли в Алжире. Зарвались в Бизерте. Обожглись на «картофельных бунтах» своих крестьян. Чтобы хоть как-то подсластить горькие пилюли, известный парижский журнал «Пари-матч» решил успокоить своих читателей сокрушительным доводом: «Неприятности бывают не только у французов».

— У нас плохо,— утешает журнал.— Но и у других не лучше.

Заголовок передовой статьи, опубликованной в номере «Пари-матч» от 5 августа, в дословном переводе звучит так: «Алжиры других». Иными словами, журнал хочет сказать, что у каждой страны есть свой «Алжир».

«Несчастье не является французской монополией,— пишет «Пари-матч»,— у нас есть Алжир, а совсем недавно мы получили еще и Бизерту. Но у американцев под боком Куба — остров, формой своей напоминающий рану; вслед за Кореей у них появился Лаос и все другие районы жестоких споров, ответственность за которые несет Америка. Соседняя с нами Бельгия еще не исчерпала всей горечи своей колониальной драмы, в то время, как Португалия наедине со своей судьбой переживает собственную беду. Англия дрожит за свой фунт стерлингов и за Британское содружество. Вот уже пятнадцать лет, будь то в Африке или на Востоке, ее прежний престиж подвергается только оскорблениям... А советский мир...».

Мы прервем здесь слезливую тираду «Пари-матч», чтобы кое-что подытожить.

Да, худо нынче империалистам! Их оглушает грохот рвущихся тут и там колониальных цепей, их потрясают экономические трудности, их пугает рост народного недовольства. А в это же время процветает экономика социалистических стран, укрепляется их единство, умножаются симпатии к ним миллионов и миллионов людей во всех государствах. Советские коммунисты намечают программу великого строительства на двадцать лет вперед.

Что же остается империалистам, как не плакать в глянцевую жилетку какого-нибудь «Пари-матч»? Хныкать и утешать себя тем, что и другим тоже худо.

Сказав, что у каждого есть свой «Алжир», «Пари-матч» должен был как-то проиллюстрировать эту сентенцию и на примере СССР. Журнал признает, что наша страна «наращивает победы», но тут же пытается снизить их значение какими-то мифическими «провалами». Какими же? И вот черным по белому крупными буквами на лакированной бумаге отпечатано:

«...А советский мир... Введение карточек на хлеб в обществе, считающем себя примером для других, равносильно в политическом смысле самому тяжелому военному поражению».

Итак, если пороков нет, их надо выдумать. Итак, единственным изъяном в СССР является... мифическая карточная система на хлеб!

Грязные слезы, которые размазывает по своим страницам «Пари-матч» по поводу этой лжи,— слезы бессилия капитализма перед великими победами Советской страны.

Карточная система вводится тогда, когда в чем-нибудь ощущается нехватка. В «Пари-матч» давно стоило бы ввести карточки на правдивую информацию. Тем более, что и в предыдущем своем номере журнал сделал тоже поразительное открытие: в Москве, видите ли, есть станция метро, названная именем бывшего английского премьера Идена... Впрочем, вряд ли и карточная система поможет «Пари-матч»: трудно распределять то, чего нет.

Б. БЕКНАЗАР-ЮЗБАШЕВ,
обозреватель АПН.

колодца подземным ходом, он сегодня пробил дыру в стене и убедился, что воду брать можно. Тихонько набрал ведро воды и сам пил со своими саперами без всякой нормы. А потом Трибунин принес полное ведро в штаб отряда. Вода! Стучат кружки, чокаются, пьют. Комбат подал мне кружку холодной чистой воды и шепотом сказал:

— Пей, Сериков, это уже наша вода!

Мне казалось, что в жизни я никогда еще такого напитка не пил. К утру вода была в госпитале. Выдавали по 200 г. Сколько радости! Застучали, зазвенели котелки. Сегодня в запасе есть уже сто тридцать ведер. Это неслыханная ценность...»

На этом дневник обрывается... Закончился рассказ политрука. Предельно сжатый рассказ — последний отчет воина перед Родиной, коммуниста — перед партией. Погиб Сериков в начале июля, почти через два месяца после начала обороны. Но остались другие, и они продолжали сражаться.

Несгибаемые

Всякая смерть страшна, каждая потеря ощутима, но иногда она бьет в самое сердце. Так случилось в один из июльских дней. Ночью предприняли большую вылазку. Стремительной атакой фашисты были выброшены из села. Только к утру, когда из Керчи прибыли танки и свежие гитлеровские части, пришлось уйти обратно, в каменоломни.

Утром полковник Ягунов созвал в штаб офицеров для разбора ночной операции. Ожидая их, полковник присел у груды трофеев. Чего только тут не было: немецкие автоматы, гранаты с длинными ручками, рожки автоматных магазинов, массивные парабеллумы, аккуратные вальтеры. Внимание полковника привлекла граната, похожая на стакан с кольцом на боку. Он взял ее в руки. Кто-то из офицеров предупредил его:

— Осторожно, товарищ полковник. Она может быть на боевом вз...

Договорить он не успел: раздался взрыв.

Вечером, когда из каменоломен вышел газ, который гитлеровцы продолжали пускать, полковнику были отданы последние воинские почести. Гроб, срубленный саперными лопатками, поставили в штабе на большой камень. У изголовья, где стояли самые яркие светильники, застыл с автоматами почетный караул. Медленно проходили солдаты подземелья мимо гроба. Сжатые кулаки, стиснутые зубы, худые, изможденные лица с тревожными отсветами коптилок на землистых щеках...

Десятки рук несли этот грубо сколоченный гроб до одной из штолен близ центрального входа. Глухо раскололи настороженную тишину залпы.

После гибели Ягунова командование обороной принял подполковник Бурмин. Не многое известно о нем, но и скупые сведения, взятые из личного дела офицера, свидетельствуют о том, что защита подземной крепости была вверена в надежные руки. Григорий Михайлович Бурмин уже в 1918 году добровольно вступил в ряды Красной Армии, был бойцом-пулеметчиком, воевал на Южном фронте, громил банды Антонова. Потом годы учебы. В 1928 году выпускник Тверского кавалерийского училища Бурмин вступает в ряды партии, а через десять лет майор Бурмин за выполнение ответственного задания награждается орденом Красного Знамени. В 1939 году Бурмин командует отдельным танковым батальоном, войну он встречает командиром танкового полка.

Таков был новый начальник подземной крепости.

...Осколками гранаты, от взрыва которой погиб полковник Ягунов, ранило майора Панова, лейтенанта Ефремова, раздробило ногу капитану Левицкому. У Левицкого началась гангрена. Нужна была срочная ампутация, но в госпитале нет наркоза. Что делать? Еще одна смерть? Людей и так осталось мало, да к тому же смерть от раны, когда человека можно спасти,— это нелепо, страшно! Нужно делать операцию... Делать без наркоза.

Разговор комиссара с Левицким длился всего несколько минут: «Так надо... Для всех!..»

Выпив два стакана самогона (его применяли в госпитале вместо спирта), выкурив большую козью ножку крепкой махорки, капитан Левицкий впал в забытье. Операция длилась 20 минут. Результата ждали все.

Операция прошла благополучно, капитан остался жив. Через три недели он ходил на протезе, который смастерил для него кто-то из умельцев-саперов.

В грохоте обвалов, в удушье газовых атак, в ярости жарких схваток с врагом шли дни за днями. Таяли силы подземного гарнизона, уже не сотни, а только десятки бойцов могли держать оружие в руках. Совсем мало осталось боеприпасов. И тогда подполковник Бурмин и старший батальонный комиссар Парахин решили с боем вырваться из каменоломен, пробиться в Старокрымские леса, где, кажется, действовали партизаны. Пробиться или погибнуть в бою!

Это был отчаянный, яростный бой горсточки измученных людей, последний бой подземного гарнизона. Никто не прорвался. Большинство погибло. Остальные, израненные, попали в плен. В их числе были комиссар Парахин, подполковник Бурмин. Их держали в специальной тюрьме в Симферополе. Там был замучен Иван Павлович Парахин — фашисты уничтожали всех комиссаров: таков был приказ Гитлера. Многие погибли в плену, среди них подполковник Бурмин. Судьба остальных пока неизвестна.

Герои, кто они!

Их много, очень много людей, затерявшихся в огне войны. 20 лет назад они ушли из дому и не вернулись. Никто не знает, что с ними. В военных архивах, в списках частей, где они служили, против их фамилий стоят три коротких слова: «Пропал без вести». Три слова, вмещающие все: смерть, неизвестность и надежду. Их ждут. Ждут последней вести о них. И нередко последняя весточка приходит, чтобы Родина узнала имена новых своих героев. С полным правом могут гордиться своими отцами дети полковника Ягунова и майора Панова, подполковника Бурмина и комиссара Парахина, полковника Верушкина и старшего лейтенанта Белова, лейтенанта Ефремова и старшего лейтенанта Бармета.

Но можно ли забыть о том, что на каждого известного защитника Аджимушкая приходятся сотни пока еще безвестных героев! Наш долг, долг живых,— рассказать о них, вынести из мрака подземелья их имена. Где-то живут и, может быть, ждут сына и мужа родные политрука Александра Серикова (по некоторым другим источникам, фамилия его Сариков или Селихов). Где они, мы не знаем, пусть же откликнутся. Известно, что начальником штаба обороны был старший лейтенант Павел Сидоров из Смоленской области. Больше ничего узнать о нем не удалось. Потерялись следы капитана Левицкого, которому ампутировали ногу без наркоза. Ничего почти не известно о врачах подземного госпиталя. Ни одной фамилии. А они совершили не меньший подвиг, чем другие герои подземелья. Сегодня мы знаем, что начальником продовольственной части в каменоломнях был лейтенант Желтовский, кажется, из города Одессы.

Предстоят еще большие поиски, прежде чем мы узнаем имена всех защитников Аджимушкая.

Живут где-то люди, знающие о капитанах Качурине и Каурасе, пулеметчике Ковалеве из Геоктепенского пограничного отряда, который погиб в боях под каменоломнями, о политруке Падалкине, о поэте-воине Викторе Соловьеве. Это были замечательные люди, до последнего дыхания верившие в победу. В дневнике политрука Серикова есть одна короткая запись. Ее нельзя читать без волнения:

«...Целый день закапывали боевых товарищей. За кровь наших золотых людей фашисты жестоко поплатятся. В кармане рядового бойца Степана Титовича Чебененко нашел записку: «К большевикам и ко всем народам СССР. Я не большой важности человек, я только коммунист-большевик и гражданин Советского Союза. И если я умер, так пусть помнят и никогда не забывают наши дети, братья и сестры, что эта смерть была борьбой за коммунизм, за дело рабочих и крестьян... Война жестока и еще не окончилась. А все-таки мы победим!!»

О многом могли бы рассказать нам каменоломни, но они молчат. И все же иногда мрак неизвестности отступает. Совсем недавно ученик одной из керченских школ Вася Квитко вынес из каменоломен ценную находку. Она задала нам еще одну загадку. Трудно сказать, что заставило мальчика взять отсыревший солдатский ботинок, валявшийся в одном из завалов, что заставило его отогнуть стельку. Под ней лежал листок бумаги. При свете фонаря паренек прочел:

«Список личного состава второго взвода по отделениям на 16.6.42 года».

Ниже шли фамилии. Приводим этот список полностью, потому что за каждой фамилией стоит человеческая жизнь, которая, может быть, не пошла дальше каменоломен. Но может случиться и так, что кто-нибудь из воинов, чьи фамилии упомянуты в списке, остался жив, эти строчки попадутся ему на глаза, и он расскажет о своих товарищах.

Всего в списке 29 фамилий. Больше нет ничего: ни имени, ни отчества, ни года и места рождения воинов — одни фамилии. Это лейтенанты Резников, Баранов, Попов, Карпенко, Зиненко, Яворский, Дидык, Шамардин, Николатов, Шуйский; младшие лейтенанты Костомаров и Филиппов; младший политрук Мелешко; воентехник второго ранга Росман; старший сержант Сальников; сержанты Витязев, Шевченко, Гондарев, Ермаков, Азаров; рядовые Сикирин, Сорокин, Козырец, Лещев, Сосин, Шпилевой, Романов, Прокопченко, Миркин.

Время донесло до нас этот список, может быть, спрятанный под стельку солдатского ботинка в момент смертельной опасности. Теперь дело за живыми. Пусть они найдут ключ к этой тайне. Пусть продолжат бессмертную историю героев Аджимушкая.

Полковник П. М. Ягунов.

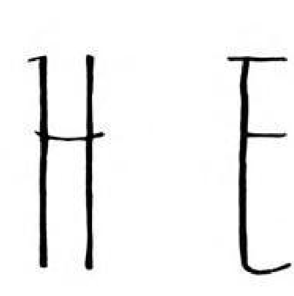

Подполковник Г. М. Бурмин.

Старший батальонный комиссар И. П. Парахин.

Артур МИЛЛЕР

Рисунки В. Горяева.

Глава восьмая

В наступающей темноте ярче сияют неоновые огни, а горные вершины еще озарены синеватым отблеском уходящего дня. Автомобили плотной стеной выстроились перед барами; у одного из них продавлен фасад; в штукатурке зияет дыра. Толпа поредела и движется, как на гулянье. Набившись в легковые машины и грузовики, разъезжаются семьи. Ковбои небольшими группами слоняются из бара в бар; в каждой такой группе — своя девушка. Не ведомые никому беседы ведутся в машинах, за бортом грузовика, в любом темном углу; иногда из ровного гула вырываются возгласы, крики, проклятия, а то и взрыв смеха, и вот уже собеседники снова отправляются в бар.

На переднем сиденье машины — Розалин, она уткнулась головой в согнутую руку. Лицо ее заплакано, она еще не успокоилась и продолжает всхлипывать.

Гай окликает ее через окно кабины. У него виноватый вид: он знает, что она им недовольна.

— Пойдем, золотко, пропустим стаканчик.

Обида на ее лице заставляет его открыть дверцу и сесть с ней рядом.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 31—34.

Розалин. Он все еще не пришел в себя?

Гай. Возможно, хотя по его виду этого не скажешь.

Он поворачивается назад, она смотрит туда же.

У машины стоит Пирс — голова его чудовищно раздута от наложенных на нее бинтов — и ожесточенно спорит с судьей родео. Между ними, сонно моргая, маячит Гвидо.

Гай. Он спорит с судьей о том, кто победил. Ты на меня все еще злишься?

При виде живого Пирса она с облегчением вздыхает.

— Почему ты меня ударил? — спрашивает она Гая.

— Я тебя не ударил. Ты стояла на дороге и мешала мне его нести, вот и все.

— У тебя было совсем другое лицо.— Она внимательно его разглядывает, в глазах у нее вопрос.— Ты выглядел так, будто... готов был меня убить. Я... я видела такие лица.

— Да брось ты, золотко. Я немного вышел из себя, ты путалась у меня под ногами. Давай-ка лучше выпьем! Пошли!

Розалин, глядя через плечо на Пирса:

— Он до сих пор не был у врача?

Гай нетерпеливо поворачивается к ней спиной.

— А что, если у него сотрясение мозга? Ничего не понимаю,— человек может умереть, а все стоят сложа руки. Неужели тебе все равно?

Гай откидывается на сиденье.

— Ради этого молодчика,— говорит он с раздражением,— я бросился под ноги бешеному быку. Так чего зря языком трепать? Мне чертовски повезло, что я сам остался цел, неужели это не понятно?

— Да. Правда.— С внезапным порывом она берет его руку, целует ее и прижимает к своей щеке.— Правда! — Она целует его.— Ты хороший, ты добрый...

Гай обнимает ее; он хочет, чтобы она его поняла:

— Розалин, голубка...

— Это было как во сне — кричишь, а ничего не слышно, и все мельтешат кругом и приговаривают: «Здравствуйте, как поживаете, сегодня хорошая погода». Все прекрасно... а ты умираешь! — Она с трудом берет себя в руки и улыбается.— Ты ведь его пожалел, правда?

Гай пожимает плечами.

— Да я просто подумал, что смогу его вытащить. Ну и вытащил.

Розалин, силясь понять и его и себя:

— Но если бы он погиб... ты чувствовал бы себя ужасно, правда? Я хочу сказать, если бы он погиб просто так, зазря?

— Детка... все мы рано или поздно должны умереть, зря или не зря. Умереть так же естественно, как жить; и я убедился, что человек, который боится умереть, боится и жить. И нечего тут огород городить, понятно? Так мне кажется.

В машину просовывает голову Пирс. Нос у него заклеен пластырем, повязка, как тюрбан, торчит на голове. Он еще не успокоился после всего пережитого. С другой стороны просовывается голова Гвидо.

Пирс. Эй, Розалин! Видала?

— Ах, Пирс, ты был просто чудо! Садись, мы отвезем тебя в...

— Ну нет, теперь в самый раз повеселиться!

Гай. Конечно, пошли!

Розалин, поколебавшись, сдается:

— Ну ладно. Как ты себя чувствуешь?

— Словно попался быку на рога.

Гвидо открывает ей дверцу. Гай вылезает с той стороны, где стоит Пирс. Выходя из машины, Розалин тихонько спрашивает Гвидо:

— Он в самом деле ничего себе не повредил?

— Недели через две он об этом и не вспомнит, да и о тебе тоже. Ты бы лучше приберегла свои чувства для других.

— Для кого же? — парирует Розалин, смягчая ответ ласковым смехом.

Она проходит, Гвидо следует за ней. У входа в бар к ним присоединяются Гай и Пирс.

Пирс. Вперед!

Гай в качестве признанного кавалера берет ее под руку; по другую сторону идет Пирс; рука его тянется обнять ее, но он до нее не дотрагивается, признавая неоспоримые права Гая. За ними бредет Гвидо. Они входят в людный бар и садятся за столик.

Пирс лихорадочно возбужден. Садясь, он кричит бармену:

— Давай-ка нам виски! На восьмерых!

Он устраивается поудобнее на стуле, радуясь непонятно чему, словно совершил что-то важное, выполнил некий долг и тем самым завоевал себе почет. Он посмеивается и говорит теперь с Розалин без всякой робости:

— Ох, и забавно я себя сейчас чувствую! Может, мне укол какой сделали? Ну и ну! Знаешь, Розалин, у меня в глазах будто звезды сверкают.

Он берет ее руку. Гай, чья рука покоится на спинке ее стула, натянуто улыбается. Розалин похлопывает Пирса по руке, затем отни-

ПРИКАЯННЫЕ

мает свою. Пирс не замечает и снова берет ее руку.

— Никогда не видел таких красивых звезд. А ты, Гай, когда-нибудь видишь звезды? У проклятого быка был, верно, весь Млечный Путь в копыте!

Гай смеется. Гвидо, довольный, улыбается собственным мыслям. В душе Розалин тревога за Пирса борется с желанием отпраздновать свою радость, что он жив.

— Скажи-ка, это ты плакала в санитарной машине? Это была она, Гай?

— А кто же еще?

Пирс поднимается со стула и горячо пожимает ей руку.

— Ну, тогда спасибо тебе, Розалин. Большое спасибо.

Официант ставит перед каждым из них по два стакана виски, и Пирс высоко поднимает свой.

Пирс. Внимание! Пью за моего дружка, за старика Гая!

Розалин. Гай совсем не старик!

Пирс. И за старика Летчика! За его старый самолет, хотя красная цена ему в базарный день — пять долларов.— Все поднимают стаканы.— И за моего друга Розалин! Мы ведь здесь все друзья, правильно, Гай?

Гай улыбается: он не хочет, чтобы слова Пирса звучали слишком серьезно.

— Правильно.

Радиола разражается песенкой «Чарли, мой дружок».

Пирс. Так чего ж ты на меня злишься, дружище? Можно мне с ней потанцевать?

Гай. Конечно! Розалин, ты с ним не потанцуешь?

Розалин. Ладно.

Она встает и идет с Пирсом на площадку для танцев.

Гвидо. Эх, молодость! Позавидуешь, а, Гай?

Гай. Верно. Но, говорят, есть люди, которые год от году только молодеют.

Он с усмешкой смотрит на Гвидо, но тот поворачивается к танцующим; на лице у него ироническая гримаса. Пирс пляшет на деревенский лад, и Розалин старается к нему приспособиться. Танцуя со старомодной важностью, вытянувшись в струнку, он полушутя-полусерьезно предается воспоминаниям:

— Так танцевал мой отец.

Он вертит Розалин и сам кружится вокруг нее, но вдруг к горлу его подступает тошнота.

— В чем дело?

— У-ух!

Он шатается, она его подхватывает.

— Пойдем, полюбуемся на природу.

Он берет ее за руку и ведет к двери в глубине бара. Оглянувшись, Розалин видит, что Гай повернулся в ее сторону, и успевает помахать ему рукой, пока Пирс увлекает ее в дверь.

Они выходят во двор. Кругом мусор, гора пустых бутылок, банок из-под пива, картонных коробок, но уже в нескольких шагах раскинулась озаренная луною степь. Пирс смотрит на небо, потом поворачивается к ней. Он молча садится и притягивает ее за руку; они сидят рядом на рваном сиденье брошенной машины без колес. Он робко ей улыбается.

— Никто еще из-за меня не плакал. Во всяком случае, очень давно.— Задыхаясь от невысказанных слов, томясь желанием полюбить и быть любимым, он держит ее за руку.— Гай — мировой парень, правда?

— Да.

— Мне хочется прилечь. Можно?

— Конечно.

Он ложится, кладет голову ей на колени и вдруг прикрывает рукой глаза.

— Ах, будь он трижды проклят, этот бык!

Она гладит его по лбу. Он открывает глаза.

— Отдохни. Не надо разговаривать.

— Никак тебя не пойму. Ты что, девушка Гая? И почему тебя носит с места на место?

— Я и сама не знаю, где мое место.

— Да ну? Я тоже. А почему у тебя глаза такие доверчивые?

— Неужели?

— Как у новорожденного младенца.

— Ну уж, нет!

— Мне противно смотреть, как они тиранят здесь женщин. Хотя многим из них это даже нравится, а?

— Далеко не всем.

— Ты в самом деле из-за меня плакала?

— Так ведь тебе же было больно, а я...— Он в недоумении качает головой, и она смолкает.— Неужели никто никогда тебя не жалел?

— Чужие — нет. В прошлом году двенадцатого апреля мне так досталось, что я провалялся без памяти весь день и всю ночь. Со мной была девчонка да два моих добрых дружка. С тех пор я их всех и в глаза не видел.

— Они тебя бросили?

— Послушай... Я хочу тебя спросить... ведь не с каждым поговоришь по душам...— Она ждет.— Не пойму, что мне делать.

— То есть?

— Видишь ли, я до нынешнего года никогда не бродяжничал. Я не такой, как Гай или Летчик, у меня есть дом. Был по крайней мере. И вот как-то раз мой старик... мы пошли на охоту — и вдруг: «Бум!» И он падает. Какие-то идиоты-охотники его кокнули.

— Убили?

— Угу. И вот... с тех пор она стала совсем другая.

— Кто?

— Мать. А ведь была женщина гордая... ходила рядом с ним, как святая. Но тут зачастил к ней этот человек, и она... изменилась. Не прошло и трех месяцев, как они поженились. Ладно, бог с ними, но я ей говорю: «Мама, ты бы все-таки взяла бумагу у мистера Брекета, я ведь старший в доме, и папа хотел, чтобы ферма досталась мне». Куда там! Сыграли свадьбу, и в тот же вечер он как ни в чем не бывало предлагает мне у него батрачить. На ферме моего родного отца!

— А что говорит она?

Качая головой в безысходном отчаянии, он отвечает с оттенком какого-то мистического ужаса:

— Не знаю, она меня просто *не слышит*. Она стала совсем, совсем другая. Понимаешь? Словно она меня даже не помнит.— Розалин кивает, уставившись в темноту.— На что тогда, черт возьми, вообще можно положиться? Ты знаешь?

— Нет. Не знаю. Может быть...— Она смотрит вдаль, словно видит там свою собственную жизнь.— Может, просто не надо далеко заглядывать? Лови минуту, а о том, что тебе обещали, лучше и не вспоминай.

— Моим обещаниям ты можешь верить. Я тебя, кажется, люблю.

— Ты меня даже не знаешь.

— Все равно.— Он поднимает к ней лицо, но глаза его вдруг расширяются от боли, и он хватается за голову: — Проклятый бык!

Внезапно дверь бара распахивается, и на них падает сноп света. Нетвердой походкой во двор выходит Гай, он щурится от обступившей его темноты.

— Розалин! — зовет он.

— Мы здесь.— Розалин и Пирс поднимаются.

Гай подходит к ним.

— Идем, идем,— говорит он, подталкивая их к двери.— Я хочу познакомить вас со своими ребятами.

— Твои дети здесь?

— Приехали на родео. Целый год их не видел. Ты бы посмотрела, как они мне обрадовались! Чуть с ног не сбили.— Они входят в дверь и идут по небольшому коридору.— Дочке скоро девятнадцать. И какая хорошенькая! Так случилось, что и они приехали на родео, оба. Здорово, а?

— Я так рада за тебя, Гай! — Они входят в бар.

Гай тянет за руку Розалин, она, в свою очередь, держит за руку Пирса; так они подходят к стойке, у которой теснятся люди и пошатывается в пьяном дурмане Гвидо. Воздух насыщен табачным дымом и звуками джаза. Пирс моргает, ему еще трудно смотреть. Разговаривая с Гаем, Розалин не перестает на него поглядывать.

Гай первым подходит к Гвидо.

— Где они?

— Кто? — медленно поворачивается к нему Гвидо.

— Мои ребята! Я же им сказал, что сейчас вернусь. Ты слышал, как я им сказал.

— Ушли вон туда.— Гвидо указывает на дверь, ведущую на улицу, потом испытующе смотрит на Розалин и Пирса.

Гай обижен и сердит. Он протискивается к двери и выходит на улицу. Он оглядывает стоящие кругом машины, гуляющих, вооруженных блюстителей порядка и кричит во всю глотку:

— Гайлорд!.. Гайлорд!..

Из бара выходит Розалин, поддерживая Пирса. С ними Гвидо — он не расстается с бутылкой. Все они стоят и смотрят на Гая, Пирс, правда, тут же прижимается щекой к крылу ближайшей машины, обняв его рукой.

— Роз-Мэй! Гайлорд! Гайло-о-орд!

Гвидо подходит к Гаю, в его голове туман, но он все же хочет дать какой-то совет. Розалин все еще поддерживает Пирса.

— Гайлорд! Вот твой отец! — вопит Гвидо и, пошатываясь, тычет пальцем в Гая.

Вокруг них начинают собираться люди: одни — из любопытства, другие — чтобы посмеяться, есть тут и пьяные. Розалин остается возле Пирса, за спиной у Гая и Гвидо; она смотрит на Гая, и на глаза у нее навертываются слезы.

— Гайлорд, куда ты девался? Я же сказал, что сейчас вернусь! Иди скорей сюда!

К Гаю подходит пожилая женщина, судя по одежде, жена фермера.

— А вы не волнуйтесь; наверно, они уже дома.

Гай смотрит на нее: в ее сочувственной улыбке столько покоя и благодушия. Отвернувшись, он карабкается на крышу соседней машины: он пьян и расстроен. С этого возвышения Гай оглядывает кишащую людьми улицу. Снизу на него смотрят Розалин и Гвидо; отсюда он кажется вдвое выше своего роста. Кругом толкутся пьяные, позади лихорадочно мигает световая вывеска бара, блюстители порядка невозмутимо смотрят на него, какофония джаза терзает ему уши. Шляпа у него сбилась набекрень, в глазах растерянность, он одержим только одним желанием. Он вопит:

— Гайлорд! Я *ведь знаю, ты меня слышишь!*

Вокруг машины собралась большая толпа — море чужих лиц. Гай барабанит кулаком по крыше машины.

— Я знаю, ты меня слышишь! Роз-Мэй, сейчас же иди сюда! — И вдруг, поскользнувшись, он валится на землю навзничь. Розалин с криком бросается к нему, толпа грохочет от смеха; Розалин приподнимает его голову и целует.

— Я уверена, Гай, они тебя ищут. Они ре-

шили, что ты уехал.— Он молчит.— Ах, бедный Гай, бедный Гай!

Она держит его голову в своих объятиях и баюкает его, примостившись рядом на обочине.

Глава девятая

Машина летит по ночному шоссе. За рулем сидит Гвидо, рядом с ним спит собака. На заднем сиденье Розалин поддерживает одной рукой забывшегося тяжким сном Пирса, его ноги торчат из окна; другой рукой она обнимает Гая, он спит у нее на груди. Глаза ее закрыты.

Вдруг машина запрыгала по кочкам, и Гвидо пытается повернуть ее обратно на шоссе. На миг в лучах фар мелькает человеческая фигура,— она стремительно скатывается с обочины. Машина возвращается на шоссе. Из придорожной пыли поднимается человек, отряхивается, подбирает узелок и невозмутимо продолжает свой путь. Это все тот же индеец.

Они снова катят по ровной дороге, и Розалин открыла глаза. Она пьяна, очень устала и как-то особенно остро чувствует свою никчемность. На лице у Гвидо, сидящего за рулем, какая-то бессмысленная радость. Розалин тихонько бубнит, как во сне:

— А ты едешь не слишком быстро, а? Пожалуйста...

— Не беспокойся, детка, своих я не убиваю.

Стрелка спидометра ползет к восьмидесяти.

— Один тип разбился с моей лучшей подружкой. От нее остались только перчатки. Ну, пожалуйста, Гвидо. Она была красавица, с черными, как смоль, волосами...

— Скажи мне хоть слово, Розалин.

— Ау, Гвидо! Ну, пожалуйста, а?..

Глаза его кажутся стеклянными, они до странности спокойны; точно в глубине души он чему-то очень рад.

— Все мы бросаем бомбы вслепую, убиваем людей, которых никогда не видели. Я бомбил девять городов. Верно, оставил там одни черепки, а я всего этого и в глаза не видел. А сколько пустил в воздух одних щенят, детских колясок, поразбивал очков... Эх! Знаешь, бросить бомбу — все равно, что соврать: потом наступает такая тишина... Скоро ты ничего уже не слышишь, ничего не видишь. Даже жену. А вот, понимаешь, тебя я в и ж у. Ты первая женщина, которую я в и ж у.

— Пожалуйста, Гвидо, не убивай нас...

— А как вообще узнать человека, детка? Вот никак не могу совершить посадку. И в рай грехи не пускают. Помоги мне. Никогда в жизни еще не просил: помоги. Я ведь ни одной души на свете не знаю. Погоди, не отталкивай меня сразу. Скажи: да. Или хоть слово...

Она слышит, как грозно бьется ветер в ветровое стекло.

— Да. Ау, Гвидо.

Стрелка спидометра, поднявшаяся было за девяносто, начинает падать.

— Ау, Розалин.

Лучи фар упираются в темный, недостроенный дом, освещая незаконченную наружную стену, разбросанные кругом доски и строительные материалы. Мотор выключен, но фары продолжают гореть.

В машине никто не шевелится. Измученный Гвидо безмолвно уставился на свой дом. Рядом с ним спит собака. Наконец он открывает дверцу и с трудом выбирается наружу. Открывает заднюю дверцу и заглядывает в машину, мутными глазами.

Откинувшись на спинку сиденья, крепко спит Розалин. Спит и Пирс, положив голову ей на колени и свесив ноги в окно. Гай свалился на пол. Гвидо жадно смотрит на Розалин, ему до слез себя жалко; он смотрит на Пирса, на Гая. Какая несносная помеха! Отступив от машины, пропадает в темноте.

Громкий стук молотка — Розалин открывает глаза. Гай приподнимается.

— Ладно, ладно, сейчас сяду за руль,— говорит он.

— Мы приехали, Гай.

— Куда?

При свете фар Розалин видит в ветровом стекле что-то непонятное: озадаченная, она осторожно снимает с колен голову Пирса, выходит из машины и, пошатываясь, направляется к дому. Она идет в луче фары, удары молотка раздаются совсем рядом. На лице у нее удивление и страх.

Гвидо, едва стоя на ногах, приколачивает доску к незаконченной стене дома. Доска прибита криво, но он с удовлетворением похлопывает по ней рукой, подходит к штабелю и берет другую, чуть не падает, но ухитряется прислонить ее к стене, прилаживая рядом с первой. Он орудует молотком, как во сне, словно преследуя какую-то постоянно ускользающую цель, а на душе у него радостно и горько, как бывает всегда, когда сбрасываешь путы привычной логики.

Розалин подходит к нему, но не решается его потревожить.

— Простите меня, Гвидо. Слышите, Гвидо? Простите меня.— Он молча колотит молотком.— Ведь вы же стукнете себя по руке, сейчас так темно. Совсем темно, вы только посмотрите, как темно.— Он продолжает стучать. Отвернувшись от него и широко раскинув руки, она смотрит в небо.— Поглядите, какая темь.— У нее вырывается рыдание.— Ну, пожалуйста! Пожалуйста, перестаньте!

Совсем рядом слышится окрик Гая:

— Какого дьявола ты топчешь цветы!

Розалин поворачивается к Гаю — тот подошел к Гвидо, схватил его за плечи и пригнул к земле.

— Ты загубил все гелиотропы!

Присев на корточки, Гай пытается выпрямить сломанные цветы. Гвидо тупо на него смотрит, не выпуская из рук молотка.

Г а й. Ты только погляди! Смотри сюда! — Он протягивает Гвидо сломанный стебель.— На черта они сейчас годятся!

Р о з а л и н. Он хотел достроить дом.

— А какое е м у дело до этого дома? — угрожающе спрашивает Гай и нетвердо поднимается на ноги.

Р о з а л и н. Не надо! Не надо! Прошу тебя, Гай. Он... он только хочет сказать нам «добро пожаловать». Что же в этом плохого — говорить людям «добро пожаловать»?

Откуда-то сзади доносится сердитый возглас Пирса:

— Кто это со мной сделал?

Они видят, как Пирс, пошатываясь, появляется в свете фар, пытаясь освободить голову и руки от размотавшихся бинтов, которые опутали его всего. Он бьется, словно муха в паутине, вертится волчком, чтобы найти выход.

— Кто это со мной сделал?

К нему спешит Розалин.

— Не надо! Не надо снимать! — Она пытается высвободить его руки.

— Сними! Что это на мне?

— Не дергай! Это повязка.

Он опускает руки и разглядывает бинты, точно видит их впервые.

— Какая повязка?

Несмотря на тревогу, Розалин не может удержаться от смеха. В нескольких шагах от них негромко, но безудержно хохочет Гвидо, глаза у него совсем стеклянные. Постепенно их смех заражает и Гая. Борясь с припадком смеха, Розалин пробует снова намотать повязку на голову Пирса.

— У тебя перевязана голова.

П и р с. Голова?..— Подняв руки и нащупав повязку, он растерянно замолкает.— Это было на мне всю ночь? — Он свирепо смотрит на Гвидо и Гая, которые хохочут теперь во все горло, и набрасывается на них: — Кто это на меня намотал? — Он пытается сорвать с головы повязку.

Розалин хватает его за руки.

— Санитар. Не снимай.

Но Пирс все разматывает и разматывает повязку.

— И вы всю ночь продержали меня таким пугалом? Я спрашиваю, кто это сделал? Гай, ты?

Бросается на Гая, наступает на доску, и на него с грохотом обрушивается весь штабель. Гвидо и Гай катаются по земле со смеху.

Смеясь и плача, Розалин силится вытащить Пирса из-под досок.

— Поднимите его! Поди сюда, Гай! Гвидо! Тащите! Ну, пожалуйста. Сам ведь он не поднимется.

Мужчины приходят на помощь; все еще покатываясь со смеху, они чуть не на руках тащат Пирса к двери дома. Розалин входит первая.

Повиснув на руках у друзей, Пирс продолжает допытываться:

— Кто это со мной сделал? Зачем вы держали меня всю ночь таким пугалом? — Розалин и Гвидо втаскивают его в дверь.— Где я? Оставьте меня в покое. Куда я попал?

Его кладут на кушетку, а Гвидо растягивается в своем любимом кресле, с трудом переводя дух.

Р о з а л и н. Мы у меня дома... или у Гвидо.— Смеется.— Чей бы он ни был, это дом.

Пирс закрывает глаза. Внезапно дом погружается в тишину. Розалин укрывает Пирса индейским одеялом, но он начинает отбиваться.

— Нет, не надо, мама, не надо! — Он поворачивается лицом к стенке.

Теперь Розалин видит Гая — он сидит за дверью на ступеньке. Она подходит к нему и откидывает у него со лба волосы; он берет ее за руку. Лицо у него удивительно сосредоточенное, и в то же время оно откровенно выражает мольбу.

— Жаль, что ты не познакомилась с Гайлордом и Роз-Мэй. Будь у меня сейчас ребенок, уж я бы знал, как с ним обращаться и что делать. Тех детей я сам потерял. Я ведь ничего не смыслил.

— Ну что ты, конечно, они тебя любят! А теперь иди спать.

Он вцепился в ее руку, не давая ей отойти.

— А ты бы хотела когда-нибудь ребенка... От меня?

Она поглаживает его руку и отворачивается.

— Дай мне выключить фары,— говорит она. Он с трудом поднимается на ноги.— Тебе бы надо поспать.

— Не хочу я спать! — Пошатываясь, он продолжает:— Я задал тебе вопрос. Кто тебя просил выключать фары? Отчего ты все время убегаешь? — Широким жестом, едва не теряя равновесия, он обводит окна и двери: — Даже для жены я никогда не мыл окон. Не красил камина! Не сажал этих проклятых гелиотропов! — Он вдруг подходит к порогу и кричит прямо в притихший дом: — Что они все тут делают? Для чего ты их сюда притащила?

— Это не я... Это они...

— Где ты и с кем? Я не знаю, где ты и с кем.

Она обнимает его, стараясь не обидеть и все же сказать правду.

— Я здесь, Гай. Я с тобой. Только... а вдруг ты когда-нибудь возьмешь да разлюбишь меня? Тогда, когда вы несли Пирса, ты так на меня посмотрел... Я знаю этот взгляд, Гай, и я испугалась. Ведь я никогда не могла бы жить с чужим для меня человеком.

— Золотко, ну, я немножечко разозлился. Это вовсе не значит, что я тебя не люблю. Разве отец, бывало, тебя не шлепал, а потом возьмет на руки, расцелует...— Она молчит.— Что, разве нет?

— Для этого он слишком мало с нами бывал. А если шлепает чужой, след остается на всю жизнь.— Она вдруг прижимается к нему, и он ее обнимает. — Люби меня, Гай! Люби меня!

Он берет ее за подбородок и целует. Она улыбается.

Розалин. Значит, мы помирились, да?

Гай. Ладно уж, ладно! — Он тихонько смеется и покрепче прижимает ее к себе.

— А теперь поспи... ты устал. Поспи, дорогой.

— Завтра я покажу тебе, что я могу. Ты увидишь, что такое настоящая жизнь.— Она кивает в знак согласия, тихонько подталкивая его к двери. Он исчезает в темноте дома, продолжая говорить:—Мы бы как-нибудь устроились. Я бы хозяйничал на ферме. Или, может, разводил скот. Я на все руки мастер, ты таких и не встречала. Сама увидишь, когда доберемся до гор. Не многие тут могут потягаться со старым Гаем. Вот увидишь...

Скрип кровати, потом тишина... Она неуверенно идет к машине, просовывает руку в окно, поворачивает выключатель. Фары гаснут. Она стоит очень прямо, глядя вверх на равнодушную луну; какая-то беспредельная печаль пронизывает это затерянное в огромном мире существо, эту женщину, которую жизнь обрекла на одиночество. У нее вырывается негромкий крик:

— Помогите!

Она долго стоит, глядя на небо, а тревожные облака над ней то и дело заволакивают звезды и уносятся в никуда.

Глава десятая

По степи стелется облачко пыли, его поднимает видавший виды, но все еще резвый грузовик Гая. В кузове — привязанная к кабине бочка бензина, из которой торчит ручной насос. Грузовик подпрыгивает по кочкам, заросшим степной полынью, временами под его колесами хрустят побелевшие кости животных, не вынесших зимних холодов.

Машину ведет Гай; рядом с ним Розалин держит на коленях собаку, которая положила морду ей на плечо. Третьим в кабине сидит Пирс, он поплевывает в окно. Нос у него еще заклеен пластырем. Все они щурятся от солнца. Машина несет их по кочкам в широко раскинувшуюся перед ними степь.

Розалин чувствует, как дрожит собака. Посмотрев на нее, она спрашивает Гая:

— Почему собака дрожит?

— Она всегда здесь дрожит.

Внезапно на крышу кабины пикирует самолет Гвидо; приветственно помахав им крыльями, он уносится над самой землей вперед, к горной цепи. В кабине раздаются возгласы удивления. Гай машет рукой из окна и прибавляет газ. На его лице, как и на лице Пирса, азарт, предвкушение охоты.

Ночная мгла окутывает горы; пурпурные отсветы заката сменяются сумеречной синевой. По небу рассыпаются первые брызги звезд. Таинственные громады гор словно ждут чего-то. У их подножия тлеет костер, он один оживляет недвижно застывшую землю.

Четверо сидят вокруг костра. Рядом стоит грузовик, а немного дальше привязан к кольям самолет; в сиянии луны и отблесках костра обе машины похожи на притаившиеся чудовища.

В беседе наступила пауза. Гвидо начинает о чем-то рассказывать, он не отрывает глаз от Розалин, которая сидит против него по другую сторону костра. Розалин убирает в дорожную корзину вымытые тарелки и внимательно слушает. Гай лениво перебирает шерсть собаки в поисках блох. Пирс жадно и почтительно ловит каждое слово Гвидо.

Гвидо смотрит на небо.

— Эта вот звезда так далека, что когда ее лучи дойдут до земли, там, наверху, ее может уже и не быть.— Он смотрит на Розалин.— Другими словами, мы видим только то, что когда-то было, и никогда не видим того, что есть сейчас.

Розалин. Как много ты знаешь, Летчик!

Пирс с восхищением качает головой.

Гвидо. Ну, про астрономию все написано в книжках. Возьми в библиотеке да читай, только и всего.

Розалин тоже поднимает голову к небу.

— А все-таки замечательно, когда так много знаешь!

— У тебя есть кое-что поважнее.

— Что?

Гвидо, взглянув на небо:

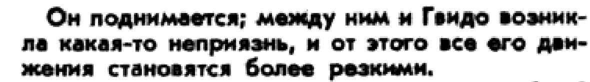
— Твоя глубочайшая связь с людьми, с жизнью. Ты словно с ними срослась. Что бы с кем ни случилось,— случается с тобой самой. Это — большое счастье.

Розалин (смеясь). Говорят, у меня просто нервы не в порядке.

— Не будь на свете людей, у которых нервы не в порядке, мы все еще пожирали бы друг друга.

Гай отряхивает руки, словно на них налипла какая-то грязь.

— Не знаю, как вам, людям образованным, а нам, неучам, пора на боковую.

Он поднимается; между ним и Гвидо возникла какая-то неприязнь, и от этого все его движения становятся более резкими.

Розалин. Почему все-таки дрожит собака?

Гай смотрит на собаку, потом переводит взгляд на горы.

— Наверно, почуяла лошадей. Они здесь где-то поблизости, Гвидо.

Розалин протягивает руку, чтоб погладить собаку. Та вдруг скалит зубы и чуть не хватает ее за руку. Розалин в испуге отпрянула.

Гай в бешенстве.

— Эй, ты, чертова дура! Ко мне! — кричит он собаке.

Она подползает к нему на брюхе, и он с размаху бьет ее.

Розалин. Не бей ее, это она просто так. Ее, наверное, когда-нибудь лягнула лошадь?

Гвидо. Она боится вовсе не лошадей.— Все на него смотрят. Он говорит сдержанно, как человек, убежденный в своей правоте.— Она боится нас.

Гай. Что ты там болтаешь? Я никогда с ней плохо не обращался.

Теперь Гай сердится не на шутку. Гвидо стоит на своем; тон у него вызывающий:

— А ты пораскинь мозгами, Гай. Собака была здесь не раз, она знает, что будет дальше. Там, наверху, пасутся дикие животные, которых завтра ждет смерть.

Розалин поражена, но мужчины уверены, что она знает, о чем идет речь, и Гвидо продолжает, как ни в чем не бывало:

— Почем ей знать, не пришел ли и ее черед? Животные-то ведь не так глупы, как люди.

Гай стелет у костра одеяло для Розалин.

— Вот, золотко, тут, у огня, тебе будет тепло и удобно.

Гвидо тоже занялся своей постелью. Но Пирс заметил выражение лица Розалин.

Теперь и Гай видит, что она не пошевельнулась, и на лице у нее непривычное выражение страха.

Наконец она обращается к нему:

— Вы их убиваете?

— Нет, нет, мы продаем их барышнику.

Розалин, чуть слышно, — она не верит своим ушам, хотя где-то в глубине души она этого ждала:

ЗАДУШЕВНАЯ ПЕСНЯ

Великая русская певица Надежда Андреевна Обухова олицетворяла собой красивую, задушевную и бессмертную русскую песню, непревзойденное оперное искусство нашей страны. Ее голос всегда был свеж и чист. Когда слышалось по радио ее пение, на улицах становилось тише, останавливались прохожие, кто-то восторженно произносил: «Тише. Обухова Надежда Андреевна поет!»

Совсем еще недавно Надежда Андреевна делилась со своими друзьями поистине грандиозными замыслами: она собирала материалы для монографии, готовилась написать воспоминания — рассказать о многогранном опыте певицы и актрисы. Она привлекала к участию в этих творческих исследованиях выдающихся знатоков советского театра и оперной сцены. По своему размаху и глубине изысканий эти планы — если бы они осуществились — стали бы своеобразной академией сценического искусства...

Уделяя столь много внимания оперной сцене, Надежда Андреевна очень дорожила своими тесными связями с народом. В больших ящиках хранились у нее тщательно уложенные письма воинов, полученные в дни Великой Отечественной войны. Она гордилась до слез этими посланиями, написанными подчас в окопах, под огнем, и хотела издать их в виде памятной книги.

Насколько высоко ценила и любила свой труд, самоотверженное творчество, новые поиски и достижения Надежда Андреевна, как она хотела бы возвеличить именно такой труд на благо любимой Родины, видно из ее слов, произнесенных недавно в беседе: «Да, я хотела бы, чтобы, вручая правительственные награды, давали награждаемым еще более ответственные творческие задания».

Прославленная артистка, Надежда Андреевна всю жизнь с гордостью называла себя тамбовчанкой.

Уезжая в прошлом месяце в Феодосию на отдых, Надежда Андреевна не переставала думать о Москве. Поздней осенью она хотела побывать у своих друзей — престарелых артистов. Очень любила она и театральную студенческую молодежь, и сама была для нее изумительным образцом трудолюбия в искусстве...

Умолкла задушевная песня Обуховой. Но звучать для нас она будет всегда.

П. ЧУМАК

— Он их убивает?

Гай совершенно спокойно, излагая факты:

— Этих лошадей называют собачьим мясом: из них делают корм для собак и кошек. Ты же знаешь, сама такой корм брала в лавке.

Ее пробирает дрожь. Он подходит к ней и хочет ласково взять за руку:

— Я думал, ты знаешь. Всякий...

Она тихонько отнимает у него руку, с недоумением глядит ему в лицо и отходит в темноту.

— ...кто же этого не знает,— неуверенно заканчивает он, колеблется, потом — отчасти, чтобы скрыть свое смущение перед Гвидо и Пирсом — скатывает ее постель. — Пожалуй, тебе лучше спать в машине. А то еще наползет какая-нибудь нечисть... — Он идет за ней в темноту.

Она стоит у грузовика, он бросает постель в кузов и раскатывает ее. Чуть дрожа, она смотрит прямо перед собой широко раскрытыми глазами. Он поворачивает ее к себе. Она медленно поднимает на него глаза. В ней борются два противоречивых представления о нем, и на лице у нее удивление и боль.

Гай. Теперь ложись спать. Ну-ка...

Он хочет поднять ее в кузов, но она робко его останавливает, достаточно робко, чтобы он понял, как она его сейчас боится. Она смотрит на него, будто никогда прежде не видела.

— Золотко, я же их просто ловлю. И продаю барышнику. Всю жизнь этим занимаюсь.

Она по-прежнему смотрит на него в упор.

— Не нужно на меня так смотреть, золотко. Теперь ты смотришь на меня, как чужая.

Угроза потерять ее надрывает ему сердце, и он крепко прижимает ее с приглушенным возгласом: «Золотко!» — А потом отстраняет, чтобы заглянуть ей в лицо.

Розалин. Я... я думала...

— Что?

— Я думала, они для верховой езды или для...

— Конечно, на них и ездили верхом, — мустанг считался лучшим рождественским подарком для ребят. Понимаешь, ведь это низкорослые лошадки, вот почему их так любили дети. Но, — продолжает он с легкой улыбкой, — теперь дети катаются на мотороллерах. Эти лошади когда-то шли и на племя: мустанги здорово улучшают породу. — Теперь Розалин прислушивается к его словам, она начинает понимать, что и он тоже в плену у обстоятельств, которые сильнее его.

— Когда я начинал, многих моих лошадок пускали на племя. Потомки мустангов тянули плуги по всему Дальнему Западу; поселенцы не знали бы, что и делать, если бы мы не ловили для них лошадей. А потом... потом, понимаешь, все кругом изменилось. Я-то занимаюсь тем же, чем и прежде. Все дело в том, что все... все кругом изменилось. В прежние времена никому бы в голову не пришло пускать лошадей на собачий корм. То, что я делал... это было хорошей работой, золотко, настоящей мужской работой, и я знаю в ней толк. Вот мне и хотелось, чтобы ты посмотрела, на что я способен. — Он улыбается. — Я ведь умею не только болтаться по дому да передвигать мебель с места на место.

— Но ведь теперь их убивают. — Он молчит, тщетно подыскивая ответ. — Ты... ты же знаешь, что это плохо! Что бы ты ни говорил, ты сам это знаешь.

В нем заговорила совесть, и он старается свалить вину на других:

— Золотко, если не я, все равно другие будут это делать. Здесь полно охотников за мустангами.

— Какое мне дело до других!

— Но ты же ела сегодня мясо за ужином? А ты...

Розалин затыкает уши.

— Все равно!

— Ты же покупала мясо для моей собаки? Как, по-твоему, что было в этих жестянках?

— Я не хочу слушать!

— Золотко, для того, чтобы одни жили на земле, другие должны умереть.

— Замолчи!

Она взбирается на грузовик, залезает под одеяло, поворачивается на бок и закрывает глаза руками. Гай медлит в нерешительности, потом, в свою очередь, прыгает в кузов и садится рядом с Розалин. Он знает, что она уже почти для него потеряна, и только ее отчаяние говорит ему, что ей нелегко будет с ним расстаться. Наконец он опять заговаривает, хотя лицо ее по-прежнему от него закрыто.

— Розалин, мы с тобой никогда друг друга не обманывали. Говорю тебе, я не хочу тебя терять. Но ты должна немножко пойти мне навстречу. Ведь я никак в толк не возьму: неужели это действительно так плохо? Ведь я знаю, везде и повсюду приходится гнуть спину за жалованье, а здесь, наверху, я сам себе хозяин. Разве ты не за это меня полюбила?

Молчание становится еще более тягостным.

— Я полюбила тебя за то, что ты добрый.

— Но я ведь не изменился.

— Нет, изменился. Это меняет все.

— Золотко, и добрые люди убивают.

— Нет, не убивают!

— Ну, даже если это плохо, может, тебе следует помириться с ложкой дегтя ради бочки меда, иначе тебе придется метаться, как неприкаянной, всю жизнь.

Она вдруг открывает лицо и смотрит на него полными слез глазами.

— А ради чего я перестану метаться? Ради тебя? Ты такой же, как все!

Она плачет от горького разочарования, закрыв лицо руками. Помедлив, он кладет ей руку на плечо.

— Да. Может, мы все друг друга стоим. И ты тоже. — Она открывает лицо и негодующе приподнимается на локтях. Голос у него опять спокойный: — Мы беремся за что-нибудь, никому не желая зла, беремся за то, к чему у нас душа лежит. А потом это каким-то образом превращается во что-то дурное. Например, танцы в кабаре. Ты ведь взялась за это просто потому, что любила танцевать, правда? А мало-помалу выясняется, что людям наплевать, как ты танцуешь, — они глазеют на тебя, и на уме у них совсем другое. И вот все отравлено, верно? — Прошлое оживает в ее памяти. Гнев проходит, она откидывается на подушку. — Я бы тоже мог смотреть на тебя сверху вниз: подумаешь, девчонка, выставляет себя на показ в кабаре — столько-то долларов за вечер! Но я тебя уважаю. Потому что вижу разницу.

Она ловит его взгляд, но он смотрит на темные вершины гор.

— А вот тут... Тут танцую я, Розалин. Не моя вина, если они превратили мое занятие в какую-то пакость... ведь я в этом мире не командую, и ты тоже. Я охочусь на лошадей, чтобы сохранить свободу. Вот и все.

Розалин. Ты... ты меня уважаешь? — Он наклоняется и целует ее в губы. — Ты не шутишь? Ах, Гай!

Они молча сидят, прижавшись друг к другу. Он встает. В глазах его еще не улеглась тревога; он наклоняется к ней и снова целует ее в губы, а она прижимает его к себе.

Гай выпрямляется и пальцами легонько прикрывает ей веки. Он уходит от нее к догорающему костру, садится на свое одеяло, снимает башмаки. Рядом лежат Пирс и Гвидо. Собака подходит, растягивается рядом с Гаем, и он говорит ей сквозь зубы: «Постыдилась бы, дура», — и залезает под одеяло.

Гвидо поворачивается к нему.

— Хочешь, утром я отвезу ее на самолете домой?

Гай смотрит на Гвидо с инстинктивным, пока еще не осознанным подозрением.

Гвидо. Я и то удивлялся, как она согласилась сюда приехать.

Пирс бросает в огонь сигарету.

— А она во многом права. Если подумать, нечего нам руки марать из-за каких-то пятнадцати лошадей.

Гай вздыхает.

— Ничего, не волнуйтесь. Она успокоится.

Он поворачивается на бок. Рядом с ним, положив голову на лапы, лежит собака, в глазах у нее отражается пламя костра. Она все еще тяжело и часто дышит.

— Успокойся-ка и ты, — тихонько говорит ей Гай. — Все сегодня сами не свои.

Никто больше не шевелится. За чертой освещенного круга — пустота. В ночи горят только глаза собаки, в них играют отблески костра. Собака, моргая, смотрит на горы и на невидимую добычу — животных, которым суждено умереть.

Продолжение следует.

Перевели с английского
Е. ГОЛЫШЕВА и Б. ИЗАКОВ.

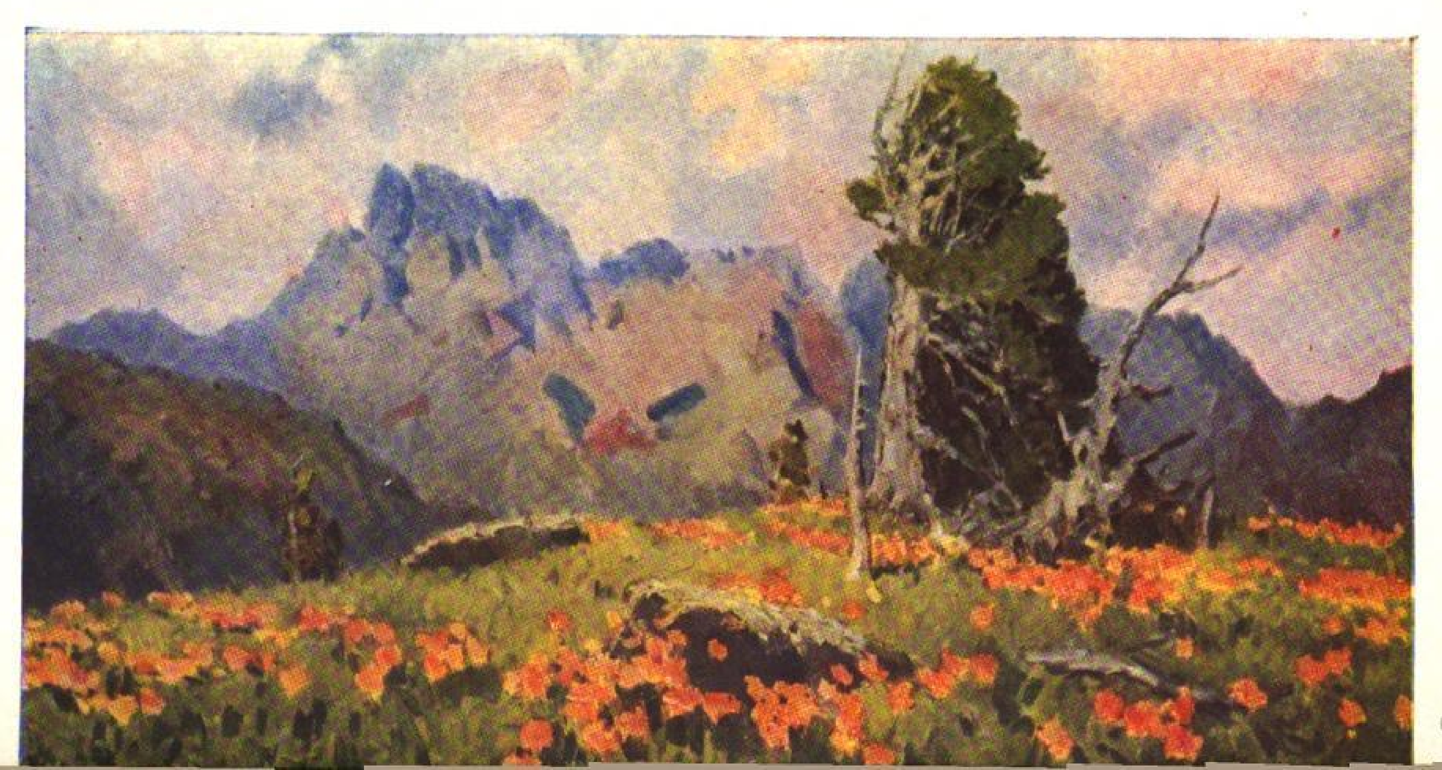

Т. Ряннель. СКАЛЫ ЕРГАКА.

НА КРАЮ ПОЛЯ.

Т. Ряннель. БАБЬЕ ЛЕТО.

ЦВЕТУЩИЙ ПЕРЕВАЛ

А. СОФРОНОВ

Путешествие с месье Тома

У лукоморья дуб зеленый...

«Мир Алжиру!» — мелом начертанная надпись протянулась по каменной стене где-то на границе Бургундии и департамента Роны, куда мы въехали, направляясь из Дижона в Ниццу.

Стены домов и заборы словно повествовали о борьбе, кипящей во Франции. Много раз мы встречали такие надписи по пути. Но немало встречали и кругов с крестом посредине — знаков «ультра», таким образом стремящихся представить «общественное мнение».

Если в будние дни дорога заполнена грузовыми автомашинами, то в воскресенье дорога свободней. Мимо проносятся маленькие машины. Он за рулем — она рядом. Она за рулем — он рядом. На заднем сиденье ребятишки и обязательная собака. Иногда собачья морда выглядывает из приоткрытого багажника — это значит, машина забита до отказа пассажирами.

На нашем пути в Гренобль лежал один из крупнейших городов Франции — Лион, центр текстильной промышленности. Город большой и красивый, расположенный у двух больших рек — Роны и Соны. Мы проехали Лион в послеобеденное время, остановились на одной из центральных площадей, посреди которой кружились стаи голубей, а на краешке большого фонтана со скачущими лошадьми сидели молчаливые люди, грелись под лучами летнего солнца. В Лионе мы также встретили надпись «Мир Алжиру!». Невольно думалось: мир Алжиру это значит и мир Лиону, мир этим людям, даже в воскресный день сидящим с сумрачными лицами на лионских площадях. До тех же пор, пока в Алжире нет мира, пока колонизаторы считают Алжир «своим», не будет мира и в Лионе. И кто знает, скольких молодых лионцев в этот солнечный летний день отправляли в Алжир с оружием в руках, чтобы стрелять в тех, кто хочет только одного — свободы родному Алжиру?

...Дорога, дорога, сколько ты приносишь дум и размышлений! Автобус, ведомый месье Тома, мчался среди зеленых холмов. Мелькали крестьянские домики. Холмы скоро перешли в темные отроги гор. Машина помчалась вдоль быстрой, скачущей по камням реки. Мы въехали в Гренобль — город, в котором родился Стендаль; город, в котором в годы войны был расположен один из крупных центров фашистских оккупантов, а в горах действовали отряды Сопротивления. Во время войны Гренобль был разбит немецкой авиацией. Сейчас город восстановлен.

У отеля «Трех дофинов», в котором мы должны были остановиться, стояла толпа людей и слушала печальные звуки инструмента, чем-то напоминавшего домбру; играл старик в бретонской национальной одежде. Мелодия подошла к концу. Старик поднял глаза и протянул шапку. Послышался звон медных монет.

Поздно вечером, когда после прогулки по городу мы вернулись в отель, нас подозвал портье.

— Я русский, — сказал он, — русский... Вы знаете эти стихи?

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом, —

читал он хрипловатым низким голосом, тщательно выговаривая слова.—Жизнь идет к концу, а я бездомный и бесправный, перепробовал десятки профессий и вот — ночной портье... Жизнь без радости.

Он говорил и говорил, видно, стараясь как можно больше произнести русских слов, излить душу. Вдруг он остановился и посмотрел нам в глаза.

— У нас здесь работают алжирцы, — сказал он неожиданно, — если кто при них плохо отзовется об Алжире, они запомнят и ночью перережут горло.

Трудно было понять, какой смысл он вложил в эту фразу: то ли осуждение самого себя за свою жалкую и беспросветную жизнь, то ли восхищение и зависть действиями алжирцев? А может, здесь было и то и другое.

Где же все-таки ночевал Наполеон!

— В этом отеле останавливался Наполеон, когда он шел к Парижу, бежав с Эльбы, — сообщала нам мадам Педак. — В отеле «Трех дофинов» мэр Гренобля вручил Наполеону ключи от города. Тогда именно Наполеон и произнес свои знаменитые слова: «До этого я был авантюристом, теперь я снова император. Орел будет летать со скалы на скалу, пока не опустится на башню Нотр-Дам».

Мы ехали к Ницце горной дорогой, которой в 1815 году шел Наполеон, движимый одной мыслью—вернуть корону и власть. Известно, чем закончился этот бесславный поход... И, может, не стоило бы и вспоминать о нем, но не тут-то было. На каждом этапе пути были гостиницы и дорожные ресторанчики, где реклама вещала о том, что здесь завтракал, а здесь обедал, а здесь ночевал Наполеон. Похоже было на то, что Наполеон только и делал, что ел, пил и спал...

В дорожной гостинице «Эрмитаж Наполеона» мы остановились выпить чашку кофе.

— Здесь ночевал Наполеон, — сказала мадам Педак.

Шутя, мы усомнились. Для разрешения спора была вызвана хозяйка гостиницы.

— Здесь, конечно, он не мог ночевать... Но где-то поблизости останавливался... В этом районе.

Мадам Педак была возмущена:

— Безобразие! Такая эксплуатация великих имен!

Автобус то взбирался по крутым горным спиралям, то спускался вниз. Зрелище было красивым. Желтые цветы дрока. Старые, из грубого камня крестьянские дома. Острые вершины, озаренные розовыми бликами заката. Ремонтируется дорога. Грохот скреперов, расчищающих завалы. И снова крутые спирали, спуски и подъемы.

Кто-то из нас наткнулся в газете на сообщение: из Руанды-Урунди шел самолет с бриллиантами. Вылетел с бриллиантами, приземлился без оных. Бриллианты были украдены. Журналист, сообщавший о происшествии, посмеивался: исчезновение бриллиантов в воздухе? Потрясающе! Мадам Педак сказала:

— Грабежи — типичное явление нашего времени. Меня недавно тоже хотели обокрасть. Я возвращалась домой часов в десять вечера, какой-то подросток пытался вырвать у меня сумку, но я сопротивлялась. Вора поймали, судили... Осудили на очень короткий срок. Я возмутилась, но от судьи получила ответ: «Если он еще раз попадется, тогда увеличим наказание».

Мадам Педак боялась, что и мы станем объектами ограбления: «Бандиты делают очень просто: ставят машину поперек дороги, направляют на вас пистолеты... И вы поднимаете руки. Поэтому я взяла в дорогу мало денег, предпочитаю чеки для обмена в каждом городе».

Темень, упавшая на дорогу, способствовала возникновению в памяти различных криминальных историй, взбудораживших недавно Францию. Мадам Педак вспомнила и гильотину, отделившую две головы от двух туловищ. Один из преступников был юноша, сын крупного богатого инженера, промышлявшего долгие годы во французских колониях. Молодой человек был хозяином антикварного магазина, а по совместительству сутенером, несколько проституток «работали» на него. На одной из них решил жениться какой-то паренек, уговоривший девушку бросить свое ремесло. Тогда антиквар под предлогом, что хочет провести с ней последний вечер, повез девушку в Сен-Жерменский лес, застрелил ее, облил бензином и сжег, после чего поехал на свидание к юной продавщице, нежно любившей его... Гильотина сработала безотказно. Так же был наказан и священник, убивший свою горничную, которая должна была стать матерью его ребенка.

...Остались позади перевалы. Месье Тома зорко всматривался в темноту, придерживая автобус на крутых склонах, ловко крутя рулем на поворотах. Вдали показались огни Ниццы. Мы помчались по прямой дороге, безжалостно круша светлячков, с размаху налетающих на стекла автобуса.

Ницца с двух сторон

Сколько мы раньше слышали рассказов о Ницце! Райский уголок Франции. Лазурный берег. Голубовато-зеленые волны Средиземного моря. Толпы гуляющих на Английской набережной. Роскошные отели. Специализированные рыбные рестораны. Поблизости от Ниццы княжество Монако со знаменитым игорным домом Монте-Карло. Все так, как было в нашем представлении, мы увидели в Ницце. Красивый, солнечный берег. Белокаменные отели, повернутые лицом к морю. Пестрые зонты на берегу возле пляжей... Правда, купальный сезон еще не был в разгаре. Но берег красив, привлекателен. Средиземное море ласкает взгляд нежной голубизной. В пестрых шезлонгах щурятся под солнцем люди. К ним неслышно подходит женщина с кондукторской сумкой, взимая плату за место под солнцем. Много дорогих магазинов с зазывающей рекламой. По вечерам гремят в ресторанах оркестры, тан-

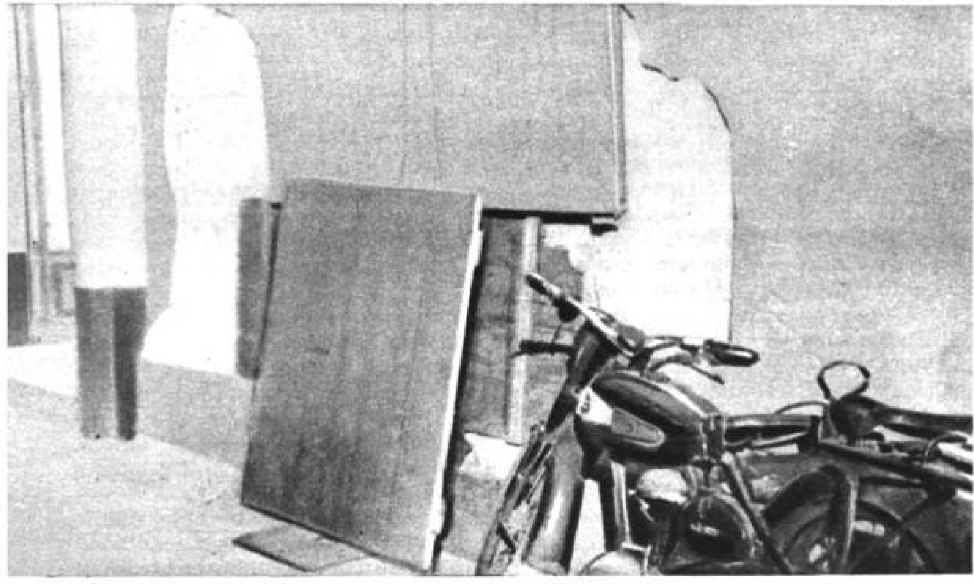
См. «Огонек» № 33.

В Лионе много голубей

Под витринами Ниццы.

У редакции газеты «Патриот» взорвалась бомба «ультра».

Ницца. Рыбный базар.

цуют парочки. Но в полдень в центре Ниццы, как и в Париже, вы наталкиваетесь на нищих, сидящих на асфальте под зеркальными витринами с протянутой рукой. Так Ницца начинает открываться другой стороной. Мы пробыли в Ницце несколько дней, встречались с очень разными людьми, сердечными, веселыми, мужественными, очень любящими Францию...

Мы зашли в редакцию газеты «Патриот». У входа в редакцию стена была пробита и наспех прикрыта фанерными листами.

— В одну из майских ночей к редакции подкатила машина,— рассказывали нам.— Из машины была брошена бомба. Раздался взрыв. На тротуар упали проходившие мимо люди: два туриста из ФРГ, линотипистка типографии... Машина умчалась. Это молодчики из «ультра» выражали свое отношение к нашей газете за ее позицию в алжирском вопросе. Мы считаем, что Алжир должен быть самостоятельным. Только так! «Ультра» пытались дезорганизовать жизнь города. На городской электростанции взорвалась бомба, подложенная туда теми же «ультра». Но трудящихся Ниццы, наш рабочий класс не запугать такими диверсиями. Несмотря на запреты полиции, состоялась демонстрация. Рабочие протестовали против действий «ультра». Многие вносили посильные взносы для поддержки нашей газеты.

...Загремели железные запоры, и мы прошли в редакцию. В маленьком кабинете редактора газеты нам рассказали об успехе прогрессивных сил Ниццы на только что состоявшихся кантональных выборах. Директор газеты «Патриот» Виржиль Барель, победив кандидатов буржуазных партий, был избран советником департамента. Перед нами сидел жизнерадостный, уже немолодой человек и рассказывал о предвыборной борьбе, развернувшейся во всех кантонах департамента. На стенах висели репродукции рисунков Пикассо.

— Мы их печатаем и продаем, это помогает нам издавать газету,— говорил директор газеты.

Нас пригласили в синдикат объединенных профсоюзов. Синдикат помещался в рабочем районе, рядом с базаром. Здесь уже не было роскошных отелей и особняков, вытянувшихся вдоль Английской набережной. Тесный базар. Толпы людей у рыбных и овощных лотков. Мокрое белье на подоконниках старых домов. Женщины, подсчитывающие ресурсы в тощих кошельках.

Нас встретили руководители синдиката Марьюс Армандо, Альберт Ниттелли и Луи Анри Грубер. Синдикат профсоюзов объединяет железнодорожников, газовщиков, электриков и многие другие профессии. Мы спросили, как решается жилищная проблема в Ницце.

— О, в условиях капитализма жилье — проблема неразрешимая! Только для Ниццы сейчас нужно по меньшей мере 10 тысяч квартир. Муниципалитет строит в год триста.

— Вы принимаете участие в распределении жилья?

— Что вы?! Мы не имеем к этому никакого отношения. Капитализм!

— Какая квартплата?

— В старых, непригодных для жилья домах — от 5 до 8 процентов месячной зарплаты, в новых, так называемых дешевых,— 20 процентов; более или менее приличных — до 60 процентов месячного заработка.

— Имеет ли профсоюз Ниццы, расположенной на берегу Средиземного моря, свои дома отдыха или санатории?

В ответ на наш вопрос раздался дружный хохот.

— Бросьте шутить! Вы же не хуже нас знаете!

— Сколько рабочих объединяет синдикат?

— Более семнадцати тысяч.

— И ни одного дома отдыха?

— Какие дома отдыха! Наш синдикат существует только на членские взносы. Занимаемся «акробатикой» — едва сводим концы с концами. Вы видели рыбу на базаре? — задали нам вопрос.

— Да.

— Средиземноморская. Думаете, свежая? Как бы не так! Все, что осталось нераспроданным в магазинах, подсаливают и перебрасывают сюда. Это для нас. Попробуйте сводить концы с концами, когда в сорок пять лет вы оказываетесь безработным и вас уже никуда не берут.

— Как не берут?

— Берут тех, кто помоложе. А как же иначе? Капитализм! Идет борьба. Тут, знаете, такая агитация! В рабочие коллективы направляют священников, так сказать, для обработки масс... Правда, некоторые священники бросили церковь и сами стали рабочими. Оказались честными людьми. Кто кого обработал? Не думайте, что мы прилагали какие-либо усилия. Жизнь, сама жизнь обработала их. Церковники обозлились, отлучили своих бывших пастырей от церкви. В Ницце хорошо жить богатым. И не только французам. У нас здесь в дворцах живут Рокфеллеры и сам Уинстон Черчилль. Климат хороший, но не для тех, кто дни и ночи проводит на уличных скамейках.

Мы познакомились с удивительно симпатичным человеком, Раймоном Борелло. Он является ответственным секретарем ниццского отделения общества дружбы «Франция — СССР». Молодой, веселый, быстрый, он появлялся возле нашей тихой гостиницы «Эдуард VII». Мы заполняли его маленькую машину и на зависть месье Тома носились по Ницце и ее окрестностям. Профессия Раймона — художник по мозаике. Его стихия — полы, стены. Симпатии его в этой области, пожалуй, несколько модернистские. Вместе с Раймоном мы поднялись на гору, где расположилось похожее на музей кладбище Ниццы. Там, среди белых мраморных памятников и надгробий, увидели темную массивную фигуру в длинном сюртуке, врезавшуюся в розовато-желтое закатное небо. Это был памятник великому русскому писателю и революционеру Александру Ивановичу Герцену, прах которого покоится в Ницце. На подножии памятника простая надпись: «А. Герцену — от его семьи, его друзей, его поклонников».

Тихо было на кладбище, шелестели старые деревья, молчали мрамор и гранит, и только пронзительный рев военных истребителей, оставлявших в предвечернем небе длинные ватные следы, напоминал, что шел XX век.

Да, шел XX век со всеми свои-

ми особенностями и противоречиями. Активисты из общества «Франция—СССР» пригласили нас к себе в небольшой офис, где на черной доске были аккуратно выведены мелом слова «короткий» и «тихий». Здесь изучали русский язык. Нам показывали фотовитрины, где на снимках мы узнавали знакомые московские улицы и зубчатые стены Кремля. Нам подарили рисунки, символично изображавшие франко-советскую дружбу. С восторгом вспоминали приезд Ансамбля песни и пляски Советской Армии, покорившего французов своим искусством.

Вечером члены нашей группы были приглашены на квартиры к докерам и рабочим Ниццы. Меня пригласил к себе Раймон. Мы поднялись по старой лестнице в его маленькую, темную квартиру. Раймон, видимо, хоть как-то старался скрасить непривлекательность жилья. Стены были выкрашены в два цвета. Мы сидели за столом в маленькой передней, которая была одновременно и кухней и столовой. Радушная хозяйка, жена Раймона Габриель, работающая телефонисткой на почте, угощала нас чем могла. За столом сидели молчаливая мать Раймона, его сын Мишель, четырнадцатилетний мальчик, увлекающийся футболом и почтовыми марками. В соседней комнатушке спал, посапывая носом, младший сын Раймона. В качестве переводчицы оказалась маленькая печальная женщина Фаня Львовна. Она не очень хорошо знала русский язык, беседа от этого текла неторопливо. На какой-то срок нас покинул Раймон: у него было неотложное дело. Мы разговорились с Фаней Львовной. Она поведала мне свою горькую судьбу.

— До войны мы жили в Париже,— говорила она.— Муж мой работал скорняком в меховой мастерской. Когда пришла война, он ушел защищать Францию. Потом вернулся. Это было после капитуляции Франции перед Гитлером. В Париж пришли немцы. Мужа увели. Он был в концентрационном лагере... Я бежала, пряталась... Пыталась узнать судьбу мужа, но напрасно... Напрасно. Его уничтожили немцы. Так я осталась одна. Совсем одна... Приехала в Ниццу. Я портниха. Шью на дому. Нет, я не хозяйка... Мне дают работу на дом, и я шью. Очень трудно жить... Мало платят, но говорить об этом нельзя: можно совсем потерять работу. И так мы работаем не полный год... Сезонно. Весной и летом, когда в Ницце есть спрос...

Мишель прислушивался к труднопроизносимым русским словам. Мишель начинал изучать русский язык. Габриель сочувственно кивала головой. Она не понимала русских слов, но она понимала горе этой маленькой женщины. Людское горе не надо переводить с одного языка на другой.

...Мы возвращались в гостиницу «Эдуард VII» по Английской набережной. В ресторанах гремели оркестры, шаркали по паркету томные парочки. В Ницце начинался курортный сезон.

Слово «оперетта» не произносить!

Эту фразу произнесла мадам Педак, когда автобус подъезжал к границе княжества Монако.

— Я умоляю, господа, отнеситесь к моей просьбе серьезно, иначе могут быть неприятности. В Монако это слово не любят.

— Почему? Ведь оперетта — один из любимых театральных жанров...

— Ах, как вы не понимаете,— всерьез волновалась мадам Педак,— вас могут выдворить из Монако! Здесь это слово считается оскорблением государства, даже если оно и не применяется к государству. Ни одна оперетта в мире еще не гастролировала в Монако. Здесь был случай, когда богатая, повторяю, очень богатая англичанка, обиженная тем, что ее не пригласили на какой-то прием к князю Монакскому, воскликнула: «Подумаешь, опереточное государство!» И что вы думаете? Несмотря на то, что она сопротивлялась, полицейские буквально вынесли ее из отеля, посадили в автомобиль и выдворили из пределов княжества. Так была восстановлена честь монакского государства.

Мы пообещали мадам Педак вести себя хорошо, слово «оперетта» не произносить. Что же можно было смотреть в Монако? Только игорный дом Монте-Карло — средоточие человеческих страстей и фантастических легенд.

Месье Тома ловко подкатил к подъезду Монте-Карло. Заплатив соответствующую мзду за право входа, мы вошли в большой зал, заполненный до отказа столами с красным и зеленым сукном, на которых лежали круглые фишки. Возле каждого стола топтались люди, сидели старухи, смахивающие на пиковых дам. Бледнолицые крупье лопатками подвигали деньги и фишки. Бесшумно вертелась рулетка. Что-то стыдное было во всем этом зрелище. Люди играли всерьез. И хотя здесь, в нижних залах, шла не такая уж крупная игра, атмосфера стяжательства и отрешенности от других страстей как бы пригибала людей. Вот уж, действительно, фабрика идиотов. Долго оставаться здесь не хотелось. Мы вышли на воздух, чтобы полюбоваться закатом, окрасившим волны Средиземного моря в розовато-лимонный цвет.

— Это только нижние залы,— проговорила мадам Педак.— Здесь игра по мелочи. Крупная игра идет наверху, но туда простых смертных не пускают. Вообще же Монте-Карло падает. Нет русских купцов, на проигрышах которых в свое время поднялось Монакское княжество. Здесь называют какого-то русского купца, в свое время оставившего все свое состояние в Монте-Карло. За столь высокий подвиг его оставили на житье в княжестве, положили пенсию, но только с одним условием, что он никогда не переступит порог Монте-Карло. Он месяцами сидел напротив входа.

С моря дул прохладный ветерок. Возле Монте-Карло каменщики укладывали мостовую, а бетонщики формовали новый парапет у набережной. Вдруг к нам подошел скромно одетый человек и спросил:

— Вы русские? Из Советского Союза?

— Да.

— Примите наш маленький подарок. Мы любим вашу страну. Мы восхищены Юрием Гагариным. Мы ваши друзья.— Он протянул небольшие картонные коробочки.— Извините, эти сувениры, конечно, не являются типичными для нас, жителей Монако, но других у нас нет.

Уже сидя в автобусе, мы открыли коробочки: там лежали куклы, изображающие монакских полицейских в пестрой парадной форме. Миновав мост, отделяющий Монако от Франции, автобус помчался по направлению к Ницце.

— Теперь вы можете произносить слово «оперетта» сколько угодно,— сказала мадам Педак.

Но этим разрешением никто уже не воспользовался.

Он любил Маяковского

Наша жизнь в Ницце подходила к концу. Мы стремились в путь. Только месье Тома чувствовал себя отлично. Он носил темные очки, аккуратно брился, тщательно следил за своей одеждой.

— Кажется, я объявлю забастовку, выпишу жену из Гавра и останусь в Ницце.

Хватит ли денег?

— А вы когда-нибудь бастовали?

— О нет,— смутился Тома.— Я пошутил.

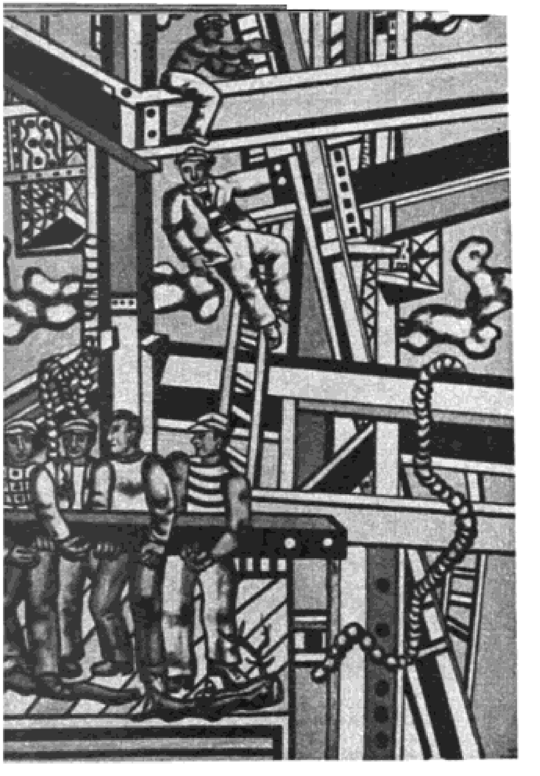
Раймон советовал нам:

— По пути в Марсель заезжайте в музей Фернана Леже. Это замечательный художник. Если вы не посмотрите экспозицию его картин, ваше представление о Франции будет неполным. Он чем-то близок к Пикассо и в то же самое время он сам по себе.

Солнечным утром, попрощавшись с «Эдуардом VII», мы отправились в путь. Мелькали маленькие пляжики и рестораны со смешными названиями «А почему бы и нет?», «Я и ты»... Километрах в сорока от Ниццы, с трудом отыскав дорогу на местечко Бьо, мы подъехали к стоящему на небольшом взгорье красивому современному зданию. Был полдень. Музей закрывался на обед. Но когда мы сказали, что много слышали о покойном художнике и хоте-

Рыбаки Марселя.

Фернан Леже. «Строители».

ли бы рассказать о нем в Советском Союзе, двери музея открылись, нас радушно приветствовал директор музея Жорж Бокье, один из учеников Леже. Вскоре появилась и вдова художника, уроженка Смоленска, советская подданная Надежда Леже. Она искренне обрадовалась нашему приходу. Переходя из зала в зал, она рассказывала об интересном и нелегком творческом пути художника.

— Несколько лет он жил в Соединенных Штатах. Это были трудные годы. Он не был там счастлив. При первой возможности он вернулся во Францию. Он был всегда другом Советского Союза. Вот его картина «Сталинград». Здесь бойцы были во французской одежде. Потом он исправил, он не знал, в какой одежде были советские солдаты. Тщательно искал. Он любил рабочий класс. Вот его «Строители». Эта картина отправляется на французскую выставку в Москве. Он говорил: «Все в мире сделано руками рабочих. Их руки похожи на орудия, какими они работают». И еще он очень любил Маяковского. Они знали друг друга. Он написал картину-стихи, посвященную Маяковскому. Он считал, что Маяковский обращен в будущее, и учился у него. Вот это послание.

В ПАМЯТЬ МАЯКОВСКОГО

Их руки похожи на орудия труда,
А их орудия труда — на их руки.
Их одежда похожа на горы, на
стволы деревьев.
Их руки совсем не такие, как у
хозяев, как у отцов церкви...
Их руки останутся такими, пока
Машины не будут работать вместо
них.
Скоро труд этих рук заменят
машины.
Тогда у труженика будут такие же
руки, как у хозяев.
И он даже наденет перчатки.
Тяжелые, натруженные руки...
Сколько создано ими!
Они делали все, но никогда не
сеяли разрушения.
Они строили, строили под землей
И в поднебесье,
На дне морском и под облаками...
Они — во всем, что создано на
земле.
И скоро, очень скоро наступит
время,
Когда они будут хозяевами жизни.

Прощались с Надеждой Леже мы перед входом в музей. Она сказала:

— Я скоро снова поеду в Москву. До встречи в Москве.

Шумит ли ночной Марсель!

Марсельцы говорят: «Если бы Париж имел такую же центральную улицу, как Марсель, он бы, пожалуй, мог равняться с Марселем». Патриотизм марсельцев известен. Город, давший название гимну Франции, и в самом деле красив и самобытен. В обычные, будние дни он так плотно набит людьми на торговых улицах, что пройти просто невозможно: люди ходят, что называется, плечом к плечу. Центральная улица Марселя действительно красива. Витрины не уступают Парижу. Марсель как бы подражает Парижу во всем... И здесь возле витрин нищие, словно оберегающие витрины от зевак, кто с шапкой, кто в отрепьях, сидят на тротуарах. Контрасты не надо выдумывать, они перед глазами. Так же, как и в Париже, ползают с цветными мелками художники по асфальту, за гроши рисуя корабли с белоснежными парусами.

Мы были в Марселе два дня. За это короткое время друзья из общества «Франция — СССР» показали нам город. Мы поднимались на высокую башню и любовались городом. Посетили выставку произведений Мане, одного из замечательных художников Франции. Здесь была собрана только часть работ Мане. Посетителей было немного. В залах стояли полицейские с пистолетами.

— Почему такая охрана? — спросили мы.

— Чтобы не было случайностей. Картины Мане — огромная ценность.

Полицейские приветливо улыбались нам. Один из них подошел и сказал:

— Разрешите пожать руку советским людям. Я коммунист. Мы рады видеть вас в Марселе.

Друзья повезли нас в район маленького рыбачьего порта. Еще сто лет назад здесь была деревня, жители ее плели корзины. Теперь здесь рыбачий поселок. Было предвечерье, когда мы вышли на побережье возле небольшого заливчика, сплошь забитого рыбачьими баркасами. Некоторые лодки были пусты, в других рыбаки латали сети.

Мы заговорили с одним из них, по имени Мариус. Это был загорелый, коренастый человек с изъеденными морской солью руками. У него небольшая семья — жена и две девочки.

— Поздно женился,— сказал он.— Все приходилось воевать. Будь она проклята, война! Надо все сделать, чтобы сохранить мир, иначе мы все взлетим до небес с разорванным брюхом.

Здесь же, в порту, расположилось небольшое кафе. Владелец его, полный марселец Фонфон, радушно встретил нас и показал книгу записей, в которой мы увидели слова дружбы, сказанные советскими людьми в адрес гостеприимных марсельцев. Среди множества фотографий, приколотых к стенке, на которых были засняты группами посетители кафе Фонфона, мы увидели толпу, в центре которой стояла улыбающаяся Н. П. Хрущева.

— Это в те счастливые дни,— сказал Фонфон,— когда ваш премьер посетил Францию, побывал у нас в Марселе. Супруга премьера была здесь, познакомилась с рыбаками и пила с нами кофе.

В руках Фонфона оказалась бутылка шампанского. Взлетела пробка.

— За дружбу между нашими народами, за понимание, за мир! — провозгласил хозяин кафе.

Зазвенели сдвинутые бокалы.

Да, за мир... Об этом думалось в тот субботний вечер, когда мы накануне отъезда из Марселя гуляли по центральной улице этого города. Еще в детстве слышанная песенка «Шумит ночной Марсель...» вертелась в памяти.

Марсель шумел и в этот вечер. Но шумел как-то по-особому. По улицам бродили пьяные солдаты в пилотках набекрень, с бессмысленными, затуманенными глазами. «Завтра уезжают в Алжир»,— сказали нам друзья. Стоило свернуть в сторону от центра, и на соседних улицах вы попадали в пьяный, смрадный угар. Рядом — дверь в дверь — маленькие кабачки. Зазывалы хватали прохожих за руки: «Проведите весело ночь». Они совали в руки программы «концертов». В подъездах стояли девицы с высокими прическами, крашенные под седину. Толстые, неаккуратные женщины хищно высматривали стайки солдат, направлялись к ним, раскрывая веером фотографии... Завтра французские солдаты уезжали в Алжир. Но сегодня они гуляли. Да, Марсель шумел, лихорадочно, пьяно, отчаянно.

И мне вдруг вспомнился город Конакри, столица молодой свободной Гвинеи. Апрель 1960 года. Конференция солидарности стран Азии и Африки. На трибуне, встреченный овацией делегатов конференции, представитель героического Алжира. Он говорил:

— Фронт национального освобождения заявляет, что он будет неустанно продолжать освободительную войну за независимость и национальный суверенитет Алжира!

Гремели аплодисменты делегатов конференции.

Алжирец продолжал речь:

— Мы утверждаем, что французская армия не может рассчитывать на военную победу! Каждый новый день все более расшатывает здание империализма и укрепляет нашу силу. Наша победа близка!

...Эту речь я вспомнил в Марселе, в субботний вечер, когда на улицах этого красивого южного города горланили непотребные песни пьяные французские солдаты, отправляющиеся в Алжир. Это было веселье отчаяния, веселье смертников.

* * *

Знойным воскресным утром мы выехали из Марселя. Руки месье Тома спокойно лежали на баранке. Автобус мчался по безлюдным улицам, прилегающим к марсельскому порту. На одном из высоких каменных заборов мы прочли начертанные мелом огромные слова: «Свободу Алжиру!»

Пашпорт Пугачева

Этот документ был спутником Емельяна Ивановича Пугачева в его скитаниях по России летом и осенью 1772 года.

Публикуемый здесь паспорт был получен Пугачевым на русском пограничном форпосте в Добрянке (ныне город в Черниговской области УССР). При получении паспорта Пугачев, скрыв казачье происхождение и обстоятельства своего побега в Польшу, объявил себя раскольником и заявил о желании поселиться в заволжских степях у реки Иргиза, в старинном гнезде русского старообрядчества.

Паспорт воскрешает одну из любопытных страниц в биографии Пугачева, дает яркое представление о его внешнем облике накануне восстания.

«По указу ея величества, государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской и прочая, и прочая, и прочая.

Объявитель сего, вышедший из Польши и явившийся собою при Добрянском форпосте веры раскольнической Емельян Иванов сын Пугачев, по желанию ево для житья определен в Казанскую губернию в Синбирскую провинцию к реке Иргизу, которому по тракту чинить свободный пропуск; обид, налог и притеснения не чинить, и давать квартиры по указам.

А по прибытии ему явиться с сим пашпортом в Казанской губернии в Синбирской провинциальной канцелярии, тако ж, следуючи и в протчих провинциальных и городовых канцеляриях являться. Праздно ж оному нигде не жить и никому не держать, кроме законной его нужды.

Оной же Пугачев при Добрянском форпосте указной карантин выдержал, в котором находился здоров, и от опасной болезни — по свидетельству лекарскому — явился несумнителен.

А приметами оной: волосы на голове темнорусые, ус и борода — черные с сединою, от золотухи на левом виску шрам... росту двух аршин четырех вершков с половиною, от роду — 40 лет. При оном, кроме обыкновенного одеяния и обуви, никаких вещей не имеется.

В верность чего дан сей от главного Добрянского форпостного правления за подписанием руки и с приложением печати алой.

В благополучном месте, 1772 году августа 12 дня.

Майор Мезников.

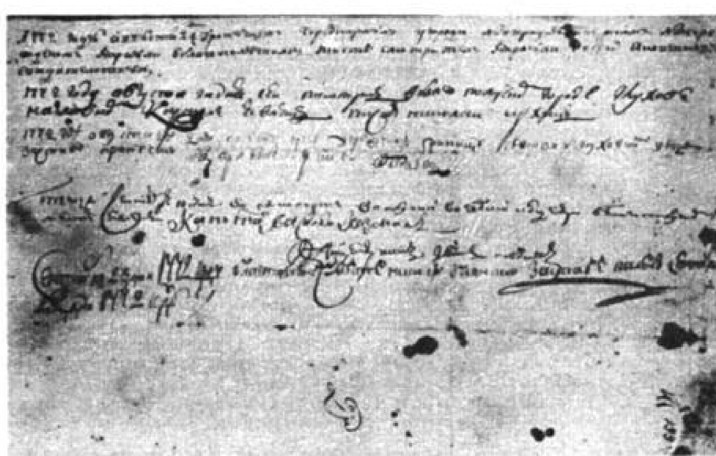
Пограничный лекарь Андрей Томашевский.

При исправлении письменных дел каптенармус Никифор Баранов».

На обороте паспорта отмечены этапы путешествия Пугачева в глубь России: Новгород-Северский... Глухов... Валуйки... Тараблянская застава на Дону.

Поздней осенью Пугачев появился в Яицком городке (ныне г. Уральск), где застал еще следы кровавой расправы правительства над яицкими казаками, восставшими за попранные казачьи права. Пугачев стал подговаривать казаков к побегу на привольные кубанские земли, но вскоре был арестован. При аресте у него отобрали деньги и паспорт. В январе 1773 года Пугачева доставили в Казань, и казанский губернатор за-

просил Петербург о мере наказания для столь «важного государственного преступника». Рассмотрев дело, генерал-прокурор Сената князь Вяземский вынес определение о наказании Пугачева плетьми и ссылке на каторжные работы в глухой зауральский город Пелым, где власти должны были строго следить за тем, «чтоб он оттуда утечки учинить не мог». Сама императрица Екатерина II одобрила это определение, написав на нем: «Быть по сему». Предписание о наказании Пугачева прибыло в Казань 1 июня 1773 года, но за три дня до этого, воспользовавшись беспечностью караула, он бежал из тюрьмы, оставив «на память» незадачливому казанскому начальству свой паспорт.

Паспорт Пугачева и другие документы, связанные с его побегом из Казанского острога, хранятся в фондах Центрального государственного архива древних актов СССР.

Р. ОВЧИННИКОВ

МУЧЧО В КИНО

В журнале «Огонек» (№ 35 за 1959 год) было помещено фото маленьких щенят-болонок и рассказывалось, как болонка Муччо выкормила «приемышей». С тех пор Муччо пошла в гору. Теперь она обладательница восьми Больших золотых медалей и звания чемпиона выставки собак.

Н. СОСНОВА

Москва.

На снимке: Муччо в кинофильме «Мертвые души» на балу у губернатора. Ей пришлось «исполнять роль» болонки.

МОРЕНЫЙ ДУБ

Река Висла в течение многих тысячелетий меняла свои берега, подмывая деревья девственных лесов. Захороненные под водой, в песке, дубы замечательно сохранились. Один из таких дубов был выброшен во время весеннего паводка на берег в 40 километрах южнее Варшавы.

И. МИНОРСКИЙ

Варшава.

Со дна реки

...Эта история произошла в самом начале Отечественной войны. Враг рвался вперед, в глубь Карелии. Наше танковое подразделение получило приказ перейти реку Шую.

Во время переправы утонул танк. Погибшего танкиста подняли со дна Шуи тогда же: это сделал старшина-водолаз Иван Федорович Беляев. Но танк вытащить не удалось: река в том месте глубока.

И. Ф. Беляев.

С той поры прошло почти два десятка лет. И вот недавно Беляев (он уже пенсионер) снова вспомнил о танке: «Тридцать тонн металла! Из него многое можно сделать».

Иван Федорович предложил достать затонувший танк. В помощь водолазу была выделена группа рабочих. Тяжелую машину подняли со дна реки с десятиметровой глубины.

В. БАРАЕВ

г. Петрозаводск.

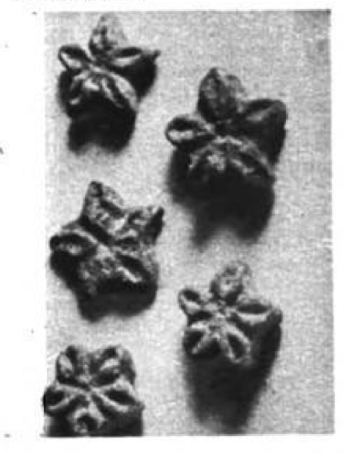
Ученые отвечают

Это не украшения

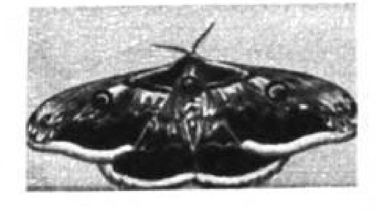
«Летом прошлого года, будучи в Закавказье, я нашел в горной местности вот эти пятиконечные звездочки, очень похожие на древние женские украшения. Что это?»

Г. А. БУДАГОВ

Самарканд.

— Нет, это не украшения,— сразу заявил, рассматривая присланные звездочки, научный сотрудник Палеонтологического института Академии наук СССР Юрий Андреевич Арендт,— а составные части стебля морской лилии пентакринус. Она жила на дне моря юрского периода, то есть около ста тридцати миллионов лет назад.

Павлиний глаз

«В начале мая я поймал огромную ночную бабочку. Ее окраска очень нежна и красива, а размах крыльев достигает пятнадцати сантиметров. Такую бабочку я увидел впервые».

В. ЯКОВЛЕВ

Баку.

Взглянув на снимок, доктор биологических наук профессор Московского государственного университета Николай Николаевич Плавильщиков сказал:

— Это большой ночной павлиний глаз — одна из крупнейших бабочек нашей страны. На юге такие бабочки не редкость.

Интересно, что эта гигантская бабочка за все время своего существования ничего не ест. Она живет за счет жировых запасов, полученных по наследству от гусеницы.

Деньги королевы Христины

«Осенью на приусадебном участке я копал яму для хранения картофеля и на глубине около метра обнаружил небольшой горшочек. Он лежал в песке вверх дном. Едва я поддел его лопатой, как он лопнул и из него посыпались монеты. Я их собрал, но куски горшочка, к сожалению, оставил без внимания. Горшочек был из белой глины. Приходили соседи посмотреть на монеты, и каждый брал по нескольку штук на память, так что несколько найденных монет все же было утрачено. Тогда мы еще не знали, что обнаруженные клады — это народное достояние, то есть они принадлежат государству, а не отдельным лицам».

В. И. СКОРОХОД

село Лелев,
Чернобыльского района,
Киевской области.

Клад поступил к нумизматам — научным сотрудникам Государственного исторического музея. Он состоит из польских солидов семнадцатого века, времени правления короля Яна-Казимира, и шиллингов, чеканенных в Риге от имени шведской королевы Христины примерно в то же время. На солидах изображен в профиль Ян-Казимир, а на оборотной стороне — герб Польши в виде одноглавого орла. На монетах Христины — большая буква С — инициал королевы; вверху корона; внутри сноп — герб королевского дома Ваза. На оборотной стороне — герб города Риги: скрещенные ключи и крестик над ними. Эти мелкие разменные монеты чеканили из низкопробного серебра. Находка на территории Украинской ССР клада, зарытого во второй половине семнадцатого века, дает в руки исследователей новые сведения для изучения денежного обращения на Украине.

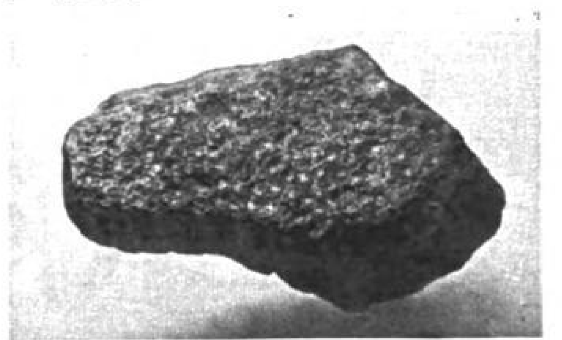
На снимке: найденные монеты.

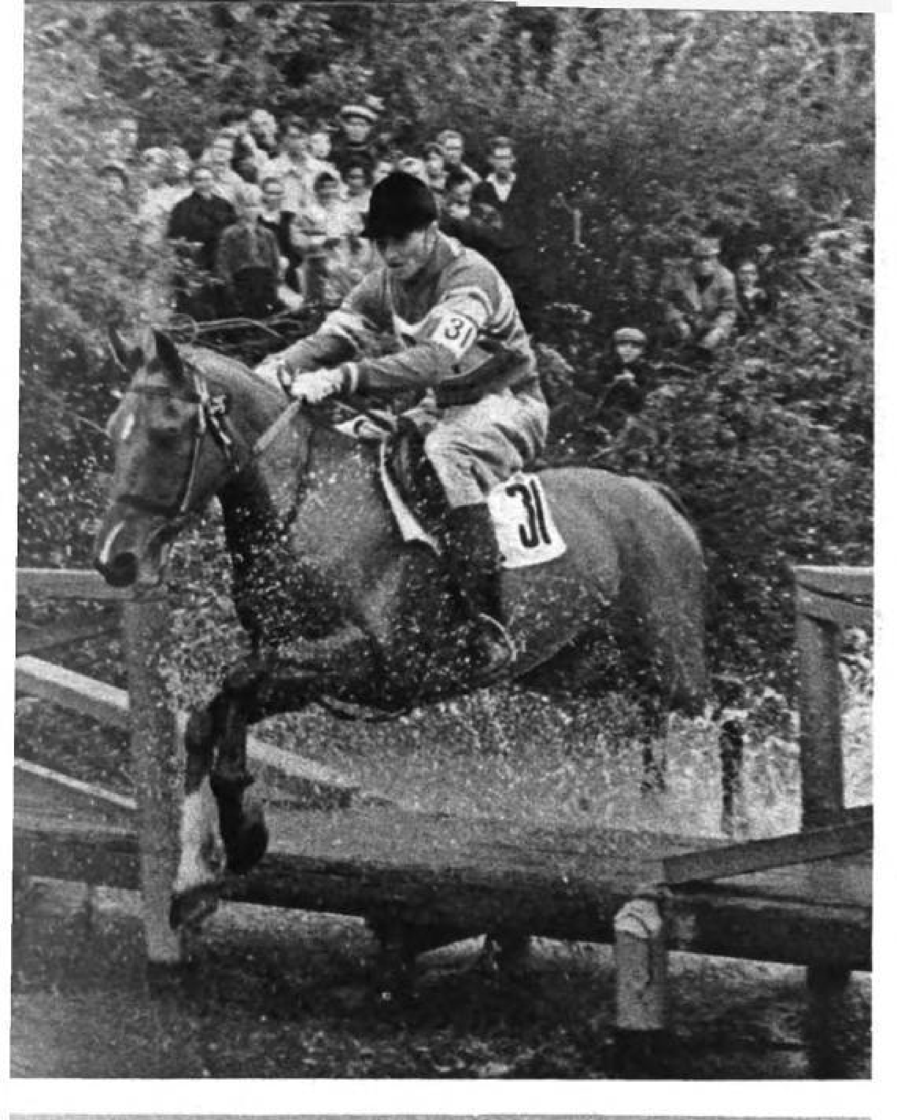
Фото М. Уварова.

ТРИСТА МИЛЛИОНОВ ЛЕТ

«Посылаю вам кусок окаменевшего меда,— пишет нам читатель И. И. Штыркин из деревни Селино, Тургиновского района, Калининской области.— На мой взгляд, мед окаменел в сотах, с воском, в чистом виде».

— Это не окаменелый мед,— определила находку научная сотрудница Палеонтологического института Академии наук СССР кандидат биологических наук Инна Ивановна Чудинова,— а обломок ископаемого коралла. Такие кораллы нередко встречаются в пластах земной коры. Их возраст свыше трехсот миллионов лет.

Вот одно из препятствий конного кросса — разрушенный мост. Его преодолевает Игорь Новиков. Никогда еще ему не удавалось столь удачно пройти дистанцию кросса. До выхода на старт последнего участника — австрийца Петера Лихтнер-Хоера никто не мог превысить его время.

В трудных условиях проходил конный кросс. Погода установила 22-е препятствие — шквальный ветер, дождь. Под зонтами ждали пятиборцы своей очереди.

Современные пятиборцы — это рыцари XX века, недаром их состязания так похожи на традиционные турниры, описанные Вальтером Скоттом и Дюма. В арсенале пятиборцев седла, шпаги, пистолеты, и, кроме того, они еще мерятся силами на сухопутных и водных дорожках. Какими же разносторонними атлетическими качествами должны обладать те, кто мечтает о победе в этом виде спорта!

Образцом современного пятиборца является советский спортсмен Игорь Новиков — три золотые медали чемпиона мира украшали его грудь перед началом X первенства мира, которое было проведено в Москве. Но это не значило, что у него не было серьезных соперников на этих крупнейших соревнованиях. Их оказалось много. В Москву съехались сильнейшие спортсмены 15 стран и среди них многократные победители мировых и олимпийских первенств: шведы и венгры, лучшие пятиборцы США, Мексики, ГДР, ФРГ, Финляндии, Австрии...

Да, в такой компании нелегко было Игорю Новикову защищать свой титул, а кроме того, и товарищи его по команде — Борис Пахомов и Иван Дерюгин — с полным правом могли претендовать на победу.

Такова уж противоречивая логика спортивной борьбы: в споре за личное первенство все друг другу соперники, а в стремлении к почетной командной победе три товарища, образующие спортивный коллектив,— союзники.

И вот пришел час первого старта из тех пяти, которые предстояли 43 участникам мирового чемпионата. Беспощаден регламент этих сложнейших состязаний: они начинаются сразу в темпе «крещендо», с конной скачки через 21 препятствие.

ПЯТЬ ФИНИШЕЙ

Плохая погода не помешала австрийскому пятиборцу. Выступая на коне Дунай, он показал лучшее время дня. «Разве я мог проиграть на скакуне, кличка которого — Дунай»,— сказал Петер Лихтнер-Хоер, принимая поздравления.

Фельетон

«Мелкое» дело

С некоторых пор стали происходить в Кишиневе таинственные превращения. Получают, например, в городской больнице с мелкооптовой базы сливочное масло, а в пачках оказывается маргарин. Привезли в детский сад сметану, а она обрачивается простоквашей. Раскрыли ящик с мясом, а в нем одни кости.

Загадочные превращения с продуктами происходили и в ресторане кишиневского вокзала. Закажет человек салат с яйцом, а ему приносят салат с растительным маслом, попросит котлету «по-киевски», а ему подают поджаренное тесто.

У самого вокзала бойко торгует голосистая тетя Дуся.

— Чебуреки! Горячие чебуреки! Налетай! — предлагает она пассажирам.

Пассажиры налетают и удивляются:

— С каких это пор чебуреки стали начинять ливером?

— У нас, миленький, рецептура такая,— объясняет им вежливо тетя Дуся.

— Рецептура так рецептура.— успокаиваются люди и едят чебуреки с необыкновенной рецептурой.

А в другом конце города, в павильоне горкоопторга, творила чудеса бригада мясников Лайпскера. Небольшие манипуляции в таблицах цен — и мясо второго сорта продается по первому, а третьего — по второму.

Обнаруживались и недостачи, но какие-то уж очень мелкие. Получают, например, с той же мелкооптовой базы в пионерлагере сто штук яиц, начинают пересчитывать и обнаруживают, что трех яиц недостает. Или взвешивают полукилограммовую пачку сахара и устанавливают, что в пачке только 495 граммов.

Разумеется, продуктовые метаморфозы не остались незамеченными. Посыпались жалобы. В Министерство торговли Молдавии, в Кишиневский горпищеторг, в милицию и прокуратуру. А там только плечами пожимают:

— И охота им шуметь из-за таких мелочей. Подумаешь, пяти граммов сахара не хватает! А что такое пять граммов? Небольшой четырехугольный кусочек сахара. Положил его в чай — и нет пяти граммов. Разве это воровство? Разве это кража?

И тут мы подходим к такой сложной проблеме, как анализ психологии некоторых работников наших органов контроля, проверки и пресечения. О, это удалой народ, орлы, можно сказать! Им только намекни, что где-то готовится ограбление банка, как они встрепенутся, всех на ноги поднимут! А может случиться и такое, что с какого-то глухого полустанка злоумышленники вдруг угнали целый эшелон с продовольствием. Вот это да, происшествие! Тут есть где разгуляться! Преследование на автомобилях, степных скакунах и вертолетах! Засады! Пальба! Это операция! И после нее, конечно, одобрительные заметки в газетах, поощрения, награды и, может быть, даже несколько живописных строк в учебниках криминалистики.

А что прикажете делать с ливером в чебуреках? Расспрашивать повара, беседовать с тетей Дусей? да о чем с ней можно разговаривать? Ведь она, наверное, и слыхом не слыхала о таком замечательном человеке, как Шерлок Холмс. И вообще, что такое чебурек с криминальной точки зрения? Ничто. Ну, выбежал из вагона, скушал чебурек, запил его стаканчиком доброго молдавского вина и следуй дальше. Так нет же, подняли такой гвалт, будто с кого-то жемчужное ожерелье сняли.

— Что ни говори, скучные, невыигрышные дела,— вздыхают в милиции.— Подумаешь, вместо масла маргарин подсунули! Пустяк! Мелочь!

И от «мелких» дел все отмахивались, словно от надоедливых мух.

А крупные, как назло, не подвертывались. Никто не собирался нападать на банки. Никто не отцеплял эшелоны с продовольствием. И даже жулики мирового масштаба обходили почему-то Кишинев стороной.

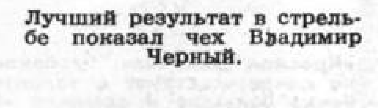
В этой-то ситуации и возник вопрос о хищениях, обвесах и обмерах на мелкооптовой базе горпищеторга. Жалобы на эти малопривлекательные явления поступали от работников детских домов, больниц и пионерских лагерей. О них сообщал и экспедитор базы Ц. Э. Фурман. Он писал, что на базе разбазаривают дефицитные товары, обвешивают и обмеривают покупателей. Но факты, которые он приводил, были до смешного мелкие. Кто-то присвоил десять килограммов масла, кто-то допустил пересортицу яблок, кому-то недовесили мясо.

Так впервые скрестили свое оружие советский и австрийский пятиборцы. А на следующий день они снова скрестили оружие, на этот раз не фигурально, а буквально. Лихтнер-Хоер долгое время являлся лидером фехтовального турнира. Но вот он встретился на дорожке с Новиковым (слева) и проиграл ему. Закончен 41 бой, и советский пятиборец на первом месте.

Отлично выступал на чемпионате и третий советский пятиборец — Борис Пахомов. Он внес немалую лепту в командную победу.

Лучший результат в стрельбе показал чех Владимир Черный.

Это мишень Игоря Новикова. Из 200 возможных очков он выбил 195 и занял второе место.

После третьего вида Игорь Новиков настолько оторвался от ближайших своих соперников, что лишь нелепая случайность на четвертом финише могла нарушить его победное шествие к золотой медали. Но плавание — один из главных козырей Новикова...

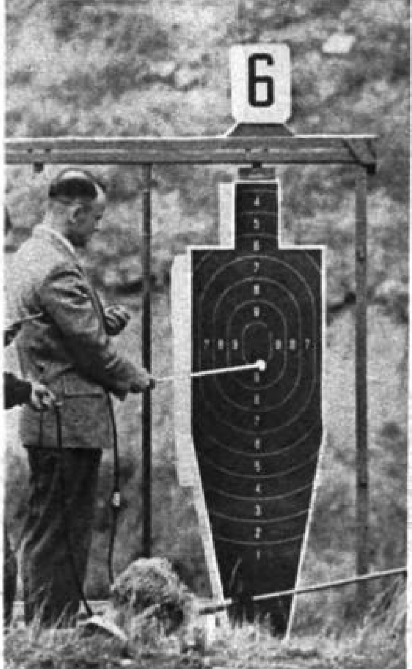

Пятиборец США Роберт Бек до конца боролся за призовое место своей команды. Вот почему он так тщательно изучает свою мишень на стрельбище.

На нашем снимке вы видите Ивана Дерюгина, второго призера чемпионата, в перерыве между двумя фехтовальными схватками вместе с маленькой дочкой. Ирочка не даст в обиду свого папу.

А вот позади и последний, пятый финиш — бег по пересеченной местности. Теперь Новикову можно принять поздравление от третьего призера — венгерского пятиборца Андроша Бальцо. Венгерские спортсмены завоевали второе командное место. На третьем закрепились пятиборцы США.

* * *

Советские пятиборцы добились выдающегося успеха: завоевано как командное, так и личное первенство. Игорю Новикову вручен приз журнала «Огонек».

В. ВИКТОРОВ

Фото А. Бочинина.

— Уголовного дела явно не получается,— решили после некоторого размышления в ОБХСС и передали материалы в Министерство торговли.

Но и там материалы не посчитали серьезными. Для порядка объявили кладовщику И. Н. Нице выговор и сообщили, что «факты злоупотреблений на базе не подтвердились».

Теперь работники базы ликовали: их голыми руками не возьмешь! Чтобы легче было сводить концы с концами, предприимчивые кладовщики завели на базе двойную бухгалтерию. Для этого они наняли частным порядком бухгалтера Трахтенберга. Платили ему из рук в руки, без ведомостей. А после того, как Ница отделался выговором, другие кладовщики стали действовать еще смелее. Теперь лучшие продукты отпускались не по накладным и нарядам, а по запискам.

«Уважаемый тов. Фрейдкин,— пишет кладовщику некий Фельдман,— пришли мне пять килограммов мяса на биточки для моего дня рождения». На базе охотно выполняют этот заказ, и именинник кушает сочные биточки, а воспитанники детского дома гложут кости.

Ц. Э. Фурман считает это несправедливым и продолжает писать. Тогда его попросту увольняют по сокращению штатов.

Нет, некстати затеял это дело беспокойный экспедитор! Ну кто ему поверит, что иные работники базы приходят на службу с пустыми кошелками, а уходят с полными?

Комсомольцы-дружинники Кишиневского горкома комсомола тоже, например, не поверили. А когда увидели, что кладовщик И. Н. Ница вышел из ворот базы с полной сумкой, то спросили:

— Что у вас там?

Кладовщик счел этот вопрос невежливым и обиделся. И не только он: обиделись также директор Кишиневского горпищеторга тов. Соколов и секретарь партбюро тов. Петрова. Они считают, что не надо было задавать никаких вопросов и интересоваться содержимым сумок. Тем паче, что содержимое их не заслуживает никакого внимания.

Как говорится в документе, подписанном ими, в сумке Ницы было: «1 кг помидор, 1 кг зеленого перца, 400 граммов лука репчатого, 1 кг говяжьего мяса». А в сумке некоего В. И. Мурсы и совсем сущие пустяки: бидончик молока в 3 литра, 5 штук лука репчатого, 5 штук помидоров и 10 штук морковок. Откуда все это? Очень просто: Ница купил свои продукты «утром на рынке, так как жена ухаживает за больным ребенком и не может ходить на рынок». Мурса же продукты «подобрал во дворе базы, оставшиеся на земле после разгрузки автомашин». Правдоподобно? Конечно! Ведь не мог же И. Н. Ница занести покупки с рынка домой (а он живет рядом), так как давно доказано, что если продукты (и в особенности мясо) подержать в учрежденческом гардеробе в течение жаркого летнего дня, то они приобретают особенно ценные вкусовые качества. Ну, а что касается разгрузок автомашин, то не все ли равно куда грузить — в склад или на землю? На землю даже удобнее, сумка тяжелее бывает!

Прочтут эти строки в Кишиневе и удивятся:

— Опять о базе горпищеторга? Но ведь даже на ее вывеске написано: «Мелкооптовая». Какие же тут могут быть крупные хищения?

Да ни один уважающий себя работник милиции, прокуратуры или торговой инспекции мелким делом заниматься не будет. Скучно ему, не интересно, не масштабно!

Но мелкие дела имеют странную тенденцию перерастать в крупные. Ведь те же чебуреки с ливером, которые продавала тетя Дуся, принесли заведующему производством Кишиневского дорресторана А. С. Кузнецову только за один месяц дохода 162 рубля. А невинные операции мясников павильона горкоопторга с сортами мяса и крохотными добавками в колбасу улучшили их материальное благосостояние ровно на 16 372 рубля. Повторяем, дело не только в этом.

Честность обязательна для всех, но особенно она необходима тем, кто стоит за прилавком мясного магазина, кто выдает продукты со склада и готовит питомцам детского сада манную кашу с молоком.

Но все эти соображения и мысли мало занимают умы некоторых кишиневских хранителей народного добра из органов контроля, проверки и пресечения. Вот читают они наш фельетон и лениво переговариваются:

— Ну, что там в «Огоньке»?

— Да опять про мелкооптовую базу.

— И про маргарин, небось, пишут и про пять граммов сахара упоминают?

— Упоминают.

— Да, странные все-таки люди журналисты. Ну что такое пять граммов сахара? Вот я положил этот кусочек в стакан, размешал ложечкой — и нет пяти граммов. И хищения нет. Неужели непонятно?

Понятно. Все понятно. «Мелкое» дело! Чего им заниматься?

В. МОРОЗОВА,
специальный корреспондент «Огонька»,
Ф. ЧАЩИН,
сотрудник газеты «Советская Молдавия»

Наташина музыка

Наташа Молочная за пианино.

Впервые свою собственную музыкальную пьесу Наташа Молочная исполнила на пианино, когда ей было четыре с половиной года. Девочка побывала за городом, вернувшись, она сочинила музыку на тему «Поезд». Потом появились более сложные произведения: «Золотая осень», «Лето», «Весна»...

Когда Наташа увидела море, она подолгу всматривалась в игру солнца на волнах, вслушивалась в шум прибоя. Через несколько дней она сказала:

— Я сложу музыку «Морская волна»...

Наташе принадлежат пьески: «Летят лебеди», «Белочка орешки грызет», «Воробышек», «Цыпленок и утенок». Побывав в цирке, Наташа сочинила интересную вещицу — «Львы Бугримовой».

Потом у Наташи появилась музыка, подсказанная поэзией Лермонтова, Жуковского, стихами советских поэтов, музыка на сказочные сюжеты. Такова, например, «Красная шапочка». Особенно ярко свидетельствует о таланте ребенка большая и сложная «Сонатина».

Когда девочку спрашивали, как она сочиняет свои вещи, как в ее сознании возникает мелодия, Наташа отвечала:

— Я слышу музыку вот так, везде. — При этом она попыталась показать руками, что значит везде.

Менее чем за год маленьким композитором написано тридцать пять произведений. С большим успехом прошло выступление девочки в Киевском суворовском училище.

О творчестве Наташи известно за рубежом. Китайские пионеры — участники хора Пекинского радио — прислали Наташе вышивку; она видна на снимке. Письмо китайских пионеров заканчивается словами: «Ты молодец, Наташа! Мы должны учиться у тебя».

Композитор В. ШАПОВАЛЕНКО

СБЕРЕЖЕННЫЕ РЕЛИКВИИ

Вот таким музеем стала квартира И. Б. Семенова.
Фото В. Александрова.

...Письмо П. И. Чайковского датировано 1883 годом. Много опасностей угрожало страничке на протяжении долгих десятилетий. Но она не затерялась, не погибла во время войн, не сгорела в ленинградской блокаде... В таких случаях говорят: «Время сберегло для нас...» Но нет, не время! Заботливые, умные руки сохранили и донесли до нас дорогой листок.

Еще в 1922 году у студента первого курса Ленинградской консерватории И. Б. Семенова появились портреты-гравюры Пушкина и Чайковского, клавир «Пиковой дамы» и повесть Пушкина с иллюстрациями Александра Бенуа.

Постепенно коллекционирование И. Б. Семенова объединяло все интересное: автографы, иконографию, книги, ноты.

Теперь реликвиям коллекционера тесно в двух больших комнатах. Длинный широкий коридор превращен в галерею. На переполненных книгами шкафах—скульптурные бюсты Глазунова, Бетховена... Стены сплошь покрыты гравюрами: Иван Борисович собирает портреты русских композиторов. В большой папке хранится более 150 фотографий, на некоторых автографы Чайковского, Рубинштейна, Листа, Штрауса, Скрябина, Прокофьева...

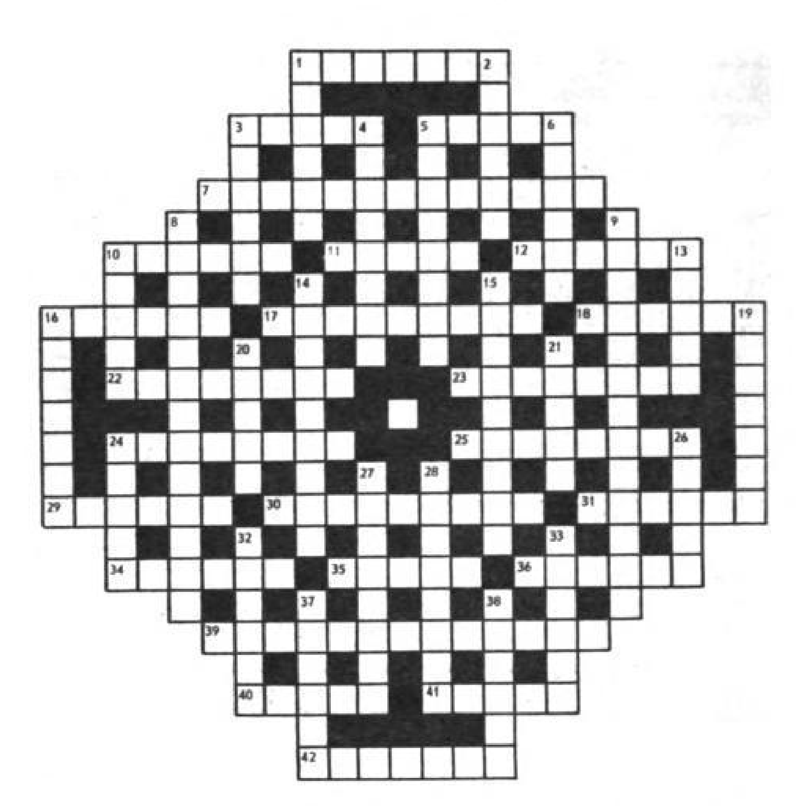
Музыкальная библиотека Ивана Борисовича состоит из тысячи двухсот томов. С исчерпывающей полнотой собраны книги по теории музыки и русской музыкальной критике от середины XIX столетия до наших дней. Многие полки занимает мемуарная литература, монографии и альбомы. Отдельно лежат книги и брошюры, которые печатались не для продажи и представляют собой большую библиографическую редкость. Вот хотя бы одна из них, «В. Стасов. Памяти Мусоргского, 1885 г.». Она раздавалась при открытии памятника на могиле композитора.

Не менее интересно и нотное богатство Ивана Борисовича. Старинные ноты выглядят очень нарядно, они отпечатаны с гравировальных досок, украшены затейливыми виньетками и портретами композиторов. Вот Варламов, Верстовский, Гурилев... Недавно переиздавались песни Гурилева. Его песню «Винят меня в народе» не смогли разыскать ни в одном музыкальном хранилище. Представьте себе, эта песня была перепечатана с уникального экземпляра, который хранится у Ивана Борисовича.

С волнением прикасаемся мы к нотным листам — они написаны Бородиным, Римским-Корсаковым, Стравинским... На столе уже образовалась целая стопа клавиров с собственноручной правкой известных композиторов. Но всего не пересмотреть, обо всем не рассказать — такова замечательная коллекция.

М. ТРАВИНА

Ленинград.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Город в Сумской области. 3. Шерстяная пряжа. 5. Площадка в древнеримском амфитеатре. 7. Советская полярная станция. 10. Наклонная площадка для въезда автомашин. 11. Приток Днепра. 12. Синтетический продукт. 16. Единица расстояния в астрономии. 17. Типографский работник. 18. Овощное растение. 22. Поэтическое произведение, близкое к оде. 23. Хозяйство для выращивания и разведения животных. 24. Вокальная пьеса. 25. Художественная керамика. 29. Герой греческой мифологии. 30. Часть якоря генератора. 31. Быстрый, виртуозный пассаж в пении. 34. Доброе пожелание. 35. Корм для скота. 36. Лесная лужайка. 39. Форма развития машинного производства. 40. Буква греческого алфавита. 41. Старинная русская монета. 42. Дерево без листьев.

По вертикали:

1. Пресноводная рыба. 2. Периодическая печать. 3. Модель земного шара. 4. Мексиканская широкополая шляпа. 5. Спортивные упражнения. 6. Вулканический массив в Армении. 8. Взаимное усиление или ослабление волн. 9. Линия, образующая прямой угол с плоскостью. 10. Торжественное шествие, смотр. 13. Пушной зверек. 14. Стартовая площадка межпланетных летательных аппаратов. 15. Прибор для оздоровления воздуха. 16. Мыс на Черноморском побережье. 19. Часть света. 20. Наименование горных пород в строительстве. 21. Мысль, приводимая в доказательство. 24. Старинная женская одежда. 26. Детский курорт. 27. Цирковое представление. 28. Узкая вертикальная горная выработка. 32. Подача мяча в теннисе. 33. Пешеходная прогулка. 37. Печатный шрифт. 38. Химический элемент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали:

4. Караваджо. 7. Экскаваторщик. 10. Неон. 11. Анива. 13. «Киев». 14. Скат. 16. Рами. 18. Трещотка. 19. Павлодар. 21. Атом. 22. Нива. 24. Шкив. 25. Агама. 26. Лава. 29. Популяризация. 30. Ординатор.

По вертикали:

1. Пайка. 2. Эвкалипт. 3. Ижора. 5. Скунс. 6. Тиски. 8. «Северянка». 9. Щелканова. 11. Атакама. 12. «Ариадна». 15. Клодт. 17. Милев. 20. Квадрант. 21. Автол. 23. Алжир. 27. Пудра. 28. Камов.

На первой странице обложки: Иван Иванович Стрельченко с дочкой Танюшей (см. в номере «Шахтерская слава лежит глубоко»).

Фото Н. Козловского.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00308. Подписано к печати 23/VIII 1961 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 3,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1428. Заказ 2106.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Мечта натуралиста.

Рисунок В. Дрогалина.

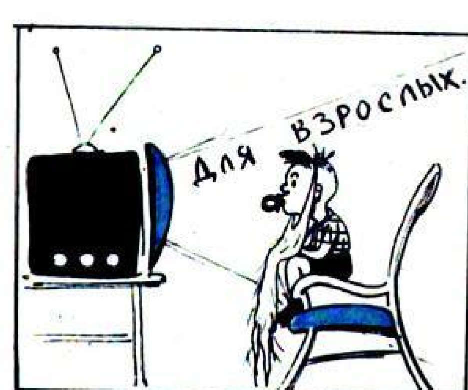
Опять забыл разменять монету.

Рисунок Г. Кованова.

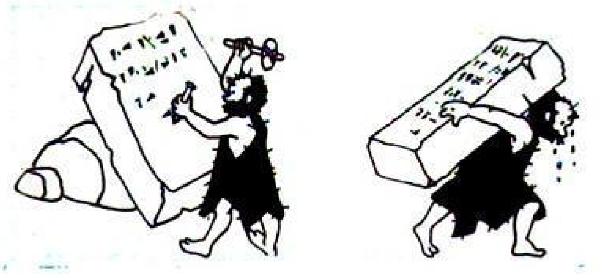
Критик в лесу:
— Одни поганки!

Рисунок А. Грачева.

Без слов.

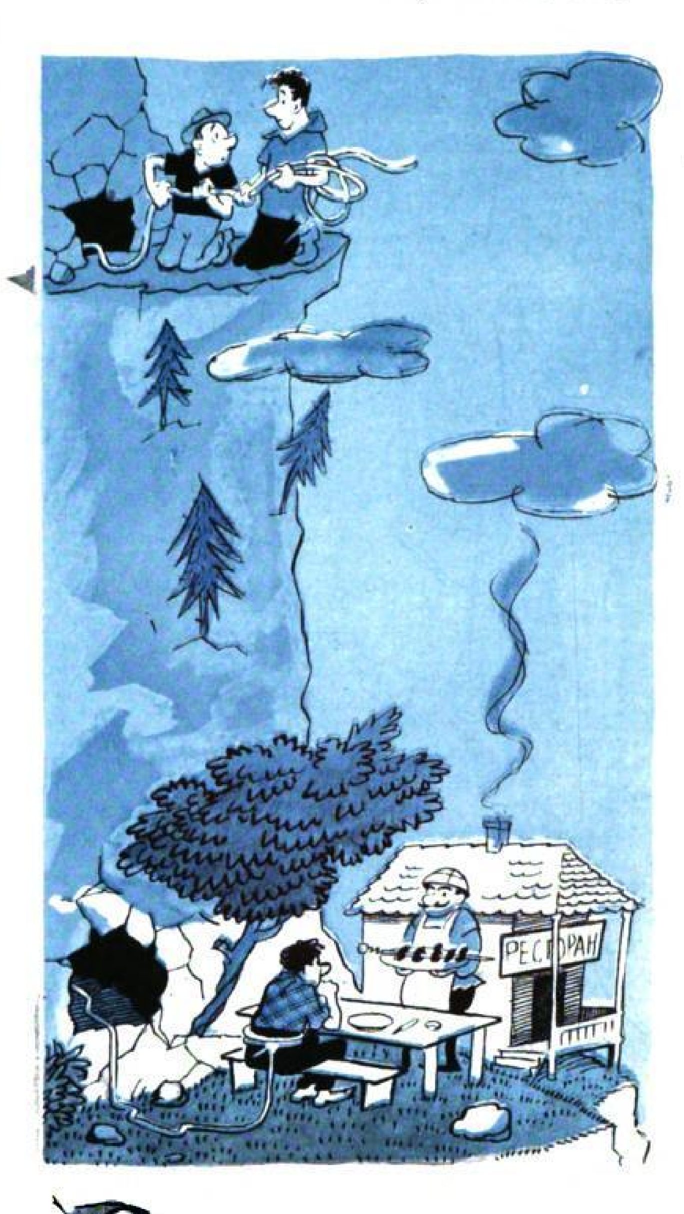
Рисунок Г. Кованова

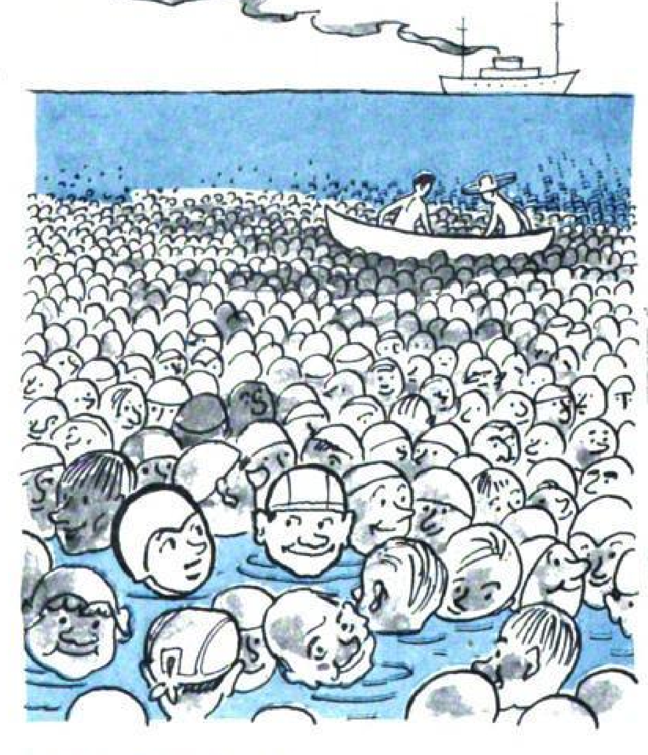

Первое письмо.

— А вдруг в пещере с ним что-нибудь случилось?

Рисунок И. Массины.

У берега Черного моря.

Рисунок И. Массины.

Рисунок В. Пузанова.

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С ЗАРУБЕЖНОЙ МОДОЙ

Летом в Москве проходило много иностранных выставок. Демонстрировали на них свои достижения и те, кто занимается культурой одежды. Мы показываем здесь модели с Голландской и с Английской выставок мод.

Фото Е. Умнова и В. Кузьмина.

ТУРИСТСКО-ЭКСКУРСИОННАЯ КОНТОРА МОСКОВСКОГО РЕЧНОГО ПАРОХОДСТВА

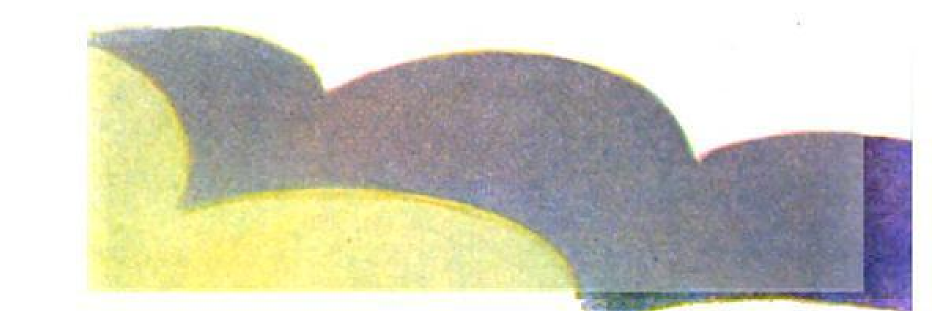
ОРГАНИЗУЕТ

экскурсии и прогулки по каналу имени Москвы и реке Москве, туристские поездки по реке Волге.

ПРОИЗВОДИТ

предварительную продажу билетов на весь период навигации на суда транзитных линий по рекам:

Волге,
Каме,
Белой,
Дону,
Оке,
Москве-реке.

НА ОСЕННИЙ ПЕРИОД навигации предоставляется **РАССРОЧКА** и скидка от 10 до 20%.

На линиях курсируют комфортабельные суда, имеющие все удобства для отдыха и путешествия.

Каюты, салоны, рестораны, буфеты, прогулочные палубы, библиотека, музыкальные инструменты, настольные игры и т. д.

Справки по телефону Д 3-43-06.

Москва, А-40, Ленинградский проспект, дом № 1.

ПОЕЗДКА НА СУДАХ РЕЧНОГО ФЛОТА—ПРИЯТНОЕ И НЕЗАБЫВАЕМОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Цена номера 30 коп.